В.И. КАЗАНСКИЙ

ГОНЧАЯ И ОХОТА С НЕЙ

В.И. КАЗАНСКИЙ

ГОНЧАЯ И ОХОТА С НЕЙ

Издательство «Лесная промышленность»
Москва, 1966

УДК 636.75

Издание второе, исправленное и дополненное

4-7-10
138-66

СОДЕРЖАНИЕ:

- От автора
- Введение
- Краткий исторический очерк
- Породы гончих в СССР
- Русская гончая
- Описание признаков русской гончей
- Русская пегая гончая
- Описание признаков русской пегой гончей
- Эстонская гончая
- Описание признаков эстонской гончей
- Нестандартные гончие
- Какая порода гончих лучше
- Требования охотника к гончей
- Содержание и уход
- Ведение породы
- О кличках
- Выращивание щенков
- Воспитание и обучение щенков
- Приучение к ошейнику и сворке
- Обучение (приездка) молодых гончих
- Нагонка
- Охота
- Виды охоты
- Ходовая охота
- Неподвижная охота
- Тропа, чернотроп, пороша
- Охота на зайца-беляка
- Охота на зайца-русака
- Охота на лисицу
- Охота на волков
- Охота на рысь
- Второстепенное использование гончей
- Охота на барсука
- Охота на кабана
- Охота на косулю и лося
- Охота на белку и птицу
- Полевые испытания
- Организация испытаний гончих
- Судейство на полевых испытаниях гончих
- Выводки и выставки
- Заключение

ОТ АВТОРА

Первое издание книги «Гончая и охота с ней» (Тула, 1960) быстро разошлось. И это закономерно при огромной популярности гончей собаки в СССР.

В лесных и лесостепных областях нашей страны любители охоты с гончей или, как мы привыкли их называть, «гончатники» наиболее многочисленны среди охотников с собаками, и число приверженцев гончей всё растёт.

Очень многие охотники «по специальности» и не гончатники тоже любят в тихий хмурый осенний день или в белые деньки первозимья послушать волнующий гон вязких и мастероватых гонцов и угадать верный лаз гонного зверя. Да ведь и для людей, пристрастных к родной природе, небезынтересно знакомство с гончей, с рассказом об этой собаке, столь удивительно решающей замысловатые задачи «премудрого» звериного следа.

Можно надеяться, что повторное издание моей работы о гончей найдёт своего читателя тем более, что книг по охотничьему собаководству у нас мало.

Отрадно, что есть возможность несколько увеличить объём книги и расширить содержание некоторых разделов, чтобы тем самым ещё углубить, а может быть, и обновить представления охотника о гончей.

Кроме исправления отдельных мест ради их большей точности и доходчивости, кроме некрупных поправок по замечаниям читателей и рецензентов, при подготовке второго издания оказалось необходимым шире изложить сущность, методику и значение бонитировки и комплексной оценки собак на выставках, дополнить главу об охотничьих качествах гончих, добавить сведения об организации сборных стай гончих и более или менее развить ещё целый ряд глав и разделов.

Во второе издание включена глава «Ведение породы» о методике и приёмах разведения собак. В главе пустовка, вязка, щенность и щенение рассматриваются кратко, так как эти понятия уже достаточно известны охотнику, но наиболее полно на примерах разобраны те вопросы и задачи, которые приходится разрешать практику-собаководу, как например: подбор производителей, техника спаривания в связи с разнообразием собачьих характеров, сложные случаи щенения и т. п.

В книге приводятся короткие рассказы, иллюстрирующие охоту, особенности и способности гончей и т. п.

Большинство глав нового, дополненного издания, как и прежнего, написано преимущественно на материале, полученном в результате многолетнего личного опыта охоты и судейства на выставках и испытаниях.

Однако в связи с переработкой некоторых глав использованы исторические сведения, содержащиеся в трудах Н.П. Пахомова («Породы гончих» и «Полевые пробы гончих»), ставших классикой «гончей» литературы.

Ещё в 1931 г. Н.П. Пахомов смело заявил, что у нас, советских гончатников, речь идёт не о восстановлении типа русской гончей, а о создании его, так как восстанавливать нечего. И это была большая правда. Добавлю, что, если говорить о породе русской пегой гончей, то её тем более пришлось создавать в советский период. И теперь можно смело утверждать, что типы обеих наших основных пород гончих в полном смысле созданы и что обе обладают высокими качествами.

Большую помощь в подборе материалов по истории наших гончих после 1917 г. оказали Б.В. Дмитриев и Б.Н. Арманд, которым автор выражает глубокую благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Охота с гончей широко распространена в нашей стране. Преимущественно любительская, очень большого спортивного значения, она имеет и серьёзную промысловую ценность.

В России гончая издавна считается одной из любимых охотничьих собак. Правда, встарь охота была доступна преимущественно привилегированным слоям общества, но к участию в ней привлекались и люди из народа в качестве псарей, выжлятников, доезжачих, ловчих и других должностных лиц громадных охотничьих штатов княжеских и боярских охот. Эти люди убеждались в отличных качествах гончей, дорожили этой собакой и, таким образом, пристрастие к ней проникало в народ. Позже в дворянско-помещичьей России гончая продолжала служить барину. Однако по мере обеднения дворянства и появления мелкопоместных собственников гончая всё больше и шире популяризируется, её хозяин становится всё более разнообразным по своему общественному положению. В конце XIX и начале XX веков охота с гончей становится доступной любому городскому и сельскому мало-мальски состоятельному охотнику.

Нечего и говорить, какие широкие возможности получили любители охоты, трудящиеся нашей страны после того, как все охотничьи угодья стали имуществом единого владельца — Советского государства, советского народа.

Зверовая охота с гончей в нашей стране — многими любима. На гигантских просторах охотничьих угодий водится много крупного и мелкого зверья: лоси, косули, кабаны, волки, рыси, лисицы, зайцы. Их можно взять с помощью гончей, а иногда только с гончей.

В СССР, где так много лесов, как не пристраститься охотнику к гончей, как не заслушаться её могучим и удивительно музыкальным голосом, который так смело будит лесное эхо и так красиво играет с ним. У истинного охотника-гончатника, до глубины души захваченного жарким гоном дружного и вязкого смычка, работа гончих вызывает чувство наслаждения, чувство высокого душевного подъёма и ощущения своей близости к природе.

А как радует охотника, тонко знающего повадки зверя, разгадывание хода зайца или лисицы и определение верного лаза, места верной встречи со зверем!

Вот вдали послышался голос гончей, добывшей зверя и побудившей его, вот к ней подвалила другая собака, и гон закипел. Обширный лесной массив, казалось бы, позволяет зверю проложить по лесу произвольный ход, уйти со слуха, увести гончих. Но охотник уже определил по звучанию голосов, по азартности гона и отсутствию больших перемолчек, что гонят лису. Он уверен, что встретит её на известном пересечении лесных дорожек. И едва успеет он добежать туда и занять этот лаз, как чуть ли не в ноги ему выкатится пышный, золотистый зверь... Точный выстрел уложит на месте чудесную добычу.

Стрельба по зверю из-под гончих обычно считается не особенно трудной, но это не верно. Гончатник должен быть хорошим стрелком; нередко ему приходится стрелять по беляку, быстро мелькающему в лесной чаще, или по русаку, летящему «во все ноги» мимо охотника на расстоянии, предельном для выстрела.

А выстрел по лисице, торопливо пробирающейся в овраге непролазной чащей? А совершенно внезапное появление гонного зверя, когда он, запутав след и сбив гончих, полным ходом выносится совсем не со стороны последних избрехов собак, а сзади или сбоку от охотника, где стрелок его и не ждал? Вот поэтому гончатник должен обладать выдержкой, меткостью и расчётливостью в стрельбе, чтобы свалить зверя, а не сделать подранка.

Сама добыча тоже хороша. Не трудно залюбоваться и снежно-чистым беляком и чалым русаком и пышной красавицей лисой и розовой рысью (которая не часто достаётся гончатнику, но тем дороже ему). Естественно, что помимо эстетического удовольствия эта добыча представляет и материальную ценность, доставляя охотнику вкусное заячье мясо, а государству ценную пушнину.

Во всей массе сдаваемых охотниками шкурок лисицы в лесной полосе нашей Родины едва ли не важнейшее место принадлежит пушнине, добытой с гончей собакой. В тех местностях, где разрешён отстрел косули и кабана, роль гончей ещё более возрастает.

Особая заслуга принадлежит гончей в деле истребления вреднейшего хищника — волка. В ряде охотничьих организаций имеются стаи волкогонов, с помощью которых успешно истребляются волки. Так, до Великой Отечественной войны у нас существовали волкогонные стаи: Центрального совета

Рисунок 1. Современная русская гончая

всеармейского военно-охотничьего общества (русских гончих), Воронежской областной охотничьей организации (англо-русских гончих) и белевская (Тульской области) общественная стая англо-русских. В послевоенные годы Калининской госохотинспекцией была создана волкогонная стая русских пегих гончих. Особо нужно выделить старейшую советскую стаю русских пегих (ранее англо-русских) волкогонов Тульского областного общества охотников, существующую уже более сорока лет.

В некоторые годы с каждой из этих стай удавалось брать до 70 и более волков. Таким образом, в лесной полосе, где самолёты неприменимы для борьбы с волками, гончие полезны и как истребители этого хищника.

Большой популярностью охоты с гончей объясняется и исключительно обширное её распространение. В европейской части СССР гончая не только многочисленна во всей лесной (за исключением Крайнего Севера) и лесостепной полосе, но нередко встречается и в степных областях и районах, где среди степей есть хотя бы небольшие участки леса. С гончей охотятся также в лесах Северного Кавказа и Крыма.

В Сибири из года в год гончая становится всё многочисленней, и если пока живёт и работает преимущественно в наиболее населённых, наиболее обжитых и культурных областях, то в будущем, по мере освоения ныне ещё безлюдных лесных пространств, гончая и здесь станет такой же обычной, как и в европейских областях Советского Союза.

Если задуматься о будущих судьбах нашей гончей, то найдутся веские основания для оптимизма.

Гончей в нашей стране предстоит ещё долгая жизнь и большая работа. Утверждать это позволяет ряд весьма существенных обстоятельств.

Первое из них состоит в следующем.

Общеизвестно, что количество охотничьих птиц в наших охотничьих угодьях стало значительно убывать. Убыль идёт как по оседлым видам, так и по прилётным. Меньше становится и наших аборигенов: тетерева, рябчика, глухаря, белой и серой куропаток, стрепета; всё беднее прилёт бекаса, дупеля, вальдшнепа, уток всех пород...

Это приводит к тому, что, если число охотников с легавой и не сокращается, то не может и расти. А ведь общее количество людей, стремящихся к охоте, становится всё больше. И вот многие из них, отказавшись от легавой из-за недостатка птицы, обращаются к гончей. Это объясняется тем, что зайца во многих областях у нас достаточно и поддерживать его поголовье на вполне удовлетворительном уровне проще, чем сохранить хорошие запасы пернатой дичи.

Эпизоотии, периодически сокращающие заячье поголовье, в охотхозяйствах при достаточно интенсивном отстреле обычно не достигают катастрофических размеров.

Нужно ещё учесть, что хотя подготовить гончую к охоте и труднее, чем легавую, — зато сам метод обучения гораздо проще.

Многих охотников устраивает и то, что гончая легко выносит довольно суровые условия содержания и, как правило, неприхотлива к корму.

Особо нужно отметить ещё одно очень существенное обстоятельство в пользу гончей — это всё более широкое использование этой собаки для общественных, коллективных охот.

Всё больше охотничьих обществ обзаводятся общественными гончими, размещая их на своих охотбазах под наблюдением и руководством штатных егерей.

Если по своей физической выносливости, по несложности обучения и по некоторым другим своим качествам лайка в последнее время становится конкурентом гончей, то в отношении общественного использования гончая остаётся вне всякого сравнения.

Непрерывно растущее число охотников — любителей гончей, постоянный рост поголовья собак гончих пород, крупнейшая роль гончей в обслуживании охотников на общественных охотничьих базах и в охотничьих хозяйствах — всё это указывает на исключительно важное положение гончей в советском охотничьем деле и на широкие перспективы для этой собаки в будущем.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Много изменений претерпела гончая на протяжении истории человечества, много пород её создавалось и исчезало, но неизменными оставались основные качества этой собаки: хороший рост, сильное сложение, отвага и злобность. Благодаря этим качествам гончая боролась со зверем, нередко превосходящим её по силе и размерам, но что ещё важнее, преследовала зверя с постоянной и частой отдачей звучного голоса, что давало возможность охотнику знать, где и как идёт зверь, и определять место встречи с ним.

Корни, от которых пошла гончая, очень древние. Уже та собака, которую доисторический человек приручил и сделал своей помощницей на охоте, была сродни гончей. Она помогала своему хозяину в борьбе с хищными зверями и при добыче крупной дичи.

На первых порах собака, вероятно, работала совместно с человеком при непосредственных встречах со зверем, в дальнейшем же деятельность её расширилась и, может быть, начав с преследования раненой добычи, собака стала привыкать к работе по следу и научилась гнаться за зверем, гнать его.

Представление о роли собаки на охоте несколько тысяч лет назад дают изображения на памятниках древнего Египта. Эти изображения дают основание полагать, что уже пять-шесть тысяч лет назад у египтян существовали породы охотничьих травильных собак, совмещавших функции борзых и гончих, т. е. работавших по следу зверя и ловивших его.

Для людей, интересующихся гончими, особую ценность представляют барельефы с изображениями охоты, найденные в 1845 г. англичанином Лэйардом при раскопках дворца ассирийского царя Ашшурнасирапала II в городе Кальху, скрытом в холме Нимруд (недалеко от ныне существующего иракского города Мосула).

На этих барельефах, относящихся, по мнению ученых, к 884-859 годам до нашей эры, среди прочих охотничьих мотивов есть изображения охоты с собаками. На одном из барельефов дана картина травли дикого осла: четыре собаки настигли животное и вцепились ему в шею, в бедро, в плечи. Любопытно то, что эти собаки по своему сложению, по форме голов с висячими ушами очень похожи на наших современных гончих — такие же кряжистые, ребристые, костистые и сильные. Даже отлогое положение саблевидного хвоста (хочется сказать — гона) точно такое же, как у нашей русской гончей. На барельефе, рисующем собак, ведомых охотниками на ременных поводках, опять изображены, как будто бы, гончие, которые лишь несколько грубее современных. Не известно, гнали ли эти собаки с голосом, но что они гнали по следу, это несомненно — осла собаки затравили и взяли без участия человека, который остался пока где-то за рамками барельефа.

Итак, уже почти три тысячи лет назад (а вероятно, и ещё раньше) были собаки типа нашей современной гончей. Конечно, при внешнем сходстве эти ассирийские собаки несли службу далеко не такую, как наши гончие: они должны были либо ловить зверей, либо загонять их в тенета.

О таком же использовании травильных собак упоминает и Гомер (1000-900 годы до нашей эры).

В древней Греции, где широко была развита охота с собаками на различных зверей, появились даже литературные кинологические труды. Первое, известное нам руководство по охоте, было написано в IV-V веках до нашей эры выдающимся древнегреческим писателем Ксенофонтом Афинским. Довольно значительное место в этом произведении уделено ведению породы (вязкам, щенности, щенению) охотничьих собак, воспитанию и охоте с ними. Судя по тому, что Ксенофонт говорит о следовой работе собак по зайцу, можно заключить, что их назначение уже тогда приближалось к роли, какую выполняют современные гончие, но собаки гнали зайцев в ловушки, а не под выстрел.

В другом «кинегетике» (руководстве по охоте), составленном историком и географом Аррианом во II веке нашей эры, рассказывается о следовой работе собак и наряду с этим о породах «вертрагов», т. е. борзых.

Следовательно, уже в эпоху Арриана травильные собаки дифференцировались на работающих по следу, близких к нашим гончим, и скоростных собак, борзых, «вертрагов» с назначением ловить.

С выходом на мировую арену новых народов, с развитием культуры и изменением жизни людей изменялось и назначение собак, подобных гончим. Так, в древнем Риме травильные собаки использовались в цирковых зрелищах, где с их помощью за день убивались сотни и тысячи зверей на потеху многочисленным зрителям. А у галлов за несколько веков до нашей эры уже существовала организованная псовая охота, подобная «островной» охоте русских помещиков: стая гончих набрасывалась в лесной отъём, чтобы выставить зверя из леса в поля на своры борзых.

В отличие от греков, которые охотились с собаками пешком, галлы и римляне применяли верховых лошадей, что делало их охоту ещё более сходной с нашей псовой.

Наряду с галльской охотой, где чётко разделялись функции гончих и борзых, в Западной Европе ещё долго существовала охота с травильными собаками типа современной английской парфорсной охоты на лисиц.

Особенное развитие получила охота с гончими в Западной Европе в средние века, причём она имела преимущественно парфорсный характер. Первенство тут, по-видимому, принадлежало Франции, где было выведено много пород гончих, а также были широко распространены и борзые.

Очень серьёзно занимались собаководством и англичане, уделявшие большое внимание, в частности, гончим.

Насколько совершенными стали гончие средневековья, можно судить по тому, что нередко одна стая сганивала и осиливала за один день трёх-четырёх оленей. При этом высоко ценилась и культивировалась верность гона, т. е. погнав оленя, гончие должны были гнать его одного, ни в коем случае не бросая его и не подменивая, даже, если гонный зверь проведёт стаю через стадо других оленей.

Из французских пород, доживших до XX столетия (и, очевидно, претерпевших крупные изменения), Л.П. Сабанеев называет гончих: нормандских, артезианских (артуа), гасконских, сентонжских, пуатевенских, вандейских, фарфоровых арьежских, овернских. Среди этих собак были породы настолько крупного роста, что, пожалуй, не уступали в этом борзым. Например, сентонжские гончие имели высоту в холке до 77 см. Во Франции охотно скрещивали местные породы с английскими (фоксгаундом); известны англо-сентонжи и другие помеси. Так называемые гончие святого Губерта разводились в разных странах: во Франции велась белая разновидность, в Англии — чепрачная.

По мере роста населения, расширения городов, возникновения новых промышленных центров, сужения охотничьих угодий и исчезновения некоторых видов зверей охота с гончими в Западной Европе всё более и более сокращалась и это, естественно, вело к уменьшению числа пород гончих.

Так сошла на нет некогда довольно распространённая гончая святого Губерта, исчезла английская оленегонная гончая (стеггаунд) и некоторые другие породы. Однако в Польше, Швеции, Финляндии, Швейцарии, Канаде, США и других странах создавались новые породы гончих.

Французские гончие для русских охотников не представляют особого интереса, так как они мало ввозились в Россию. Н.П. Пахомов называет лишь гончих породы артуа, бывших в охоте Кузнецовых, французских гончих Голицына, да англо-франко-русскую стаю Першинской охоты.

Першинская охота почти до 1917 г. использовала французских производителей. Так, в 1916 г. в Першино из Франции была привезена выжловка, названная «Затейкой» и записанная под № 124 во II части родословной книги собак Першинской охоты.

В советское время при ведении англо-русской, ныне русской пегой, гончей немногочисленные собаки, происходившие от Першинской англо-франко-русской стаи, не рассматривались как нечто особое, и их кровь быстро растворилась в общем потоке англо-русских гончих.

Роль французских гончих в формировании наших пород близка к нулю. Даже не известно, кровь какой именно французской породы попала в нашу русскую пегую гончую. В дошедших до нас документах Першинской охоты и, в частности, в книге её руководителя Д.П. Вальцова нет никаких указаний об этом, кроме общего названия «французская гончая».

Значительный интерес для нас представляют английские породы фоксгаунд и биггли.

Фоксгаунд — собака крупного роста, выведен и используется в Англии для парфорсной охоты на лисиц.

Какой паратостью, силой и выносливостью должен обладать фоксгаунд, видно из того, что англичане требовали от него (конечно, в стае) способности сгонять лисицу за 40-60 минут.

Фоксгаундов привозили в Россию, начиная с XVIII столетия. Они послужили материалом для создания англо-русской помеси, ставшей ныне русской пегой породой.

Фоксгаунд может служить примером изменчивости породы. Изображения фоксгаундов конца XVI-II столетия характеризуют их как собак сухого, несколько борзоватого склада, с узкой вытянутой, тоже борзоватой головой. Во второй половине XIX века фоксгаунды стали внешне гораздо тяжелее, головы их укоротились и морды приобрели прямоугольные очертания, что связано с их очень увеличившейся «объёмистостью».

Рисунок 2. Фоксгаунд начала XX столетия в Англии. Чемпион 1913 г. по первой осени Трикслер

Наконец, судя по фотографиям 1911 г. и по экземплярам, привезенным в СССР около 1930 г., фоксгаунд XX столетия снова приобрёл несколько иные формы. Голова утратила «перелом» и верхняя линия её почти не имеет уступа при переходе от черепной коробки к морде. Пясти и запястья («пазанки») стали очень короткими и отвесными, а пальцы исключительно короткими. Гон приобрёл форму серпа и собака носит его ещё круче, чем в прошлом веке.

Ещё одна английская порода гончих использована у нас для создания новой местной гончей — это «биггли» — мелкая собака, используемая на родине для охоты на зайцев. Кровь биггли вошла важной составной частью во вновь выведенную малорослую эстонскую гончую.

Некоторое значение для формирования наших пород имели гончие Польши. Авторы-кинологи XIX столетия различали четыре породы польских гончих: тяжёлую, напоминавшую своей сырой конституцией и пешестью гончую святого Губерта (от неё польская тяжёлая, очевидно, и происходила); польскую паратую — собаку сухого сложения, происходившую, видимо, от смешения западных гончих с русской; огара — особенно крупную собаку (бывшую в то время уже на грани вырождения) и, наконец, польскую маленькую.

Три первые породы работали как по зайцу, так и по волку и годились для стай в псовых охотах. «Маленькая» гнала только зайца.

Польские гончие описывались различными авторами по-разному, что, вероятно, объясняется нечётким разграничением пород. Однако во всех описаниях отмечался чепрачный окрас польских гончих как основной. В окрасе густому чёрному чепраку сопутствовали сравнительно небольшие более или менее красные подпалины.

В XIX столетии много польских гончих было привезено в Россию, однако здесь они не сохранялись в чистом виде, а смешивались с коренной русской гончей.

В последнее время породы гончих принято делить на две группы: в западную группу некоторые авторы (П.М. Мачеварианов, М.П. Губин, Н.П. Кишенский, Л.П. Сабанеев, Н.П. Пахомов) включают обычно английских, французских и польских гончих. Эту группу следовало бы дополнить ещё гончими скандинавскими, швейцарскими и, может быть, американскими, которые являются по существу разновидностью английских.

К восточной группе причисляют нашу коренную русскую; гончую, затем брудастую и арлекина, тоже сформировавшегося в России, а также породы, образовавшиеся от смешения восточной и западной пород, например современная русская пегая гончая (бывшая англо-русская) и недавно признанная эстонская.

ПОРОДЫ ГОНЧИХ В СССР

Время появления и корни происхождения гончей в России неизвестны, но существование местной породы в очень древней Руси бесспорно.

Мнение некоторых авторов, что гончая пришла к нам от татар, необоснованно. Ведь татары были исконными степняками, а гончая — собака лесной охоты. Если татары стали охотиться с гончей в тех лесных краях, где они осели, то гораздо вероятнее, что ими использовалась та собака, которую они нашли в завоёванных местах.

И тем с большим основанием можно утверждать это, если учесть, что об охоте с гончей свидетельствуют памятники, созданные до татарского ига.

Не раз упоминается гончая и в древних летописях. Фрески в киевском Софийском соборе, построенном в XI веке, подтверждают, что охота с гончей была известна ещё во времена Ярослава Мудрого.

О наших гончих свидетельствуют и более поздние литературные источники. Например, посол императора Максимилиана Герберштейн, описывая в своих «Записках о Московии» богатейшую псовую охоту великого князя Василия III, говорит не только о борзых, но и о гончих, которых у князя, по словам Герберштейна, было очень много и которые работали в больших стаях.

Эти сведения относятся к началу XVI столетия. Хорошая организация псовой охоты Василия III даёт основание заключить, что это дело не было какой-то новинкой и что, наоборот, к XVI столетию уже накопился большой опыт псовой охоты.

Царь Михаил Фёдорович (начало XVII века) проявлял серьёзную заботу о своей охоте вообще и, в частности, о гончих.

О гончих более позднего времени также есть немалое количество литературных материалов.

Первым специальным трудом по псовой охоте явилась книга немца фон Лессинга «Регул, принадлежащий до псовой охоты», вышедшая в свет при царе Алексее Михайловиче в середине XVII века.

О гончих в России в XVIII столетии говорится в книгах Н. Макарова и Евг. Дюбюка (сведения этих авторов касаются в основном борзых и гончих собак Костромской губернии).

В XVIII веке в Россию начинают попадать западные гончие — французские и английские.

По официальным сведениям, в 1730 г. в царской охоте, размещавшейся в Москве в Измайловском зверинце, насчитывалась 241 собака, в том числе 50 борзых, 50 французских гончих, 128 гончих русской породы, 4 кровяных гончих (блодхаундов) и 9 такселей (такс).

Насколько несовершенно было ведение пород гончих в те времена, можно судить по той их разнотипности и разношёрстности, которую стали отмечать в печати охотники XIX столетия, оказавшиеся в положении наследников, получивших достаточно беспорядочное и даже чуть ли не хаотическое наследство.

С семидесятых годов прошлого столетия в России началась более или менее серьёзная племенная работа с породами гончих. С этого же времени (1874 г.) у нас начали устраиваться регулярные выставки охотничьих собак, которые явились, с одной стороны, смотром наличного породного материала, а с другой — послужили толчком, стимулом к обдуманному и целенаправленному подбору производителей в собаководстве.

Различные авторы усматривали в России существование 12-13 пород гончих (называли их по-разному): старинная русская, костромская; русская прямогонная, русская крутогонная, русская пешая, арлекин, англо-русская, польская тяжёлая, польская паратая, польская заячья, курляндская, брудастая, русско-польская.

Критический анализ этого списка показывает, что многие из названных пород являлись либо просто выдуманными, либо отдельными уклоняющимися от нормы типами действительно существовавших пород.

Все пять русских пород в действительности были одной породой, а представление о многих породах русской гончей создавалось вследствие её разнотипности. Разнотипность же существовала огромная, так как многие помещики держали свои псарни обособленно, при подборе производителей руководствовались не каким-либо общепринятым стандартом, а лишь своим собственным вкусом и вели породу, как говорится, «в себе», т. е. не допускали смешения своих собак с гончими других

псарен.

Разнообразие и как бы разнопородность русской гончей зависела не только от разобщённости псарен, но и от прибавления к отечественной гончей крови западных пород гончих — польской, английской и других, а возможно, даже и пород легавых.

Так, в середине XVII столетия фон Лессинг в названной книге «Регул, принадлежащий до псовой охоты» рекомендовал для получения верхочутых гончих «соблюсти» (т. е. повязать) легавую суку (с оговоркой, «чтоб она была породная») с гончим выжлецом, который тоже должен быть «породный мастер». После того как щенки перегодуют («как распустуют»), повязать их тоже с лучшими мастерами (гончими). А затем «от того, то есть, от третьего колена, прямо верхочутых собак иметь».

Вряд ли совет Лессинга не был использован, и, наверное, в некоторых тогдашних стаях (семьях) гончих оказалась кровь легавых.

Как известно, в XVIII столетии начался завоз в Россию английских гончих, и теперь невозможно установить, насколько сильным было влияние английских оленегонов и лисогонов на нашу коренную гончую. А что оно действительно было и притом заметное, видно из неоднократных упоминаний в охотничьей литературе XIX столетия о происхождении пресловутых «костромичей» от английских гончих.

Есть сведения и о более новом подмешивании других пород к русской гончей.

Н.П. Пахомов сообщает точные данные о том, что при создании знаменитой багряной стаи Першинской охоты — образца русской гончей — использованы гончие пензенского помещика Н.А. Панчулидзева, происходившие от собак А.И. Арапова. А последние внешне не отличались от польских гончих.

Есть ещё более сильные свидетельства. Н.П. Кишенский, известный знаток и судья гончих, бывший даже в конце XIX и начале XX веков «вершителем гончих судеб», указывал на нечистопородность современных ему русских гончих. В книге «Ружейная охота с гончими» он писал: «В настоящее время (т. е. в конце XIX века — В.К.) породы гончих страшно перемешались. ...теперь трудно достать гончую, в которой не было бы английской крови». При выборе гончих он рекомендовал: «одной масти советую избегать — это каштановой или кофейной; такие гончие обыкновенно с примесью легавой крови»...

Из высказываний Н.П. Кишенского можно заключить, что в России встречались гончие и такого вовсе негончего окраса (по действующим в настоящее время стандартам кофейный или каштановый окрас ставит гончую вне породы).

Итак, несомненно, предки нынешних русских гончих имели примеси английских, польских, французских гончих, а также и легавых (кофейный окрас).

Порочит ли это ныне существующую породу русских гончих? Большая ли беда, если русская гончая не обошлась без различных и, вероятно, довольно значительных примесей крови инопородных собак?

И большой ли грех говорить, что в дооктябрьском периоде все наши гончие не представляли собой вполне выкристаллизовавшихся пород?

Конечно нет! Нельзя же рассчитывать на существование настоящих пород всероссийского масштаба в те времена, когда, с одной стороны, слишком велика была возможность притока посторонних кровей, а, с другой — в течение веков не было ни родословных книг, ни какой бы то ни было регистрации гончих, ни выставок, которые могли бы служить стандартизации гончих пород. Не было даже понятия о племенной работе с собакой.

Лишь в конце XIX столетия после проведения первых выставок охотничьих собак в России создалось представление о недопустимом хаосе в ведении пород гончих, о необходимости стандартов. Стал, наконец, формироваться тип русской гончей. Лучшими представителями породы были признаны Комынинские и Алексеевские гончие.

А что же толки о «старинной» русской гончей, обладавшей, якобы, какими-то сверхъестественными талантами?

Стоит только вспомнить «старинных» владельцев псовых охот, вряд ли смысливших в собаководстве да и мало интересовавшихся им, чтобы не поверить ни в отличный экстерьер, ни в исключительные способности «старинных» гончих.

В самом деле, какие из рабочих качеств могли быть в старину особенно хороши? Голоса собак да их злоба. Общеизвестно, что в старые времена назначение нашей гончей сводилось лишь к тому, чтобы

выставить зверя из леса в поля на своры борзых, а дальше гончая не имела права гнать. Значит, ни добычливость, ни вязкость, ни мастерство у «старинной» гончей не развивались, да и особенно тонкого чутья ей не требовалось, если вся гоньба по зверю длилась считанные минуты, редко полчаса!

Следует остановиться на знаменитой и прославленной в своё время «костромской» породе, поскольку это название все ещё бытует у провинциальных охотников, и находятся даже кинологи, всё ещё как-то тяготеющие к памяти «сельца Охотничьего», поместья Н.П. Кишенского, которое он рекламировал как единственно оставшийся в России питомник подлинных, чистокровных «костромских» гончих.

Костромская порода, как совершенно самостоятельная и чисто аборигенная, была создана воображением охотников и миф о ней поддержан Н.П. Кишенским. Что это так, теперь неопровержимо доказано Н.П. Пахомовым, который в книге «Породы гончих» (1931 г.) приводит любопытное сопоставление описаний костромской гончей по Н.П. Кишенскому («Ружейная охота с гончими», 1906 г.), М.П. Губину («Руководство по псовой охоте», 1890 г.) и Г.Д. Розену («История гончих собак», 1896 г.). Эти авторы жили и писали примерно в одно время. Однако Н.П. Кишенский считал типичным для костромича «череп узкий борзоватый с развитым гребнем», а М.П. Губин и Г.Д. Розен называли голову этой собаки «коротковатой, широкой между ушами». Н.П. Кишенский считал, что для «костромича» типичны глаза «средней величины, чёрные (вернее, карие) или жёлтые, бывают очень светлые», М.П. Губин — «большие навыкате, весёлые и всегда тёмного цвета», а по Г.Д. Розену они — «небольшие чисто жёлтого цвета».

Не стоит перечислять все расхождения в описаниях «костромича» различными авторами, очевидно, они описывали то, что видели, а видели они по-разному. Ясно, что так называемая «костромская гончая» была лишь одним из нестандартных «вариантов» большой и не упорядоченной русской породы.

Отметим ещё лишь одну многозначительную черту в описании «костромской гончей», сделанном её главным пропагандистом Н.П. Кишенским. Говоря об одном из самых ярких признаков породы — окрасе, он утверждал, что: «костромские гончие бывают трёх мастей: чёрные впросерь в подпалинах, жёлто-багряные и чёрно-пегие в подпалинах...».

Из этого высказывания видно, что Кишенский ошибочно относил к «костромичам» и чёрно-пегую в румянах англо-русскую гончую, которая, кстати сказать, в Костромской губернии была, по-видимому, одним из главных корней местной гончей. Недаром же в журнале «Коннозаводство и охота» за 1843 г. автор под инициалами В.О. писал, что в этой губернии «гончие идут от английских собак, выписанных очень давно богатым помещиком Салтыковым». Недаром и в 1846 г. Реутт в двухтомном труде «Псовая охота» утверждал: «У нас, в Костромской губернии, славящейся отличными породами гончих, происшедшими от английских и польских собак...».

Н.П. Пахомов, справедливо считая наиболее достоверными высказывания людей, пишущих о гончих бесхитростно, без какой-либо предвзятости, ссылается на С.М. Глебова, который в заметке («Журнал охоты») упоминает «знаменитых костромских собак Павлова и Зузина от английских».

Н.П. Пахомов указывает также на статью Ауэрбаха «Из недавнего прошлого» («Природа и охота», 1885, № 10), где в описании гончих костромских охотников Мустафина и Павлова имеются такие выражения: «Собаки Мустафина... все краснопегие с жёлтыми подпалинами», «Павловские собаки чёрные... в маленьких красных подпалинах на бровях и на груди...».

С большим основанием можно считать, что мустафинские багряно-пегие были с английской кровью, а павловские — с польской. А ведь основой «единственно чистокровных» костромских гончих Н.П. Кишенского послужили как раз мустафинские и павловские гончие. Но Кишенский не желал видеть очевидного и, убедив себя, что его собаки самые лучшие, единственные и т. д., вёл свою псарню на теснейшем инбридинге к неминуемому вырождению и действительно довел её до самого жалкого состояния.

Всё сказанное отчётливо показывает, какой сумбур царил в толках о гончих, о «старинных» породах и в пропаганде породы каких-то необычайных «костромичей». Надо полагать, что среди гончих Костромской губернии было много действительно хороших рабочих собак, хотя они и не являлись строго определённой породой. Они-то и создали представление о замечательных костромичах, перешедшее затем в легенду о «костромской» породе.

Таким образом, несомненно, что в XIX столетии русская гончая была не разнопородна, а очень разнотипна и разномастна в силу разных примесей. Что касается англо-русской гончей (ныне русской пегой), то и она не могла быть достаточно стандартной, так как одновременно эта помесь выводилась в

различных псарнях и строилась на разном исходном материале и в зависимости от взглядов владельца той или иной стаи гончих, приближалась то к русской породе, то к английской, а то даже и к французской (англо-франко-русские гончие Першинской охоты).

Выставки собак заставили охотников обратить внимание на этот разнобой в породах и многие собаководы стали стремиться к созданию более или менее единого типа русской гончей, к установлению некоторых рамок и для помесей (англо-русской и русско-польской).

В 1896 г. в Москве состоялся съезд псовых охотников, который принял стандарт русской гончей, составленный известным знатоком и заводчиком гончих П.Н. Белоусовым. Этот стандарт лёг в основу экстерьерного описания признаков данной породы и не утратил своего значения и поныне.

С установлением стандарта у нас и началось введение экстерьера русских гончих в строгие породные рамки.

Появились, наконец, и охотники-гончатники, сумевшие действительно серьёзно отнестись к ведению породы и понимавшие основы племенного дела. Они искали хороших производителей и среди своих гончих и на стороне и умели, сообразуясь со стандартом, добиваться типичности и вообще улучшения экстерьера своих собак. Таким образом, создались стаи не только однотипные внутри себя (такие бывали и прежде), но и очень близкие по типу к стаям других охот.

Таковы были, например, гончие П.Н. Белоусова, И.Н. Комынина и М.И. Алексеева. Эти собаки были близки к современному типу русской гончей, и заводческую работу их хозяев можно считать как бы закладкой фундамента для той деятельности советских собаководов, которая привела к окончательному формированию и, так сказать, шлифовке современного типа русской гончей.

Ко времени Великой Октябрьской революции в России считались реально существующими следующие породы и помеси гончих: русская, арлекин, англо-русская (с включением сюда першинской англо-франко-русской), русско-польская и брудастая. Предполагалось также, что в России имеются чистые польские гончие двух видов: тяжёлая и паратая[1].

Собравшийся в 1925 г. в Москве 1-й Всесоюзный кинологический съезд СССР выработал стандарты перечисленных основных пород. Наиболее важным в работе съезда было признание англо-русской гончей самостоятельной вполне определившейся породой (она оказалась менее разнотипной, чем русская).

При дальнейшей племенной работе с русской и англо-русской породами в СССР были достигнуты высокая породность, отличный экстерьер и небывалая однотипность.

Советскими собаководами и кинологами созданы определённые и совершенные типы двух наших основных пород гончих.

Речь идёт, конечно, не о тождественности всех собак породы, она не нужна и недостижима, а о том основном сходстве, когда ни у кого не может возникнуть сомнения в однопородности этих собак и когда они легко сравнимы между собой. Породная однотипность не исключает вторичные типы или подтипы, несущие сравнительно мелкие черты различия, по которым опытный глаз может выделить потомков кировской группы русских гончих, например линии чемпиона Гула П.Г. Хлюпина, от собак, сохранивших характерные признаки линии Трубача 293/г.

Что касается других пород, то на деле они оказались несуществующими.

К 1925 г. не уцелело ни одной значительной группы более или менее типичных и стандартных арлекинов. Не осталось также брудастых и кровных польских. А так называемые русско-польские, местами многочисленные, объединённые лишь одним общим признаком — густо-чёрным чепраком, оказались настолько разнотипными, разношёрстными, что никак не укладывались в понятие породы. К русско-польским относились не только помесь русской и польской гончих, но и вообще всевозможные вымески гончих неизвестного, сплошь и рядом полугончего, происхождения, лишь бы у собаки был чёрный чепрак и общий склад гончей.

Постепенно кинологам стало известно, что арлекин как порода исчез, стали попадаться лишь не стандартные гончие с признаками этой породы; брудастая гончая вообще перестала встречаться; русско-польские собаки, в провинции всё ещё не редкие, не могут быть названы породой.

[1] Н.П. Кишенский называл ещё две породы — курляндскую и польскую маленькую, или заячью, происходящую, якобы, из Литвы.

Если на Всесоюзном кинологическом совещании в 1939 г. всё ещё считали нужным стандарт русско-польской гончей, то Всероссийское кинологическое совещание 1947 г. признало эту породу не существующей.

Таким образом, с 1947 г. в СССР признаны только две основные породы гончих: русская и англо-русская.

Кинологическое совещание, созванное в 1954 г. Главным управлением по заповедникам и охотничьему хозяйству СССР, признало создание и существование у нас ещё одной породы гончей — эстонской, которая была в последующем утверждена Министерством сельского хозяйства СССР.

РУССКАЯ ГОНЧАЯ

Из многочисленных стай гончих, принадлежавших различным помещикам во многих русских губерниях, далеко не все были известны и не все играли более или менее существенную роль в породе. В конце XIX и начале XX столетий были особенно известны несколько стай русских гончих.

К их числу относятся першинские багряные, принадлежавшие Першинской охоте великого князя Николая Николаевича в Тульской губернии.

Основу этой стаи составили гончие русского типа, багряного окраса, купленные в 1886 г. у пензенского охотника Столыпина и у костромского — Братке. Очевидно, для расширения состава производителей позднее были приобретены ещё 9 собак (также багряных) у Н.А. Панчулидзева.

Гончие, выведенные от этого исходного материала и составившие першинскую багряную стаю, были очень рослые, мощные, тепло одетые, с характерными большими головами и удлинёнными прямоугольного обреза мордами.

Стая отлично работала по волкам, была очень голосистой (только низких басов не было в ней) и отличалась такой огромной паратостью, что владельцу пришлось заменить бывших под доезжачими и выжлятниками киргизских и кабардинских лошадей полукровными английскими скакунами.

Стая существовала примерно 30 лет (с 1886 по 1917 г.).

По свидетельству Н.П. Пахомова, в 20-х годах на выставках в Туле нередко встречались гончие типа багряных першинских (ухудшенных). Следовательно, першинские багряные сыграли некоторую роль в формировании современной русской гончей. Однако это не было документально зафиксировано, так как у большинства отмеченных Н.П. Пахомовым собак были утрачены родословные.

Отдельные производители першинского происхождения, например Забавляй Ананьева, вошли в современную породу с достоверными родословными.

Большой известностью пользовались гончие охотника Н.В. Можарова (из Калужской губернии), которые отличались серым (как бы волчьим) окрасом. Собаки были мощные, костистые и славились своими полевыми качествами.

Несмотря на всю свою славу в дореволюционное время и на то, что кровь можаровских гончих владельцы других стай охотно приливали к своим собакам, для племенной работы нашего периода можаровские гончие непосредственного значения не имели.

Особенно популярны были собаки Н.П. Кишенского, помещика Тверской губернии (сельцо Охотничье). Выше уже говорилось, что владелец усиленно рекламировал своих гончих как единственно подлинных «костромичей». Первоначально он добился больших успехов, и в его охоте были рослые, сильные собаки, действительно обладавшие отличными рабочими данными. В их основном чепрачном окрасе имелась особенность: белые отметины на лапах, конце гона, груди и белая загривина, иногда образовывавшая как бы белый ошейник.

В дальнейшем гончие Н.П. Кишенского вследствие неправильного ведения породы выродились, измельчали, утратили свою породность и рабочие качества.

Что представляли собой гончие Н.П. Кишенского в последний период его деятельности, видно по изображению его стаи. При сравнении этих собак с нынешними русскими гончими или с гончими современных Кишенскому стай Алексеева, или Комынина, видно, что «костромичи» очень простоваты, непородны.

Следует сказать, что гончие завода Кишенского попали в родословные некоторых собак, с которых советским гончатникам пришлось начинать племенную работу с гончей. Например, прямой потомок собак Н.П. Кишенского Пискля владельца Яльцева (г. Алатырь), сыграла в 20-х годах заметную роль в работе советских собаководов.

Рисунок 3. Стая «костромичей» (примерно 1900 г.) Н.П. Кишенского (из собрания Н.П. Пахомова)

В конце XIX столетия наиболее типичными по экстерьеру считались русские гончие доктора П.Н. Белоусова (чепрачные). Славились они и работой по волку. Добывай П.Н. Белоусова послужил образцом для составления в 1896 г. первого стандарта русской гончей.

В основе белоусовской стаи лежали гончие лучших тогдашних охот: Н.В. Можарова, М.В. Столыпина, Ф.А. Свечина, Д.Ф. Дурасова, Депельпора, Н.А. Панчулидзева и др.

П.Н. Белоусов постоянно ставил своих гончих на выставки, и несколько его собак были удостоены высших наград. Кроме Добывая — чемпиона XX выставки бывшего императорского общества охоты (1894 г.), на XXII выставке в 1896 г. чемпионом стал белоусовский же Зажигай. Золотые жетоны за лучшую русскую гончую дважды получали Зажигай и Хайло III.

Собаки П.Н. Белоусова, по свидетельству видевшего их Н.П. Пахомова, отличались поразительной мощностью, крупным ростом, были очень хорошо одеты, многие из них имели характерный для русской гончей волчий постанов — высокоперёдость.

Гончие П.Н. Белоусова были известны и за рубежом. Выжловка Стройна была продана за границу по баснословно высокой по тем временам цене — за 400 рублей.

Однако к 1910-1912 гг. гончие П.Н. Белоусова; как сообщает Н.П. Пахомов, «стали вырождаться: многие собаки были вздёрнуты на ногах, имели недостаточно спущенное ребро, чересчур сильный, резко выраженный чепрак и несколько длинное ухо...».

Кровь белоусовских гончих была прилита к гончим ряда охот (Алексеева, Комынина и др.), сыгравших существенную роль в формировании современной русской гончей.

Большой известностью пользовались также русские гончие И.П. Комынина (Калужская губерния), происходившие от лучших линий (собаки Меньшикова, П.Н. Белоусова, М.И. Алексеева и других) и, по-видимому, довольно близкие к современному типу русской гончей.

Гончие И.П. Комынина проходили на выставках с большим успехом. В 1901 г. принадлежавший ему десятимесячный Гудок получил большую серебряную медаль и приз лучшему выжлецу на 3-й выставке Московского общества охоты. В 1906 г. его же Камертон получил такие же призы сразу на двух выставках: 7-й МОО и XXXII имп. ОО.

Однако у отличных по экстерьеру гончих И.П. Комынина на выставках как недостаток отмечались очень длинные когти. Это объяснялось, по-видимому, тем, что собаки почти не работали. По словам владельца, они поздно принимались гонять, иногда лишь на третий год.

Гончие И.П. Комынина играли роль как кровный материал, их часто использовали для племенных целей в других охотах и получали от комынинских производителей хороших рабочих собак.

Англичане проявляли большой интерес к русским гончим. Это подтверждается покупкой Бордманом из Манчестера смычка гончих у И.П. Комынина.

Кровь комынинских гончих (через собак А.А. Лебедева) была в ряде линий и семей выдающихся гончих первоначального советского периода (собаки В.Н. Рыбинского, И.Л. Лукьянова-Иванова, Хомутинникова, Г.Т. Барышникова, Н.П. Пухова, А.М. Мастеркова и др.) и таким образом повлияла на становление современного типа русской гончей.

В начале XX столетия (вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции) особенно выдвинулись русские гончие М.И. Алексеева (село Ислявское Московской губернии). В этой группе соединились все лучшие крови русской породы (в частности, стаи И.П. Комынина). Гончие М.И. Алексеева, обладавшие прекрасным экстерьером и высоко оцениваемые на выставках, прогремели, завоевав на первых полевых пробах и целый ряд дипломов I степени (в стае). Однако голоса этих собак при силе и звучности не были фигурными.

Рисунок 4. Русский выжлец Пугало М.И. Алексеева

Алексеевские гончие отличались замечательной устойчивостью типа. Многие охотники использовали их как производителей в своих охотах, и вскоре тип русских гончих вообще стал приближаться к алексеевскому.

Алексеевские гончие идут от лучших стай более старого времени. В родословных собак М.И. Алексеева встречаются гончие М.В. Столыпина, которые составили основу и першинской багряной стаи; есть там и гончие Депельпора, прославившиеся своей работой. В более близких поколениях стоят гончие П.Н. Белоусова.

В последние годы существования Алексеевской охоты владелец вязал своих гончих с комынинскими, что оказалось очень удачным в отношении экстерьера.

Рисунок 5. Стая русских гончих М.И. Алексеева (из собрания Н.П. Пахомова)

Алексеевские гончие успешно выступали на выставках. Призы лучшей русской выжловке получили Кенарка (3-я выставка МОО 1901 г.), Крутишка (5-я и 6-я выставки МОО, 1903 и 1904 гг.), Зурна (12-я выставка МОО, 1911 г.). Приз лучшему выжлецу получили: Крикун (8-я выставка, 1907 г.), Помыкай (9-я выставка, 1908 г.) и Пугало, получивший юбилейный кубок на выставке 1912 г.

В родословные лучших нынешних линий русской гончей входят именно алексеевские гончие и это имеет решающее значение для достижения полного единства породы.

Для современного типа русской гончей важную роль сыграла численно небольшая группа собак ветеринарного врача А.А. Лебедева (г. Вязьма Смоленской губернии). Собаки происходили от алексеевских и комынинских гончих и явились переходным звеном между гончими дореволюционного периода и современными русскими гончими.

После ликвидации помещичьих комплектных охот с их огромными псарнями многие гончие собаки оказались у крестьян-охотников, от которых переходили и к горожанам. У этих владельцев собаки превратились из стайных в одиночных и не более, чем смычковых гончих. Вот почему в

Рисунок 6. Стая русских гончих В.Ф. Хлебникова (из собрания Б.В. Павлинова)

послереволюционные годы довольно быстро выявилось наличие в стране достаточного племенного материала гончих пород и особенно коренной русской гончей, бывшей у нас всегда самой распространённой.

В 1923 г. на выставке охотничьих собак в Москве были показаны три интересные группы русских гончих:

1. Хлебниковская (Москва), очень породная группа, отличавшаяся, однако, некоторой беднокостностью и недостаточно спущенным ребром. Окрас преимущественно чепрачный, сильных голосов почти не было. Показанные на выставке в стае Гудок и Доборка В.Ф. Хлебникова дали чемпиона Трубача, сыгравшего в породе большую роль. В корнях родословных у собак В.Ф. Хлебникова были алексеевские гончие.

2. Лебедевские русские гончие (от собак ветеринарного врача А.А. Лебедева из г. Вязьмы Смоленской губернии) светло-чепрачного или багряного окраса и мощной сложки. Особенно привлекали они своей звероватостью, так желательной для русской гончей. В поле собаки работали хорошо, отдавая предпочтение красному зверю (лисице), обладали исключительными голосами (например, Трубач и Флейта Пухова). Встречался у них один очень неприятный порок — наклонность к скотинничеству.

К этому семейству относился известный Камертон Рыбинского, давший двух чемпионов-однопомётников Будилу I и Плакуна Г.Т. Барышникова.

Экстерьером и типом блеснули ещё немало собак лебедевских линий: Плакса Рыбинского, Шумило Шохина, Гул Хомутинникова и др.

Гончие А.А. Лебедева, как и В.Ф. Хлебникова, шли в основном от алексеевской стаи.

3. Каширская группа разных владельцев (И.Л. Лукьянов-Иванов, Соловьёв). Гончие этой группы были близки к Лебедевским и имели те же чепрачные и багряные окрасы. Особенность этой ветви породы — низкие баритональные голоса выжловок. Среди лидеров следует отметить Трубача и Флейту II И.Л. Лукьянова-Иванова. Флейта II дала от Камертона упомянутых двух чемпионов Будилу I и Плакуна Г.Т. Барышникова.

В том же 1923 г. на Нижегородской выставке были показаны собаки А.Ф. Ильина с отличным экстерьером и хорошими рабочими качествами. Ильинские собаки и родственные им гончие Горьковской общественной охотничьей организации послужили ценным племенным материалом для собаководства не только г. Горького, но и других областей, в том числе и Москвы. Наиболее выделялся чемпион Будило (сын Зорьки Ильина и Трубача III В.Ф. Хлебникова).

Выставки 1923 г. показали, что при наличии очень породных и близких групп русской гончей порода в целом всё ещё разнотипна: хлебниковские собаки отличались от лебедевских, а ильинские также выглядели своеобразно. Другие гончие ещё более уклонялись от стандарта сложением, типом голов, окрасом.

По мере развития и популяризации в СССР выставок охотничьих собак стали выявляться всё новые и новые интересные представители и группы, которые в большей или меньшей степени участвовали в улучшении и стандартизации породы. В 1925 г. выделились однопомётники — Соловей Яльцева и Спевай Горанского (г. Алатырь) , происходившие от Пискли Яльцева (кишенских кровей) и Камертона Горанского (лебедевских). Это была не только экстерьерная, но и рабочая линия. Так дочь Спевая —

Затейка Мухамедзянова, имела на испытаниях целый ряд дипломов и в том числе I степени.

В том же 1925 г. в г. Харькове обратили на себя внимание гончие Будковского. Окрас серый (можаровский), мочка носа часто почти мясо-красная. Несмотря на богатейшие голоса этих собак и неплохие полевые данные, гончие Будковского почти не использовались в породе, так как резко отклонялись от стандарта.

В 1925 г. на московской выставке была показана светло-багряная стая М.Ф. Лукина, производная от хлебниковских собак и першинской багряной стаи (через Забавляя А.П. Ананьева). Некоторые собаки из лукинской стаи оставили заметный след в породе.

В 1926 г. на выставке в Москве были гончие так называемой калужской группы, дети отмеченного на выставках Заливая Жарова (алексеевского типа) — Шумило А.М. Ламанова и Забавка И.А. Головина, которые прославились как отличные полевые работники, получая дипломы на испытаниях. От этих собак пошла замечательная рабочая группа, лучшими представителями которой были: Волторка А.М. Ламанова (ряд дипломов II и III степени), Метка Головина, Найда М. Дмитриева. Особенно ценной для породы оказалась Волторка. Среди её очень большого потомства были внуки: чемпион Гул П.Г. Хлюпина, Боёк Центрального совета всеармейского военно-охотничьего общества, создавшие выдающиеся рабочие линии, и правнучка Зорька В.Н. Любского.

В 1926 г. приобрели известность гончие А.П. Мусатова (г. Великий Устюг). В дальнейшем, получив в 1928 г. от Базилевского выжлеца Румяного (лебедевских кровей), А.П. Мусатов вывел ряд рабочих собак, в том числе и известного Чубука, ставшего позже лидером стаи Совета военных охотников Приволжского военного округа (Румяный — Сорока). Заслуживает упоминания Казан Добронравова (г. Горький) от Водила и Грохотушки А.М. Мастеркова (лебедевская линия). Казан дал значительное потомство с хорошими полевыми качествами.

Кроме названных групп, повлиявших на движение породы, время от времени получали известность отдельные собаки различного происхождения, иногда даже не имевшие родословной. Все они прошли в истории породы почти бесследно.

В 30-х годах в г. Кирове появилось целое гнездо русских гончих от производителей, соединивших в себе особенно интересные по тому времени крови. Это гнездо шло от Пугала Красильникова (чемпион Будило Г.Т. Барышникова — Волторка А.М. Ламанова) и Песни П.Г. Хлюпина (чемпион Будило А.Ф. Ильина и его однопомётница Зажига).

К этому гнезду принадлежали знаменитый чемпион Гул П.Г. Хлюпина, Флейта П.Г. Хлюпина, Кенарка А.Г. Рыбина и другие собаки с отличными экстерьерными и полевыми качествами.

В истории русской гончей имели большое значение собаки кировской группы как указанной семьи, так и происходившие от Плаксы Криницина (от горьковских собак). Так, чемпион Гул ВРКОС 123/ г, принадлежавший П.Г. Хлюпину, занял одно из самых выдающихся мест в породе в период после Великой Отечественной войны. Происходя от лебедевских и алексеевских корней, имея отличный экстерьер и диплом III степени (в смычке) на испытаниях, чемпион Гул оказался очень интересным производителем, и племенное использование его было очень значительным.

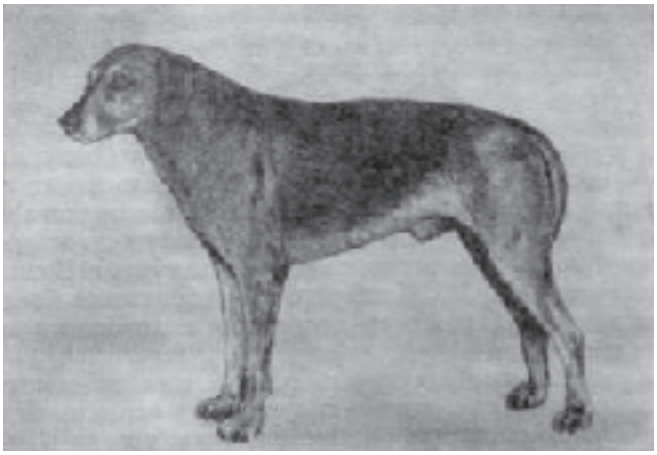


Рисунок 7. Русский выжлец Орало А.Д. Федулова (г. Куйбышев)

Ещё до Великой Отечественной войны Гул имел немало вязок, поэтому в настоящее время известны его потомки не только четвёртой, но и более далёких генераций. Этот производитель много дал для породы русской гончей: только в одной Москве 55 потомков Гула четырёх генераций к 1958 г. стали полевыми победителями; из 354 дипломов, присуждённых русским гончим (одиночкам и смычкам) на Московской испытательной станции за 13 послевоенных лет (1945-1957 гг.), 81, или 23%, получили потомки чемпиона Гула.

Из детей Гула наибольшую роль в породе играли Сигнал В.Ф. Хлебникова и Плакун III Б.В. Дмитриева, которые как бы образовали две ветви «гуловской» линии.

В предвоенные годы была известна и куйбышевская группа, шедшая в основном от Чубука А.П. Мусатова, Корнета из г. Шуи (от Гула К.И. Мацке и Сказки Малюгина) и Орала А.Д. Федулова (от Румяного и Сороки А.П. Мусатова).

Собаки лебедевско-мусатовской комбинации попали также и в Ярославль (например, Добывай В.Г. Боченина, Висла А.Ф. Хазова).

В советский период большой популярностью пользовались гончие Б.В. Дмитриева — наиболее постоянного и последовательного заводчика русской гончей в послереволюционные годы. Начав работу над ветвью русских гончих с середины двадцатых годов, он продолжает вести её до настоящего времени.

Дмитриевские собаки пошли от двух его выжловок: Волторки (происходившей от Забавляя А.П. Ананьева и Будишки М.Ф. Лукина и, таким образом, соединившей в себе крови лучших дореволюционных стай — першинской багряной и алексеевской) и от Плаксы II (от чемпиона Будила Г.Т. Барышникова и Находки М.В. Прокудина, т. е. от собак лебедевской и каширской групп). В последующем в Дмитриевской отрасли породы использован ряд лучших производителей советского времени. Чемпион Трубач В.Ф. Хлебникова, чемпион Будило I Г.Т. Барышникова, Горнист С.К. Садикова, Помнило ЦС ВВОО, чемпион Гул П.Г. Хлюпина, Трубач Ф.Д. Лисицына.

Вбирая в себя лучшее, что появлялось в породе Дмитриевская группа из поколения в поколение совершенствовалась. Среди гончих Б.В. Дмитриева выделилась его Плакса V ВРКОС 15/г (от Помчила ЦС ВВОО и Тараторки II владельца). Эта собака сыграла важнейшую роль не только в становлении линии уже упоминавшегося Гула 123/г, но и в развитии всей современной породы русской гончей.

Кровь Плаксы V течёт во многих хороших гончих, среди которых немало не только представителей линии Гула, но и линий Трубача ВНИО, Трубача Ф.Д. Лисицына и других известных линий. В одной только Москве к 1958 г. насчитывалось около 65 дипломированных потомков Плаксы V пяти генераций (в том числе Флейта VII Московского общества охотников, являющаяся чемпионом породы).

Один из сыновей Плаксы V Плакун III Б.В. Дмитриева стал прямым продолжателем линии чемпиона Гула. Среди многочисленных первоклассных детей и внуков этого выжлеца особое место заняли Хохот III Б.В. Дмитриева и Фагот Н.П. Пахомова (г. Подольск). Хохот не имел полевого диплома, но всё же использовался как производитель. В составе его многочисленного потомства насчитывается (по 1957 г.) не менее 30 собак, дипломированных на испытаниях, в том числе около 10 с дипломами II степени.

Хохот сыграл заметную роль в формировании современных русских гончих в г. Горьком — одном из главных центров этой породы, а также и в других местах.

Недостаток Дмитриевской отрасли породы, незаурядной по рабочим качествам, заключается в не очень сильных голосах.

В разведении русской гончей в СССР в большой мере участвуют охотничьи общества и другие организации, имеющие питомники этой породы.

Одним из крупнейших питомников и вместе с тем одним из главных общественных центров охоты с гончей является Всеармейское военно-охотничье общество. Наиболее значительными племенными гнёздами русских гончих среди питомников этого общества надо признать питомник Центрального совета ВВОО, а также питомники Московского окружного совета и Приволжского окружного совета общества.

Гончие питомника Центрального совета ВВОО, от которых пошло и большинство собак окружных советов, представляют собой производное трёх исходных московских групп, т. е. лебедевских, хлебниковских и каширских. В послевоенные годы питомник ЦС взял несколько помётов и от чемпиона Гула П.Г. Хлюпина.

Важнейшим для породы из собак ВВОО был Боёк ВРКОС 57/г, принадлежавший питомнику

Центрального совета общества. Отличный работник, он дал большое число полевых потомков. Только на Московской испытательной станции были дипломированы: четверо его детей, тридцать два внука и шестнадцать правнуков. Дипломы, полученные этими собаками на Московской испытательной станции за тринадцать послевоенных лет (1945-1957 гг.), составляют 17% всего количества дипломов, выданных станцией за этот срок.

К сожалению, неумеренное в ряде поколений инбридирование внутри линий и одностороннее и тоже построенное на инбридинге прилитие крови лишь одной линии чемпиона Гула 123/г (П.Г. Хлюпина) снизило экстерьерные и полевые качества (в частности, ухудшились голоса) и привело даже к прекращению ведущей роли этой линии (линии Бойка).

Значительным рассадником русской гончей, сыгравшим заметную, но нередко отрицательную роль, после Великой Отечественной войны стал питомник бывшего Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ВНИО), ныне Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины (ВНИИЖП).

Родоначальником русских гончих этого питомника был Трубач 293/г, происходивший от собак ЦС ВВОО. Трубач имел на выставках малые золотые медали и устойчиво передавал потомству свой очень породный экстерьер и светло-багряный окрас.

Этот выжлец был слабым работником, но благодаря эффектной внешности имел много вязок с выжловками, принадлежавшими как питомнику ВНИО, так и другим организациям и частным лицам. Многочисленное потомство Трубача способствовало улучшению экстерьера породы.

Трубач 293/г встречается в родословных многих русских гончих различных областей. В частности, для московской группы породы влияние этой линии ещё в недавнее время являлось количественно преобладающим. Несмотря на худшие, чем в других линиях, полевые качества, Трубач ВНИО и ближайшие продолжатели его линии оказались широко разрекламированными в Москве и дали здесь особенно многочисленное потомство. Соединение этой линии с другими сильными рабочими линиями нередко давало удовлетворительные результаты. В результате на Московской испытательной станции с 1945 по 1957 г. получено 54 диплома (15% от общего числа) потомками Трубача ВНИО.

Из детей Трубача особенно удачными по экстерьеру был Бубен 501/г, принадлежавший тому же питомнику ВНИО, и Сигнал Г.В. Богуша. Сигнал получил на выставке большую золотую медаль (это было до введения комплексной оценки на выставках), а на испытаниях — диплом III степени.

Благодаря энергии владельца, сумевшего выдвинуть своего эффектного выжлеца, Сигнал на редкость широко использовался в породе и дал очень большое потомство, которому нередко передавал хороший экстерьер и породность, а вместе с тем и плохую вязкость, характерную для линии Трубача ВНИО. Но необходимо отметить, что от комбинаций с рабочими производительницами надёжных по работе линий Сигнал дал ряд полевых собак. На Московской испытательной станции по 1957 г. получили дипломы 18 детей и 6 внуков Сигнала, в том числе чемпион породы Флейта VII Московского общества охотников.

К настоящему времени Трубач 293/г отодвинулся в дальние колена родословных, и отрицательное влияние этого производителя на рабочие качества породы уже почти не проявляется. Однако даже в 1963-1964 гг. вокруг вопроса о Трубаче вновь вспыхнула полемика, отражённая на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Некоторые охотники, имевшие детей и внуков Трубача, лишённых вязкости и, очевидно, непригодных для охоты, требовали полного искоренения из породы всех потомков этой собаки, всех гончих, в родословных которых упоминается Трубач 293/г. Нашлись и защитники выжлеца. И действительно, наряду с известным ущербом, причинённым русской гончей породе Трубачом, в известных комбинациях с собаками сильных и устойчивых рабочих кровей от него получалось и рабочее потомство.

Подтверждением этому, кроме сообщенных уже сведений о дипломированных на испытаниях потомках Трубача, могут послужить сведения, сообщенные судьёй-экспертом Всесоюзной категории Прокопенко 6 харьковских русских гончих, где наиболее распространены потомки линии Трубача 293/г. Прокопенко назвал целый ряд выдающихся собак этой группы и утверждал, что линия Трубача с прилитием некоторых других кровей (преимущественно производителей питомников военных организаций КВО и ПРИВО) создала основную и притом рабочую массу харьковских русских гончих.

Нельзя исключить из породы всё, что идёт от Трубача 293/г не только ради удачной части его потомства, а прежде всего потому, что его имя встречается в родословных множества наших гончих и отбросить всю эту массу из числа производителей просто немыслимо[1].

Большое количество русских гончих держит Московское общество охотников, которое наряду с использованием этих собак для коллективных охот, занимается также и разведением данной породы.

Необходимость иметь прежде всего рабочих собак определила в питомнике МОО направление в ведении породы на использование производителей лучших рабочих линий, например чемпиона Гула П.Г. Хлюпина, Хохота III Б.В. Дмитриева и потомков Зорьки В.Н. Любского.

Из русских гончих МОО надо отметить чемпиона Флейту VII, Заливая, трое детей которого заработали полевые дипломы уже по первой осени, и Громилу, имевшего девять полевых дипломов, в том числе пять II степени.

Из отдельных производительниц, оказавших заметное влияние на породу русской гончей, на её развитие в послевоенные годы, нужно упомянуть ещё и следующих московских выжловок: Забавку-Затейку ВНИО, Бронзу ЦС ВВОО и Зорьку, В.Н. Любского, давших много породных и полевых детей, внуков и т. д. Зорька В.Н. Любского с редким постоянством передавала свои отличные рабочие качества не только детям, но и последующим поколениям даже в комбинациях с выжлецами линий, слабых по работе.

Серьёзный анализ важнейших современных линий и семей русской гончей, в основном Москвы, был сделан Г.В. Богушем в его статье: «Некоторые итоги работы Московской испытательной станции гончих и отдельные линии и семьи русских гончих на испытаниях послевоенного времени» (Информационные письма МОО, 1958 г.).

Порода русской гончей всё более прогрессирует. Лидеры высокого класса стали почти обычным явлением. Всё многочисленное поголовье породы стало настолько стандартным и типичным, что отдельные выдающиеся собаки уже не играют такой важной роли, как это было в 20-х и 30-х годах. Тогда, например, к чемпиону Будиле I Г.Т. Барышникова везли русских выжловок из многих городов и областей и результаты таких вязок являлись событиями для широких кругов местных гончатников.

Теперь правильнее говорить о значении для породы не единиц, а целых больших местных групп, которые, с одной стороны, имеют свои характерные черты, а с другой,— смешиваясь и переплетаясь с иными выдающимися группами, способствуют укреплению единого главного типа породы русских гончих. Это не мешает существованию вторичных, так сказать, подтипов законных в каждой здоровой породе.

Самая многочисленная и сильная группа — московская включает в себя крови гончих кировской группы; большую роль играют в ней русские гончие военных организаций с заметным влиянием потомков Бойка 57/г. Московская русская гончая укрепила родство и с горьковскими собаками — потомками ильинских в комбинации с Дмитриевскими.

Существенный вклад в московскую группу внесён и непосредственно гончими Б.В. Дмитриева, который ввёл своим собакам кровь куйбышевской группы (основа— лебедевско-мусатовские гончие, включая чемпиона Гула Федулова).

Невозможно коротко назвать и характеризовать все интересные и полезные комбинации лучших линий и семей породы, которые создали всю массу московских гончих и придали ей монолитный характер. Назвав некоторые важные влияния и слияния, я хотел лишь показать современные пути ведения породы, когда лучшее не сосредоточивается почти исключительно в Москве, как было прежде, а в немалом количестве размещено по многим областям.

Правда, основы областных групп породы не слишком разнообразны и родословные русских гончих (конечно, теперь уже далеко за пределами бланков) начинаются с повторения одних и тех же сравнительно немногих линий и семей, но порода стала настолько многочисленной и общие предки собак так далеки, что опасность инбридинга полностью исключена.

Для пояснения приведу несколько примеров.

[1] См. статью В.И. Казанского о Трубаче 293/г в журнале «Охота и охотничье хозяйство», 1964, № 3.

Рисунок 8. Группа русских гончих Б.В. Дмитриева

Откуда пошла и из чего создалась одна из лучших современных областных групп — кировская? В основе её лежат всё те же чемпион Будило I Г.Т. Барышникова, Волторка А.М. Ламанова, горьковские собаки А.Ф. Ильина (а значит, и собаки В.Ф. Хлебникова).

Вязки кировских выжловок с Добычей В.В. Соколова (г. Горький) внесли сюда и кровь Дмитриевских гончих, а через Инея питомника ВНИИЖП влилась кровь Трубача 293/г.

Другой пример. Горьковская группа, кроме основных для неё ильинских собак, около пятнадцати лет назад получила большую дозу крови гончих Б.В. Дмитриева. Затем к ней были добавлены крови кировской группы (через Горниста Казакова) и линии Трубача 293/г (через Чижа Каменского).

Таким образом, в Горьком оказалось слияние почти тех же кровей, что в Москве и в Кирове (ильинские + дмитриевские + кировские + линия Трубача 293/г).

Рисунок 9. Русский выжлец Корнет И.А. Яшина (г. Ярославль), получивший на испытаниях четыре диплома I степни, два II степени и один диплом III степени

При разборе влияний на ярославскую группу русских гончих, также одну из наиболее важных для породы в настоящее время, окажется, что и здесь есть кровь собак кировской группы (например, через Сигнала А.Г. Рыбина), а значит, и горьковских (ильинских); и здесь окажутся в родословных (правда, в более отдалённых поколениях) собаки Б.В. Дмитриева; и сюда проникла в большой дозе кровь Трубача 293/г (через Анчара Ярославского питомника).

В большой ленинградской группе русских гончих значительное участие крови Трубача 293/г (прежде всего через того же ярославского Анчара), но и тут не обошлось и без немалой струи крови чемпиона Гула 123/г, т. е. без кировской группы, и Хохота III москвича Б.В. Дмитриева.

Даже в Воронеже русская гончая родственна многим из названных ветвей породы и, в частности, кировской, завоевавшей едва ли не самую большую славу.

А вот что пишет К.Н. Тростянский о русских гончих Украины, характеризуя породу в республике шире, чем Прокопенко (журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1963, № 5): «Русские гончие Украины

являются потомками лучших представителей породы — Будила II Г.Т. Барышникова [1], Бойка 57/г, Валяя ВНИО (сына Хохота III Б.В. Дмитриева), Выплача М.А. Сергеева, Казана 269/г, чемпиона Гула 123/г (П.Г. Хлюпина), Трунилы Севастьянова и Горниста I Казакова (впоследствии питомника Окружного Совета ВВОО Прикарпатского военного округа)».

Значит, и на Украине произошло слияние всё тех же основных кровей кировской группы, линий столько раз уже упомянутых Трубача, Бойка и т. д. Это ещё очевидней подчеркивает единство породы далеко за пределами РСФСР.

Итак, русская гончая стала многочисленной, высокопородной и монолитной.

Значит ли это, что достигнуто совершенство? Нет. Иные кинологи и собаководы жалуются на утерю породой мощи и «звероватости», на её слишком выраженную элегантность, даже будто бы встречающуюся нередко беднокостность.

Облегчённость современной русской гончей действительно есть, но разве она является бедой? Изменение облика породы (в частности, потеря пресловутой «звероватости») неизбежно предопределялось тем исходным материалом, который использован советскими собаководами при создании Породы. Разве же комынинские и алексеевские гончие были такими уж «звероватыми» и мощными? Нет! Вместе с приобретением этими стаями «новой» типичности и единообразия они стали неизбежно более породными, но и более элегантными, чем их разнотипные и разношёрстные предки.

А в дальнейшем в создании современной русской гончей слишком велика была роль таких совсем не «звероватых» собак, как хлебниковские, как чемпион Будило I Г.Т. Барышникова, Волторка А.М. Ламанова и много других им подобных.

Да и страшна ли утрата крупного роста и мощного сложения? Ведь по волку современной гончей работать уже не приходится, а выносливость, которая, конечно, очень нужна, не требует чрезмерной мощи. К тому же надо сказать, что жалобы на облегчённость нашей русской гончей становятся всё менее обоснованными, ибо на выставках шестидесятых годов она уже заметно мощнее, чем в предыдущее десятилетие.

Гораздо важнее те претензии, которые можно предъявить к рабочим качествам современной русской гончей: недостаточная сила и красота голосов, нередко встречающаяся плохая вязкость (особенно среди потомков линии Трубача 293/г), слабое чутьё, слабоголосость. Все усилия в племенной работе с русской гончей должны быть направлены на повышение её полевых качеств.

А для этого не надо особенно гнаться за чемпионами. В породу нужно смелее пускать хороших собак, пусть не особенно блещущих на выставках своей экстерьерной и комплексной оценкой, но обладающих нужными дорогими качествами.

[1] Будило II не имел полной родословной, но был, действительно выдающимся по типу и вообще экстерьеру.

ОПИСАНИЕ ПРИЗНАКОВ РУССКОЙ ГОНЧЕЙ

Стандарт этой породы впервые был написан в 1896 г. П.Н. Белоусовым. В 1925 г. 1-й Всесоюзный кинологический съезд пересмотрел этот документ и, выправив его в соответствии с новым состоянием породы, принял обновлённый стандарт русской гончей. На Всесоюзном кинологическом совещании 1939 г. он был оставлен без изменений.

Значительное совершенствование пород охотничьих собак потребовало уточнения стандартов. В связи с этим описание признаков русской гончей было пересоставлено в 1950-1951 гг. и затем прокорректировано на Всесоюзном кинологическом совещании в 1954 г.

В последующем «Описание» окончательно отредактировано Кинологическим советом при Управлении по заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР и утверждено в марте 1959 г. Однако в новой редакции вскоре обнаружились ошибки и все стандарты охотничьих пород пересмотрены и пересоставлены в 1962-1963 гг.

Ниже кратко излагаются основные положения действующего описания признаков русской гончей.

Рост русской гончей в холке: для выжлецов 57-65 см, для выжловок — на 3 см меньше. Высота в крестце на 1-2 см ниже, чем в холке.

Конституция сухая, крепкая.

Отношение косой длины туловища к высоте: для выжлецов около 105, для выжловок — около 107.

Окрас чепрачный, багряный и сероватый с подпалинами. Цвет подпалин неяркий, от багряного до песочного и белесоватого (подласость). Допустимы небольшие белые отметины на груди и лапах.

Псовина. Волос прямой, ость жёсткая. Шерсть на голове, ушах и ногах короткая, а на остальных частях тела длиннее, особенно вокруг шеи и на задних сторонах бёдер. На гону (хвосте) волос средней длины, к концу несколько укорачивается. Подшёрсток хорошо развит.

Кожа плотная, мускулатура сухая, развитая. Костяк широкий, крепкий.

Голова сухая, клинообразная, производит впечатление небольшой. Черепная коробка продолговатая, затылочный бугор и надбровные дуги слаборазвиты. Переходом от черепной коробки к морде плавный. Морда удлинённо-клиновидная. Мочка носа широкая, чёрная. Губы сухие, тёмные, плотно облегающие челюсти.

Уши висячие, тонкие, небольшие, треугольной формы, плотно прилегающие к голове. Посажены несколько выше линии глаз.

Глаза тёмно-карие и карие с косым разрезом век, края век тёмные.

Шея мускулистая, сухая. Длина шеи примерно равна длине головы.

Грудь широкая, рёбра спущены до локотков и ниже. Бочковатость рёбер не типична.

Холка выделяется довольно отчётливо.

Спина широкая, мускулистая, прямая, иногда с лёгким выгибом вверх.

Круп широкий, недлинный, слегка покатый.

Живот подобран.

Передние конечности прямые, сухие, костистые и мускулистые. Предплечья в разрезе овальные. Угол плечелопаточного сочленения 100-110°. Пясти слегка наклонны. Задние конечности сухие, костистые, мускулистые, с хорошо выраженными углами сочленений.

Угол между голенью и плюсной 135-140°. Плюсна стоит отвесно.

Лапы крепкие, в комке овальные.

Гон (хвост) толстый у основания, постепенно утончающийся к концу, не длиннее, чем до скакательного сустава (желательно немного короче). Саблевидный. Держится на линии спины.

РУССКАЯ ПЕГАЯ ГОНЧАЯ

После коренной русской породы виднейшее место среди гончих в России в XIX и начале XX столетия принадлежало англо-русской породе (первоначально помеси). Английские гончие появились в России в XVIII столетии, в последующем они всё больше и больше распространялись в псовых охотах.

Н.П. Кишенский сетовал по поводу того, что в конце XIX столетия стало почти невозможно найти гончую, в которой не было бы английской крови.

Если даже предположить, что Н.П. Кишенский преувеличивал, всё же надо признать: кровь английской гончей текла в русских породах гончей в гораздо большем количестве, чем принято думать.

К 70-80 годам XIX столетия у нас было уже много англо-русских стай, славившихся своей работой, а в начале XX столетия, в годы перед первой мировой войной, как пишет Н.П. Пахомов, «перевес среди гончих, работающих по волку, был на стороне англо-русских».

Интерес русских псовых охотников к английской гончей фоксгаунду объясняется несколькими причинами.

Прежде всего, в результате бессистемного ведения породы, когда владельцы стай не уделяли необходимого внимания разведению гончих, русские гончие представляли собой не хорошо оформленную породу, а скорее множество отдельных семей и даже помесей (с польской, арлекином, брудастой). Поэтому и возникал особый интерес к вполне стандартизированному фоксгаунду, этой высокопородной, отлично сложенной, могучей, красивой и нарядной собаке. Немаловажное значение имели и её ценные в псовой охоте качества: паратость, вежливость и злоба. Особенно последнее свойство привлекало охотников, так как в некоторых охотах русские, гончие утратили злобу (возможно, под влиянием засорения кровью польской гончей) и даже стали негодными для охоты по волку (что, конечно, нельзя сказать о породе в целом).

Злоба к красному зверю была характерна для фоксгаунда и, хотя на родине, в Англии, ему не приходилось работать по волку, у нас фоксгаунд быстро освоился с этим зверем. Среди английских и англо-русских гончих наших псовых охот не редки были такие злобачи, что не хуже борзых мёртво брали волка в горло (встречались такие гончие и среди русских стай).

Пристрастие к красному зверю фоксгаундов и англо-русских собак, случалось, доходило до того, что на зайца они не обращали внимания. Это устраивало некоторых охотников, однако вело к тому, что если такие гончие и брались за зайца, то гнали плохо, неумело (а это давало повод сторонникам русской гончей твердить о бесчутости «англичан»).

Ещё более повысился интерес к англо-русским гончим, когда, начиная с С.М. Глебова, в России стал развиваться новый вид охоты по волкам с одними гончими, без борзых. Для такой парфорсной езды, естественно наиболее выгодными были английские собаки и помеси с ними.

Кроме злобы, дороги были и физические данные фоксгаунда, созданного именно для парфорсной охоты, — его стальная мускулатура, огромные лёгкие и, конечно, необычайно натренированное в течение веков могучее сердце, без которых нельзя было обойтись в многовёрстной, очень быстрой скачке за волком.

Русская гончая в лучших стаях была вряд ли менее парата, чем фоксгаунд, но в псовых охотах ей приходилось работать накоротке — от логова зверя до полей, до свор борзых. Поэтому в закалке, в способности сгонять зверя, русская гончая уступала английской, на долгую парфорсную гоньбу она не годилась.

Едва ли не главной причиной успеха английских собак, который Н.П. Пахомов называет «бешеным», была их «вежливость» от природы и легкость их приездки (дрессировки). Среди русских же гончих, не говоря об их грубоватости и неподатливости, немало попадалось и форменных скотинников.

Идеальная приездка, легко достигаемая в стаях англо-русских гончих, представляла очень большие удобства. Такую стаю доезжачему не трудно было довести лесом до логовов разомкнутой и тем легче было сделать так, что стая разбивалась и гнала сразу по нескольким волкам в разные стороны.

Наиболее известными были следующие стаи англорусских:

1. Березниковская (1854-1873 гг.), послужившая основой для создания гатчинской стаи.

В 1822 г. П.А. Березников завёл стаю польских гончих, через год в неё вошли ещё четыре

Рисунок 10. Англо-русская выжловка Вопишка Гатчинской охоты (из собрания Н.П. Пахомова)

курляндских гончих. А в 1854 г. «чёрноподпалая» стая была заменена собаками, идущими от английских и полученными, по-видимому, от Н.П. Смирнова, с которым с 1858 г. охота у П.А. Березникова стала общей.

В этой англо-русской стае преобладала кровь фоксгаунда. В 1873 г. П.А. Березников, кончив охоту, подарил стаю императору Александру II (в Гатчинскую охоту).

2. Гатчинская стая, использовавшаяся для парфорсной охоты. Неоднократно к ней приливалась кровь различных русских и англо-русских собак, а в последнее время — кровь вновь выписанных из Англии фоксгаундов.

Гатчинские гончие отличались большим ростом, хорошо спущенным ребром, мощной колодкой, крепкими сухими ногами. Головы этих гончих до последних лет были в русском типе, но к концу охоты стали отходить от него: головы укоротились, уши удлинились, обрез морды стал прямоугольным. К этому времени гоны стали носиться круче и на них появился подвес.

Окрас был очень нарядный, чаще чёрно-пегий в румянах.

Собаки из гатчинской стаи попадали во многие охоты и всегда служили удачным племенным материалом. В частности, гатчинские производители неоднократно использовались при формировании першинской пегой стаи.

3. Крамаренковская группа шла от англо-русских гончих калужского охотника В.А. Токмеева. Два томкеевских щенка, с которых начинал свою англо-русскую стайку И.Л. Крамаренко, были продуктом очень сильного инбридинга на гатчинских гончих и, таким образом, фактически являлись почти чисто гатчинскими.

В 1904 г. И.Л. Крамаренко выписал из Англии трёх фоксгаундов из стаи лорда Кильдера: выжлецов Дампера и Дэнди и выжловку Хазель. Одновременно И.Л. Крамаренко прилил и свежую русскую кровь через выжлеца Нахала (собак Н.П. Кишенского). Комбинация с фоксгаундами оказалась очень удачной, а Нахал ничего хорошего не внёс. Всё же общим типом крамаренковские собаки приближались к русским гончим.

Англо-русские гончие И.Л. Крамаренко прославились отличной работой как по красному зверю, так и по зайцу. Особенно привлекали охотников голоса необычайной силы и изумительно красивые (фигурные).

Многие охотники-гончатники начала XX века приливали к своим собакам кровь крамаренковских или приобретали у И.Л. Крамаренко щенков. Через гончих А.О. Эмке, В.А. Селюгина и Л.В. де Коннора крамаренковские гончие имеются в очень отдалённых коленах родословных некоторых современных русских пегих гончих.

Внешней особенностью крамаренковских гончих был обильный крап (распространённый у фоксгаундов), который, однако, не препятствовал им очень высоко проходить на выставках.

4. Першинская солово-пегая стая, принадлежавшая великому князю Николаю Романову. Першинская стая не совсем подходила под понятие англо-русская гончая, так как в её основе были арлекины,

внешние признаки которых искоренялись постоянным прилитием крови русской гончей и фоксгаунда. В дальнейшем першинская стая получила много крови французской гончей и путём длительного и строгого отбора приобрела своеобразный солово-пегий окрас, выделявший этих собак из всех англо-русских гончих. Этот окрас и весь тип англо-франко-русской гончей оказались очень неустойчивыми. Теперь першинская группа поглощена основной массой русской пегой гончей.

Англо-франко-русские першинские гончие являются наглядным примером поверхностного отношения прежних заводчиков к гончим. Управляющий першинской охотой Д.П. Вальцов в своей книге об этой охоте не считает нужным указать, какая именно из французских пород использовалась в першинской стае. По утверждению Н.Н. Челищева это были артуа, а по данным Л.В. де Коннора, — англо-сентонжи.

5. Глебовская стая как англо-русская оформилась примерно с 1830 г., когда в ней были использованы как производители английские выжлецы (фоксгаунды) Бургам и Кромвель.

Глебовские англо-русские гончие, отличавшиеся выдающимся полевым досугом, пользовались среди русских охотников особой славой.

История глебовских собак известна из ряда литературных источников, в частности, из «Записок старого охотника», напечатанных в 1876 г. в «Журнале охоты», автором которых был сам владелец стаи С.М. Глебов, применявший её как парфорсную.

С.М. Глебов всячески добивался, чтобы его гончие гоняли только по волкам, таково было их воспитание, к тому же должна была вестись и специальная подготовка перед охотой. Вот в чём она заключалась, по словам самого Глебова: «Нам на волчьей охоте исключительно мешала гоньба по зайцам. Чтобы её не было, я дам, бывало, собакам хорошо отдохнуть дня три перед охотой: кормлю их сладко, с мясом, и они с хорошими желудками от прежней постной пищи — разом зажиреют, утратят несколько чутья (? В.К.), но сделаются азартнее. По зайцам... ни одна не пикнет, да не скоро зайца и найдёт, так как... несётся островом почти в карьер, а волка заловит (чутьём. В.К.) тотчас же: от волка сильно пахнет». Идеалом для С.М. Глебова был выжлец Добыч, которого, выезжая на охоту, пускали в полаз одного. Стая при верховых охотниках шла дорогами и пускалась лишь, когда отдаст голос Добыч. Другого зверя этот выжлец не гнал, и была уверенность, что гон начался именно по волку. А в полазе Добыч хотя и уходил далеко, но равнялся по стае (все пути движения, очевидно, были хорошо изучены).

Прекратив со временем охоту, С.М. Глебов роздал гончих И.И. Раевскому, А.Н. Скобельцыну и Офросимову, но в последние годы жизни вновь развёл стаю англо-русских гончих от своих прежних собак. Глебовская стая получала на выставках золотые медали, высоко проходили и отдельные собаки. После смерти С.М. Глебова его гончие перешли к В.П. и М.П. Глебовым, частично к Н.Н. Бибикову.

По типу глебовские гончие, думается, были «ни в мать, ни в отца», т. е. ни в фоксгаунда, ни в русскую гончую: не выделялись крупным ростом, не обладали особенно мощной сложкой. Основной окрас — чёрно-пегий в румянах.

Эти гончие являлись самыми знаменитыми из всех англо-русских. Слава их гремела ещё многие годы после смерти С.М. Глебова.

Очень любопытен тот факт, что глебовские гончие были бесконечно желанными не только для псового охотника, но и для рядового ружейника, несмотря на ту узкую и строгую специализацию по волку, которую прививал собакам С.М. Глебов. Куда бы ни попадали глебовские гончие, они всюду хорошо работали и по лисице и по зайцу. Находилось у них и отличное чутьё, вырабатывалось и мастерство.

Глебовским собакам принадлежит главнейшая роль и в создании ныне существующей русской пегой гончей. Через наиболее ценных производителей, игравших важнейшую роль в породе, глебовские собаки вошли в родословные всех лучших наших современных пегих гончих.

На первых советских выставках было мало англорусских гончих, в 1923 г. на первой Московской выставке их было всего восемь. Собаки оказались очень разнотипными, твёрдых установок не было, поэтому чёрно-пегие англо-русские и солово-пегие англо-франко-русские собаки на одной выставке выступали на общем ринге, на выставке же другого года разделялись как две разные породы. Мало-помалу стали появляться ценные, действительно высокопородные и типичные производители и порода, бывшая первоначально в советское время крайне бедной и слабой, стала «становиться на ноги».

В декабрьском номере журнала Всекоохотсоюза «Охотник» за 1924 г. напечатано воззвание доктора

В.Н. Корниловича из Новохоперска, предлагавшего к использованию в породе его Вопилы, Плакуна, Сорочая и Сороки.

Собаки В.Н. Корниловича имели кровь глебовских собак; они были мелкими и беднокостными, но отличались большой породностью.

Группа собак В.Н. Корниловича сыграла большую роль в создании современного типа русской пегой гончей. Они вошли в родословные собак ЦСВВОО (лидер Сорочай); от них же произошла стая Тихомирова и Листака (г. Остров Псковской области). Потомки этой стаи Сорока и Сорочай московского охотника А.П. Якунина, дали основную группу собак ДСО «Динамо», которые стали экстерьерным фундаментом породы современного типа.

В 1927 г. в истории англо-русской породы произошло событие: на Московской выставке был показан Заливай Н.Ф. Чукаева (г. Зарайск, в то время Рязанская обл.). Этот выжлец обладал редкой породностью и прекрасной сложкой и впоследствии дал многочисленное потомство, войдя через него во многие лучшие современные линии породы.

Следует подчеркнуть, что как и собаки Корниловича, Заливай Н.Ф. Чукаева, получивший в дальнейшем Звание чемпиона, происходил от глебовских собак (уже из стаи В.П. и М.П. Глебовых).

Важное значение как производитель имел также Гром Г.Ф. Главатчуки (г. Тула), который через собак тульского помещика Офросимова шёл от гончих всё той же глебовской стаи.

На выставках в советское время появлялись англорусские гончие и неглебовского происхождения, несомненно с пользой вошедшие в породу.

1. Чемпион Помчило А.О. Бочарова очень породный, отличный по экстерьеру выжлец с родословной, не имеющей глубоких корней. Помчило широко использован как производитель и дал много прекрасных собак. Общим типом он был близок к глебовским гончим (да, в конце концов, если бы удалось восстановить родословную Помчила, он мог бы тоже оказаться глебовским).

2. Выжловка Чешайр-Стелла Зубаровского, привезённая из Англии.

3. Бандит Масловского. От вязки его с Чешайр-Стеллой получились Сват и Выплач, имевшие своё значение в создании некоторых линий англо-русских гончих.

Чешайр-Стелла и её сыновья Сват и Выплач дали своему потомству богатый костяк и, вообще, мощное сложение и тем самым принесли породе пользу. Однако более значительным был принесенный ими вред. Сама Чешайр-Стелла у нас не гоняла (как она работала в Англии, неизвестно), её дети были плохими гонцами. Через внучку Свата Победу эта кровь попала к собакам питомника МГС «Динамо».

Ради освежения крови, для получения большей мощи и улучшения экстерьера использование нерабочей крови было допустимо, но необходимо было перекрыть её вязками с отличными работниками. В питомнике же «Динамо» производителем стал Сорочай А.П. Якунина, блестящий по экстерьеру, но никуда негодный в поле.

Трудно было потом бороться с последствиями этой ошибки, тем более что нерабочая динамовская группа благодаря отличному экстерьеру открыла себе широчайший доступ к племенному использованию. Неумеренность этого использования привела буквально к заполонению породы «гончими-динамовцами», что серьёзно сказалось на развитии хороших полевых качеств англо-русской гончей 40-50-х годов.

4. Душило Купцова (г. Алексин Тульской области), происходящий от англо-франко-русских собак, очень рослый, мощный и породный, окрасом серо-пегий в румянах. От Душила получено большое число помётов, он нередко встречается в дальних коленах родословных современных русских пегих гончих.

5. Группа собак Грязнова, происходящих от англорусских собак Нащёкина (г. Руза Московской области).

На первых советских выставках наряду с ценными для породы экземплярами выдвигались и собаки, случайно прославившиеся. Таким был Набат Бодулева (г. Малоярославец Калужской области). При неплохом экстерьере и отсутствии родословной этот выжлец получил на полевой пробе гончих диплом I степени и стал известным в охотничьих кругах.

Некоторые охотники повязали с ним лучших по тому времени выжловок, но потомство Набата оказалось сильно дворноковатым (некоторые дети Набата на Московских выставках даже оставались без награды); к тому же на повторных испытаниях сам Набат оказался чуть ли не пустобрехом. Слава

Набата быстро померкла и к настоящему времени в породе и следа не осталось от этого выжлеца.

Наряду с отдельными производителями, следует назвать группы и линии породы, имевшие свои особенности и свой собственный облик и сыгравшие существенную роль в выработке окончательного для настоящего времени типа русской пегой гончей. К началу Великой Отечественной войны сформировалось несколько ветвей.

1. Островская группа Тихомирова — Листака, созданная путём тесного инбридинга на основе собак В.Н. Корниловича. Эти гончие имели хороший экстерьер, некоторые были рослые (Скворец Тихомирова), другие мелковаты (Звонок Лосева). Окрас в островской группе был чёрно-пегий в румянах и багряно-пегий. Многие собаки этой группы хорошо работали в поле, однако полаз у них был короткий и голоса посредственные. Наиболее важным представителем этой ветви породы оказался уже названный Сорочай московского охотника А.П. Якунина.

2. Тульская общественная стая образована в 20-х годах текущего столетия для коллективных охот на волков. Первоначальный состав её был разношёрстный и разнотипный, в ней было очень много мелких собак. Наряду с гончими глебовского происхождения (через офросимовских) в стае было немало потомков першинских солово-пегих гончих и собак неизвестного происхождения.

В недавние годы, приняв кровь лучших динамовских производителей, стая избавилась от былой разнотипности. Окрас стаи чёрно-пегий в румянах.

3. Киевская ветвь породы пегих гончих (питомника ЦС ВВОО) создана соединением линии Укрзаготпушнины (чемпион Заливай ВРКОС № 8040) и семьи собак В.Н. Корниловича с добавлением к ним свежих, но, по-видимому, не первоклассных производителей (Плакун I Зиневича и др.). Через Заливая и собак В.Н. Корниловича в этой линии преобладала, как и в двух вышеописанных, кровь глебовских гончих, а через Душила Е.А. Купцова попала и кровь першинской англо-франко-русской стаи.

Лидером киевских военных собак был Сорочай ВРКОС 38/г.

Киевские собаки имели чёрно-пегий в румянах окрас, изредка серо-пегий в румянах или багряно-пегий.

4. Московская группа с многочисленными потомками чемпиона Помчила Бочарова, остатками потомства чемпиона Заливая (№ 8040) и зачатками динамовской линии, ещё не оформившейся в самостоятельную семью с чётко выделяющими её яркими признаками.

Для московской группы характерно то, что наряду с потомками Помчила и Заливая здесь большую или меньшую роль играли производители самого различного происхождения: Тангай Лукьянова (неизвестного происхождения), Громило Гольберга (неизвестного происхождения), Выручай Грязнова (от нащёкинских собак) и некоторые другие. Перед войной особой известностью пользовались Сват (от Чешайр-Стеллы и Бандита) и Сорочай (островских собак), оба принадлежавшие А.П. Якунину.

5. Маринская группа (г. Сухиничи Калужской области). Родоначальниками её были Флейта А.П. Марина (внучка Чешайр-Стеллы) и Ураган Смирнова-Грязнова. Собаки эти были очень крупные и костистые, но грубые. Окрас серо-пегий в румянах.

6. В 20-30-х годах существовала немногочисленная, но очень яркая линия англо-русских собак Н.Ф. Людскова — В.И. Казанского, происходившая от першинских и глебовских собак и отличавшаяся исключительными рабочими качествами. В собаках Людскова преобладала англо-франко-русская кровь, и в этой линии в течение двух-трёх поколений наблюдалась некоторая острощипость (впоследствии исчезнувшая). Эти качества мешали использованию в полной мере замечательных по работе производителей, так как находились московские охотники, которые упорно считали, что необходимо полностью искоренить всякий след англо-франко-русских гончих и не допускать к племенной работе производителей, имевших хотя бы дальнее родство с этой породой.

В последние годы существования группы представители гончих В.И. Казанского по экстерьеру не отличались от лидеров англо-русской породы, и в их родословных (вернее в корнях этих родословных) главное место стало принадлежать потомкам глебовской стаи. Это было достигнуто в результате использования стандартных производителей глебовского происхождения при ведении описываемой линии. Лучшая собака этой группы Свирель ВРКОС 7841, получавшая на выставках золотые медали и на испытаниях ряд дипломов II и III степени, дала несколько интересных помётов. Из её детей наибольшую роль в породе сыграл Кларнет ВРКОС 2/г, который повлиял на окончательное формирование нынешнего динамовского типа, этого образца породы, и от которого пошли рабочие собаки и полевые победители в питомнике «Динамо».

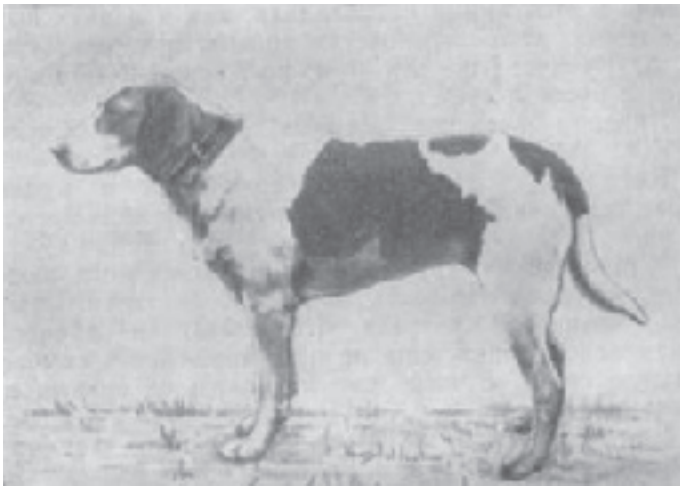


Рисунок 11. Англо-русская (русская пегая) выжловка Свирель В.И. Казанского

Во время Великой Отечественной войны гончие продолжали совершенствоваться.

В 1943 г. на Московской выставке были три стаи: Добровольного, спортивного общества «Динамо» (Москва), Центрального совета всеармейского военно-охотничьего общества (в основном из собак киевского происхождения) и Тульского общества охотников. Исключительная породность, однотипность и прекрасная сложка собак выдвинули динамовскую стаю на первое место. Динамовская англо-русская гончая на том этапе развития являлась образцом. Стандарт 1950-1954 гг. списан с экстерьера динамовской пегой гончей. Несмотря на плохую работу гончих «Динамо», они сразу заняли в породе ведущее место, что и обеспечило общий подъём экстерьера породы.

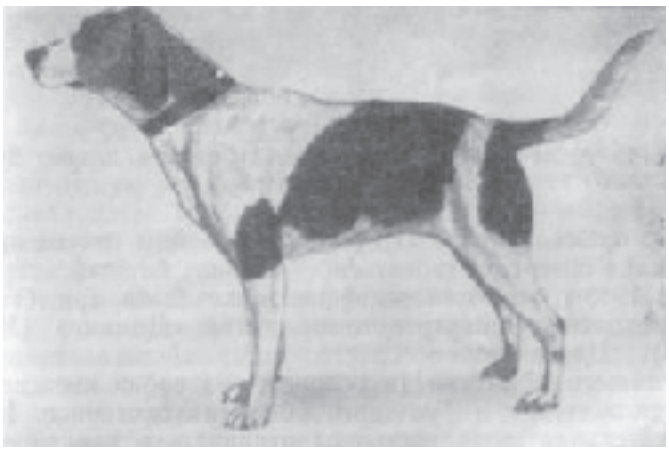


Рисунок 12. Англо-русская (русская пегая) выжловка Скрипка МГС "Динамо"

Использование нерабочих производителей до некоторой степени оправдывалось: слишком мало породных собак осталось после войны 1941-1945 гг. В комбинациях же с выжловками надёжных по работе семей и линий динамовские производители давали потомство неплохое по полевым качествам.

В дальнейшем, после прилития сильной рабочей крови Кларнета ВРКОС 2/г (В.И. Казанского) через сына этого выжлеца Рыдая, в динамовском питомнике появился целый ряд полевых победителей (Потешай, Сорочай, Дунай II, Дунай III, Сорока, Заноза, Минорка и многие другие). Это окончательно утвердило главенствующее положение пегих гончих Московского совета ДСО «Динамо». Так, в конце 40-х и начале 50-х годов наступил расцвет этой ветви пегих гончих, а одновременно наметился и расцвет породы в целом.

Англо-русская гончая в дореволюционной России существовала около 130 лет и не вылилась за этот срок в настоящую породу. Не более чем за 25 лет советского собаководства бывшая помесь стала ярко выраженной прекрасной породой, которая по праву названа теперь «русской пегой гончей».

Отдельные гончатники предлагают вернуться к прежнему устаревшему названию породы — англо-русская. Это название было закономерно в прежние времена, когда англо-русская гончая по существу была помесью и в одних стаях походила на русскую гончую, в других охотах приближалась к экстерьеру фоксгаунда. Теперь же эта собака, выведенная в нашей стране и нигде больше не встречающаяся,

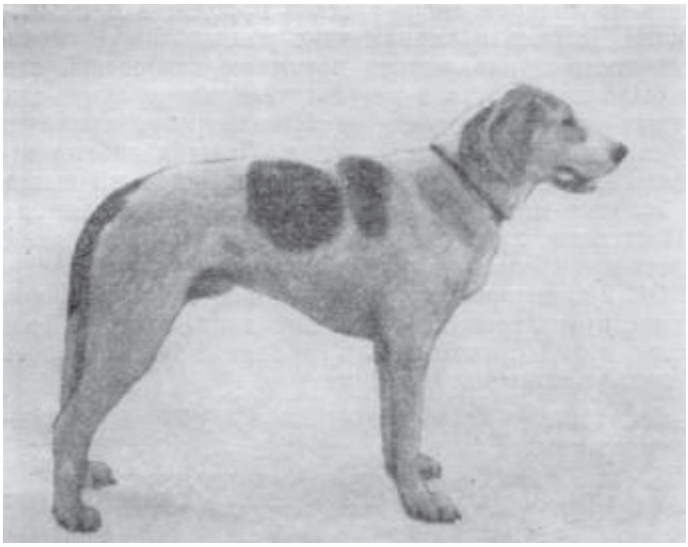


Рисунок 13. Англо-русский (русский пегий) выжлец Кларнет 2/г В.И. Казанского

достигла полной стандартности и устойчивости типа. Русская пегая и русская гончая сплошного окраса давно уже не различаются в отношении применения и рабочих качеств.

То, что в формировании русской пегой гончей участвовал фоксгаунд, не создаёт необходимости вставлять в название породы слово — «англо» подобно тому, как не меньшее участие польских собак в формировании современной русской гончей не даёт основания называть всю породу «польско-русской».

После Отечественной войны некоторые неблагоприятные обстоятельства снова создали затруднения в дальнейшем развитии и совершенствовании русской пегой гончей.

Прежде всего чрезмерное увлечение экстерьером основной динамовской линии, лидеры которой (Баламут II, Догоняй, Дунай I, Скрипка) были нерабочими, ослабляло полевые качества собак в породе. Второй недостаток заключался в том, что глава новой, рабочей линии динамовских собак Рыдай по линии матери Грохотушки шёл от собак так называемой «параллельной» стаи ВВОО Киевского военного округа, в основе которой были собаки недостаточно проверенного происхождения (Мухтарка, Плакун Зиневича). В этой группе экстерьер был испорчен сыростью собак, а также удлинёнными, нетипичными головами.

Слишком широкое и неосторожное использование Рыдая на Украине, куда он попал, и вязки его с потомками всё той же параллельной стаи привело к тому, что в украинской части породы стали выкидываться собаки с нехарактерными длинными мордами. По существу здесь вредил инбридинг на нежелательных предков. Этот инбридинг не только ухудшал экстерьер, но иногда и снижал рабочие качества. В настоящее время положение значительно выправлено, и на Украине создан ряд ценных линий и групп русских пегих гончих.

В течение ряда лет наибольшее влияние в породе принадлежало динамовским производителям, поэтому почти невозможно было найти породную русскую пегую гончую, в родословной которой не было бы близкородственных или одних и тех же динамовских лидеров. Особенно часто встречались в родословных Баламут II, Догоняй I, Дунай I, Дунай II, Скрипка и некоторые другие.

Возникли опасения вырождения породы вследствие неизбежного близкородственного разведения. Начались поиски новых производителей. Так были проведены вязки ряда выжловок с вывезенным из Германии выжлецом в типе фоксгаунда Бароном, который совершенно не гнал по зверю. Поэтому он не мог быть желательным для породы и уж во всяком случае не мог поднять её рабочие качества. Кроме того, в первых же генерациях от Барона установившийся экстерьерный тип породы был резко нарушен.

Путь к совершенствованию русских пегих гончих должен быть иным. Новейшей биологической наукой доказано, что перемены климата, питания и вообще условий существования ведут к обновлению потомства, родившегося и выросшего в новой обстановке. Поэтому достаточно брать в качестве производителей собак из различных географических областей нашей обширной страны, чтобы парализовать вредные влияния родственного ведения породы.

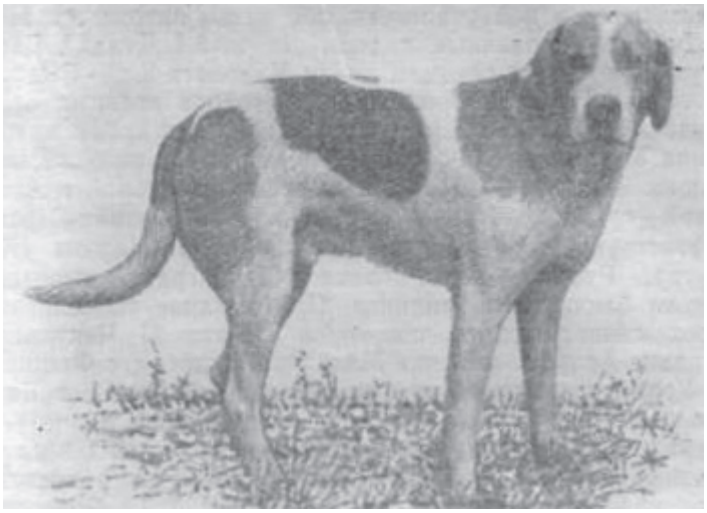


Рисунок 14. Русский пегий выжлец чемпион Разгон В.Т. Прохорова (г. Ленинград)

При этом, конечно, необходимо тщательно отбирать экземпляры, отличные по экстерьеру и хорошо проверенные в поле.

В настоящее время порода русской пегой гончей распространена у нас очень широко. В ряде областей РСФСР (Московской, Ленинградской, Тульской, Воронежской, Белгородской, Калужской, Брянской, Владимирской, Калининской и др.), а также на Украине и в Белоруссии создались многочисленные и с хорошими качествами группы русской пегой гончей.

В отношении происхождения местных групп наблюдается довольно определённое единство, подобное тому, что характерно и для русской породы.

Так же, как и в породе русской гончей, в породе русской пегой всё меньшую роль играют отдельные выдающиеся собаки и всё большее значение приобретают группы в целом. Одна из наиболее многочисленных и важных для породы Московская группа создалась на основе: а) потомков ранее указанных московских лидеров (чемпион Заливай 8040 Н.Ф. Чукаева, чемпион Помчило А.О. Бочарова и др.), б) гончих ДСО «Динамо» в виде двух главных «потоков»: первый от Баламута II и его однопомётников и второй — линии Кларнета ВРКОС 2/г — Рыдая. Обе эти категории были освежены путём вязок динамовских выжловок с сыном Барона — Охом И.Б. Гугеля.

Питомник МГС «Динамо», собаки которого через островскую стаю имели кровь гончих Корниловича, а значит и глебовских, теперь уже потерял прежнюю роль.

Известное значение в Московской группе имели гончие военных коллективов, где племенной основой служил бывший питомник Совета военных охотников Киевского ВО (в породу был введён также Барон и, конечно, динамовские лидеры).

В последнее время в Московской группе появились собаки от ведущих производителей Ленинградской, Белгородской и других местных групп, в родословных которых динамовские гончие стоят уже в отдалённых поколениях. Следовательно, собаки местных групп приносят некоторое освежение московской группе русских пегих гончих. Московское общество охотников имеет несколько десятков русских пегих гончих. Однако здесь наблюдается наибольшая разнотипность, так как ведение породы в питомнике этой организации длительное время строилось на использовании наиболее рабочих производителей при сравнительно малом внимании к их типу и экстерьеру. Влияние питомника МОО на эту породу незначительно.

Другая, также очень сильная, Ленинградская группа создалась во многом из тех же основных элементов: в ней участвуют обе ветви питомника МГС «Динамо» (первичные лидеры Догоняй I, Дунай I, Баламут II, и т. д., и потомки линии Кларнета 2/г — Рыдая); в её формировании играли роль гончие военных организаций (ЦС ВВОО и других), идущие от собак питомника Киевского ВО с примесью крови всё того же чемпиона Заливая 8040 и других собак начальной московской группы. Есть в ней и кровь Чешайр-Стеллы (фоксгаунда) и, вероятно, гончих А.П. Марина (Калуга). Русские пегие гончие Ленинграда выведены путём близкого инбридинга. При анализе родословных трёх ленинградских чемпионов Фишки II Чекулаева, Урвана Азарова и Баяна Мелихова, видно, что Фишка II и Урван происходят от одной матери Фишки I, а Баян их двоюродный брат.

Тульская группа русских пегих гончих идёт от разных корней: в ней есть кровь известных в прежние времена Грома Главатчука и Помчила А.О. Бочарова, серьёзную роль, очевидно, сыграла довоенная общественная стая, сильна в Тульской области и доза крови динамовских гончих, прилитая к собакам питомника Тульского общества охотников (общественной стаи) в результате вязок с ведущими производителями МГС «Динамо», а также введённая через некоторых московских собак, например, Карая Брикошина.

Украинская группа русской пегой гончей происходит от чемпиона Заливая 8040 (Н.Ф. Чукаева, позже питомника Укрпушнины), Помыкая (питомника Окружного совета военных охотников Киевского ВО) — прямого потомка собак В.Н. Корниловича и Масловского (через Чарку последнего), позднее от Рыдая питомника ОСВОКВО, сына Кларнета 2/г (В.И. Казанского) и Грохотушки того же питомника. В эту группу влита также и кровь основных динамовских лидеров (Догоняя I, Баламута II и др.).

Питомник Окружного совета военных охотников Прикарпатского ВО на Украине имеет блестящих по экстерьеру и с хорошими полевыми качествами русских пегих гончих (идущих от вышеназванных корней).

В Полтаве и Сумах есть несколько больших семей русских пегих гончих — прямых потомков гончих В.Н. Корниловича и бывшего питомника Укрзаготпушнины.

Из приведённых примеров видно, что всё многочисленное поголовье русских пегих гончих объединено общим происхождением. Это обеспечивает единство главного типа при существовании, конечно, и подтипов.

Порода так разрослась и общие предки различных групп так далеки, что обмен производителями между областями не может привести к какому-то вредному инбридингу.

Очень сильное освежение возможно, например, вязками московских собак с украинскими, особенно из питомника Прикарпатского военного округа или с полтавскими и сумскими.

Общая селекционная работа привела к созданию в 50-х годах трёх типов русской пегой гончей. К первому из этих типов принадлежали русские пегие гончие наиболее сухого сложения, сравнительно высокие на ногах, как бы несколько облегчённые. Характерными представителями этого типа можно считать чемпиона породы Фишку II Е.К. Чекулаева, чемпиона Чайку I И.А. Зарецкова, Чайку II его же и других. Многие из этих собак происходят от динамовских гончих «рыдаевской» линии.

Другой, наиболее своеобразный тип образовался в результате ввода в породу фоксгаунда Барона. Для этого типа наиболее характерны удлинённые шея и туловище, сырая голова (часто с брылями) и очень прямые (прочные) ноги с короткопалыми собранными лапами. Примером мог служить Набат Флягина. «Бароновский» тип в последнее время сходит на нет.

Третий тип близок к первоначальному динамовскому с некоторым улучшением его. При достаточной мощности и не слишком лёгких головах, этот обновлённый тип русской пегой гончей стал суше и собраннее. Хорошим примером данного вида могли быть собаки тульской общественной стаи Догоняй, Дунай, Плакун, Добычка и др.

По компактности, пропорциональности сложения, сухости и крепости конституции, а также по доказанным полевыми испытаниями рабочим качествам собаки третьего типа наиболее желательны.

Как показала Всероссийская выставка I960 г. и областные выставки 60-х годов, русская пегая гончая идёт к единству типа, приближаясь в массе к третьей из отмеченных категории.

ОПИСАНИЕ ПРИЗНАКОВ РУССКОЙ ПЕГОЙ ГОНЧЕЙ

Описание признаков русской пегой гончей (англорусской) впервые составлено на I Всесоюзном кинологическом съезде в 1925 г. Выработанный в то время стандарт лёг в основу последующих, имеет он некоторое значение и теперь. На Всесоюзных кинологических совещаниях 1939 и 1947 годов вносились некоторые коррективы. В 1950-1951 гг. заново составлено «Описание признаков русской пегой гончей», несколько прокорректированное на Всесоюзном кинологическом совещании 1954 г. и в последующие годы в порядке текущей работы Главного управления по заповедникам и охотничьему хозяйству при Министерстве сельского хозяйства СССР.

В числе стандартов всех охотничьих пород Главное управление 6 марта 1959 г. утвердило и выпустило для пользования стандарт русской пегой гончей.

Однако, как в ряде стандартов по другим породам, и в описании признаков русской пегой гончей

вскоре обнаружились значительные погрешности. Поэтому кинологическая секция Всероссийского объединения обществ охотников и рыболовов (Росохотрыболовсоюз) пересмотрела и выправила стандарт русской пегой гончей. Ниже приводится несколько сокращенное его изложение.

Рост в холке, как и у русской гончей: для выжлецов 57-65 см, для выжловок на 3 см ниже. Для русской пегой характерно то, что высота собаки в крестце либо на 1-2 см ниже, чем высота в холке, либо равна ей.

Отношение длины к высоте близко к квадрату: для выжлецов 102-104, для выжловок 103-105.

Основной окрас чёрно-пегий в румянах, без какого-либо ограничения размеров пятен. Румяна (подпал) покрывают всю голову, а также зад, плечи и нижние края боковых пятен. Допустим окрас багряно-пегий и серо-пегий в румянах. На голове допустимы лишь чёрные стрелки на висках, ноги и живот всегда белые.

Псовина. Волос прямой, на голове, ушах и ногах короткий, а на остальных частях тела длиннее (до 4-5 см). Волос несколько удлинён на холке и тыльных сторонах бёдер, к концу гона (хвоста) несколько короче. Подшёрсток достаточно развит.

Кожа плотная, без складок.

Мускулатура сухая, развитая.

Костяк широкий, крепкий.

Голова сухая. Череп продолговатый, объёмистый. Надбровные дуги выражены слабо. Переход от черепной коробки к морде с заметным мягким уступом. Затылочный бугор слабо выражен. Затылочная часть черепа округлена. Профиль морды приближается к прямоугольнику. Губы сухие, плотно облегают челюсти. Мочка носа чёрная, крупная.

Уши висячие, нетолстые, средней длины, треугольной формы, слегка закруглённые, плотно прилегающие к голове. Посажены высоко. Могут быть слегка в складку.

Глаза тёмно-карие или карие, разрез век косой, края век тёмные.

Шея в поперечном разрезе округленная, сухая. Длина примерно равна длине головы.

Грудь широкая и глубокая с выпуклыми ребрами, спущенными до локотков и ниже.

Холка достаточно выделяется.

Спина широкая, мускулистая, прямая с едва заметным выгибом вверх.

Поясница короткая, мускулистая.

Круп широкий, недлинный, слегка покатый.

Живот подобран.

Передние конечности прямые, сухие, костистые, мускулистые. Предплечье в разрезе овальное. Угол плечелопаточного сочленения близок к 100°. Пясти слабонаклонные.

Задние конечности сухие, костистые и мускулистые с хорошо выраженными скакательными суставами, угол которых равен 135-140°. Плюсна почти отвесная.

Лапы крупные, в комке, овальные. Гон (хвост) саблевидный, у основания толстый, постепенно утончающийся к концу, не длиннее, чем до скакательного сустава, носится круто поднятым, при возбуждении слегка закидывается над спиной.

ЭСТОНСКАЯ ГОНЧАЯ

Эстонская гончая до недавнего времени была у нас недостаточно известна. Знали о ней лишь на её родине в Эстонской ССР.

Эта собака отличается от других наших гончих малым ростом.

Работа над созданием такой малорослой гончей была начата под давлением охотничьих законов буржуазной Эстонии, требовавших, чтобы рост гончей не превышал 45 см.

Отбирая среди местных гончих малорослых, эстонские охотники-собаководы пускали их в породу. Для закрепления малого роста они ввели в местную породу большое количество крови английской заячьей гончей (биггли) и швейцарской гончей. Впрочем, в создании эстонской гончей участвовали и крупные породы — фоксгаунд и русская.

В родословных эстонских гончих конца 50-х годов иностранные (ввозные) производители имелись в четвёртом и даже в третьем поколении, причём доля этой иностранной крови достигала 85%.

В начале работы над этой породой в Эстонии в зависимости от процента участия крови местной,

английской (биггли) или швейцарской собаки гончих разделяли на двенадцать групп. Теперь же порода идёт к единству. Разнообразие происхождения до некоторой степени объясняет существующую разнотипность собак, твёрдо объединяемых в основном лишь малым ростом и пегим окрасом (преимущественно чёрно-пегим в румянах, а также и багряно-пегим).

Началу племенной работы по выведению некрупной гончей способствовал запрет охоты на косулю, которая подвергалась большей опасности от обычной рослой гончей. Наконец, желание иметь в Эстонии небольшую гончую объяснялось и самим характером страны, высокой плотностью населения и небольшими размерами охотничьих угодий.

Кроме того, племенная работа с эстонской гончей зависела и от некоторых других обстоятельств, которые как бы направляли её. Решающее значение имели природные и климатические условия Эстонии.

Дело в том, что для зимы в Эстонии характерно отсутствие снегов почти до февраля, и в связи с этим охотничий сезон с гончей отличается постоянной очень жёсткой тропой. Такие условия вынудили обратить самое строгое внимание на прочность лап гончей (крепконогость). Для придания местной гончей этого качества, как сообщал известный эстонский кинолог С.Н. Смелков (под его руководством формировалась эстонская гончая), было признано целесообразным примешать английскую мелкую гончую — биггли, обладающую плотной и сильной лапой.

Однако поздняя восприимчивость биггле к работе, отсутствие у них достаточной паратости, неудовлетворительная вязкость и грубые неприятные голоса, характерные для этой породы, заставили эстонских собаководов искать и другой материал для создания того типа, который удовлетворил бы экономическим, географическим и чисто охотничьим условиям. Вот почему пришлось подумать о швейцарских гончих с их маленьким ростом, очень скороспелых, принимающихся за работу на первом же году жизни и, кроме того, вязких и обладающих звонкими доносчивыми голосами. Однако вследствие недостаточно прочной лапы у швейцарской гончей нельзя было использовать в племенной работе одну только эту породу и поэтому биггли как «составная часть» будущей породы сохранила своё значение.

Выведение эстонской гончей начато в первой половине 30-х годов текущего столетия. Селекционная работа, продолжавшаяся примерно 25 лет, закончилась созданием нужного типа.

На начальном этапе селекционной работы наиболее значительную роль сыграли выписанные из Англии биггли: Джипси (Антропова), Цулю (его же), Лэди (Оттас) и Лорд (Оттас). Цулю прибыла щенной от Студента (Томми) и дала помёт.

С 1934 по 1938 г. от этих собак получено одиннадцать помётов, которые и стали смешиваться с гончими местной породы.

В 1934 г. в Эстонию завезены чистопородные швейцарские гончие, которых начали вязать с биггли и местными.

Война 1941-1945 гг. нарушила планомерную работу по формированию эстонской породы, но всё же уцелело достаточное количество гончих, которые после войны дали возможность успешно продолжить начатое дело.

Для отбора желательных производителей и придания кинологической работе нужного направления большая часть сохранившихся гончих осмотрена на выводках и у владельцев. С 1947 по 1954 г. осмотрено 2460 гончих. Породный состав этого поголовья оказался таким: русских гончих 28, русско-польских 248, курляндских 58, брудастых 17, таксбрака 37, финских 85, фоксгаунд 1, биггли 61, помесей с фоксгаундом 183, с биггли 224, с швейцарской 648, промежуточного (неопределённого) типа 529, беспородных 341.

Экстерьерный уровень этих гончих характеризуется следующими оценками: отлично 2, очень хорошо 30 хорошо 238, удовлетворительно 699, неудовлетворительно 1150, плохо 341 (оценка «удовлетворительно» приравнивалась к прежнему понятию «малая серебряная медаль», а оценка «неудовлетворительно» — к понятию «бронзовая медаль»).

В работе по созданию намеченного типа эстонской гончей были наиболее интересны помеси с биггли и с швейцарской. Этих собак оказалось больше 800 голов что достаточно для самой серьёзной и широкой племенной работы.

Наибольшее значение в создании современной эстонской гончей имела деятельность питомника Таллинского клуба охотников Добровольного спортивного общества Калев. Питомник приобрёл

Рисунок 15. Эстонская гончая лёгкого типа

лучших гончих различных типов, вёл их обособленно, анализируя и делая обоснованные выводы о желательных комбинациях.

В результате этой исследовательской работы на первое место вышли помеси швейцарских собак, которые питомник и использовал для выведения окончательного типа эстонской гончей.

Особенно ценной у помесей с швейцарской гончей оказалась их скороспелость: пяти-шестимесячные собаки уже принимаются работать. На их родине с эстонскими гончими охотятся на зайца, лисицу и рысь.

По регистрации 1952-1953 гг. в Эстонии насчитывалось 631 гончая, признанная принадлежащей к эстонской породе. В настоящее время эстонская гончая стала многочисленной и распространяется в областях РСФСР, Украины и Белоруссии.

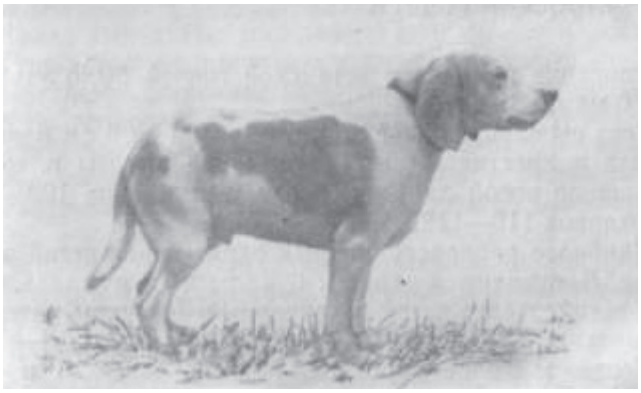


Рисунок 16. Эстонская гончая тяжёлого типа

Эстонский кинолог и создатель породы эстонской гончей С.Н. Смелков, анализируя родословные гончих Эстонии, первоначально распределял породу на двенадцать групп, в зависимости от состава «кровей» собак, т. е. от процентного участия в происхождении гончих местных или привозных пород. В Эстонии в племенной работе использовались лишь несколько линий желательного типа, а все остальные признаны нестандартными. Это должно было бы повести к формированию единого, устойчивого типа, но пока разнотипность очень велика. Особенно резко выделяются «тяжёлый» и «облегчённый» типы, оба достаточно многочисленны.

ОПИСАНИЕ ПРИЗНАКОВ ЭСТОНСКОЙ ГОНЧЕЙ

Описание признаков эстонской гончей было утверждено 6 марта 1959 г.

Рост выжлецов 45-52 см, выжловок на 3 см меньше. Высота в крестце на 1-1,5 см ниже высоты в холке. Отношение косой длины к росту у выжлецов 108-110, у выжловок 110-112.

Наиболее распространённый окрас чёрно-пегий в румянах. Допускаются окрасы: буро-пегий в румянах, багряно-пегий, жёлто-пегий и чепрачный. Размеры пятен не ограничены.

Псовина. Волос короткий, ровный, жёсткий и блестящий. Подшёрсток развит слабо. Хвост, покрытый почти равномерно по всей длине густой шерстью, выглядит толстым. К концу гона (хвоста) волос несколько короче.

Кожа плотная, без складок.

Мускулатура хорошо развита.

Костяк хорошо развитый, крепкий.

Черепная коробка умеренной ширины, округлой формы. Надбровные дуги ясно выражены, но невысокие. Переход от лба к морде нерезкий. Морда длинная, прямая. Губы плотно обтягивают морду. Мочка носа широкая, чёрная. У собак жёлто-пегого окраса допустим тёмно-коричневый цвет мочки носа.

Уши висячие, длинные, низкопосаженные, плотно прилегающие к голове. Концы ушей закруглены.

Глаза несколько косого разреза, тёмно-карие. Края век тёмные.

Шея округлая, мускулистая, сухая, без складок кожи.

Грудь широкая, бочкообразная, длинная и глубокая, опущена до локотков. Ложные ребра хорошо развиты.

Холка выделяется над линией спины.

Спина прямая, широкая, мускулистая.

Поясница широкая, выпуклая, мускулистая.

Круп широкий, короткий, слегка покатый.

Передние конечности сухие, сильные и мускулистые. При осмотре спереди — прямые и параллельные. Длина передних ног составляет около 50% высоты собаки.

Задние конечности сухие, костистые и мускулистые, поставлены параллельно, с хорошо выраженными углами сочленений. Плюсна почти отвесна.

Лапы овальной формы в комке.

Гон (хвост) саблевидный, у основания толстый, постепенно утончающийся к концу, доходит до скакательного сустава. Собака несёт его некруто.

НЕСТАНДАРТНЫЕ ГОНЧИЕ

Кроме трёх рассмотренных пород, все прочие породы гончих у нас считаются сейчас несуществующими. Однако немало ещё встречается собак с теми или другими чертами арлекина, польской гончей или брудастой. Коротко следует сказать и об этих породах и их признаках.

Арлекины. По мнению некоторых кинологов, эти собаки произошли от помеси русских гончих с долматинскими догами. Родиной их считается юго-запад России. По сообщению Н.П. Кишенского, эта порода была в расцвете на рубеже XVIII и XIX веков.

В XIX столетии стаи арлекинов имелись у некоторых помещиков средней России[1]: Чижова, Солосцова (Пензенская губерния, Улагай (Курская губерния), д-ра Витмана (Северный Кавказ), стая Першинской охоты от собак Дельвига (Тульская губерния). К началу первой мировой войны арлекины были у братьев Шустовых и в помеси с фоксгаундами у княгини Щербатовой (Звенигородский уезд Московской губернии).

[1] Н.П. Пахомов. Породы гончих. М., Всекоохотсоюз, 1931.

В послереволюционные годы арлекины не сохранились в чистом виде и всё, что выставлялась на советских выставках под видом этой породы, представляло лишь различные помеси, объединённые только мраморным окрасом, да нередко типичной для арлекинов белоглазостью или разноглазостью.

Общий облик арлекинов (по стандарту, утверждённому кинологическим съездом в 1925 г.) отличался сухим сложением, крупным ростом, сухой и узкой головой с тупой мордой, бочковатостью рёбер, некоторой вздёрнутостью на ногах и подрывистостью, придававшей собаке борзоватый вид. Наиболее яркими признаками являлись мраморный или мраморно-пегий окрас с розовато-жёлтыми подпалинами и оригинального цвета глаза (радужная оболочка): пёстрые, белые или разные — один белый, другой — тёмный.

Окрас шерсти и цвет глаз оказались исключительно стойкими и могут появляться в потомстве даже через много поколений после того, как в данной линии была вязка с арлекином. Этим и объясняется, что до сих пор всё ещё появляются гончие мраморного окраса или разноглазые, хотя настоящих арлекинов нет уже около пятидесяти лет.

Польско-русские гончие. Эти собаки, как помесь вывезенных из Польши гончих с нашими аборигенными, появились у нас в результате двух «волн» завоза в Россию гончих различных пород, разводившихся в Польше. Первая «волна» относится к началу XIX столетия, когда русская армия возвращалась из Западной Европы после поражения Наполеона, а вторая «волна» (ещё более обильная) этого завоза относится ко времени подавления польского восстания, когда русские военные, возвращаясь на родину, привозили с собой много собак. Причиной успеха польских гончих в России и их широкого примешивания к русским была прежде всего мода на иностранное. Кроме того, развитие ружейного способа охоты с гончей также способствовало этому успеху. Польские гончие ценились за необычайную вязкость, а также и пешесть, которая позволяла зайцу под такой собакой ходить на малых кругах и тихим ходом, удобным для стрельбы. Польская гончая сильно испортила русскую породу, передав помесям сырость и стомчивость, лишив их злобы и сделав тем самым негодными для охоты на волка (среди польских и польско-русских бывали и есть даже такие, которые не гонят не только волка, но и лисицу).

Современные, так называемые польско-русские гончие не обязательно являются помесью исключительно польской и русской пород, а часто к ним примешаны не только всевозможные иные гончие породы (арлекин, брудастая, русская пегая), но и не гончие. Этим и объясняется исключительная разнотипность, свойственная этой группе собак.

Кинологический съезд 1925 г. не смог составить для польско-русской гончей развёрнутый полный стандарт и ограничился лишь кратким и неопределённым наброском «описания польско-русской гончей», который формулируется так: «Польско-русские гончие, как сильно перемешанные гончие, носят черты общие то с польской, то с русской гончей. Есть гончие в жёлтых подпалах, есть в красных подпалах. Голова этих гончих в большинстве тупорыла, с широким черепом, но попадаются и в типе русских гончих. Одеты они сравнительно бедно с блестящей псовиной. Ноги у этих гончих прямые, но много и на вздёрнутых ногах. Гон в большинстве с подвесом. Часто встречаются с прибылыми пальцами. Уши длинные, в трубку и круглые».

Брудастые гончие. Эти собаки происходят, вероятно, от скрещивания разных гончих с овчарками. Главная отличительная черта — жёсткая, клокастая, щетинистая, довольно длинная шерсть, особенно на бровях и «бороде», что делает их похожими на русских овчарок.

В XIX и начале XX столетия брудастые гончие были в России не так уж редки, существовали даже целые стаи этих собак. Брудастые гончие отличались страшной злобой и были неисправимыми скотинниками. По-видимому, последняя их особенность и явилась причиной того, что после революции они были истреблены и как порода исчезли.

На советских выставках очень редко попадались единичные экземпляры гончих русского типа с щетинистой псовиной на морде, очевидно, являвшиеся дальними потомками брудастых собак.

КАКАЯ ПОРОДА ГОНЧИХ ЛУЧШЕ

Среди охотников-гончатников часто возникают споры о том, какая порода гончих лучше — русская или русская пегая. В последнее время появились горячие сторонники и эстонской, которая среди трёх наших основных пород занимает совершенно особое место. Маленький рост резко выделяет её, и в тех случаях, когда охотник вынужден держать гончую в квартире, скромные размеры собаки могут решить выбор породы. Но с другой стороны, хотя и говорят, что эстонская гончая не тонет в снегу, как и лисица, это, очевидно, больше относится к позднему времени зимы, когда снег уже несколько уплотнится и охота либо уже закрыта, либо заканчивается. Вряд ли эстонскую гончую не затрудняет глубокий и рыхлый снеговой покров, образующийся в разгаре охотничьего сезона с гончей в среднерусских, а тем более таёжных областях. По-видимому, это обстоятельство и препятствует распространению эстонской гончей за пределами Эстонии, хотя на Украине и в других малоснежных областях она может быть равноправной с русскими породами. Таким образом эстонская гончая исключается из споров о лучшей породе для большинства русских областей, в отношении же двух русских пород вопрос продолжает волновать многих.

Спор о том, какая порода лучше, имеет более чем столетнюю давность. В прежние времена было о чём спорить, так как качества собак русской и английской (а отсюда и англо-русской породы) существенно отличались.

Русская гончая в старину действительно была диковата и неподатлива к приездке, к вежливости, и это давало повод некоторым восхвалять фоксгаунда. Но ведь тогда русская гончая жила и дичала в тесной и грязной псарне под надзором крепостных псарей. А в руках нашего советского охотника она по способности к приездке ничуть не хуже любых других гончих.

Особая паратость и сила фоксгаунда были не выдумкой. Англичане, обладавшие высокой культурой животноводства, сумели создать для парфорсной охоты очень резвую гончую с железной мускулатурой и исключительно выносливым сердцем.

В наше время споры идут о том, уступает ли русская порода в паратости русской пегой? Дело доходит даже до таких курьезов: иные приверженцы русской породы утверждают, что русская пегая порода — пешая, хотя это нелепость.

Никто из хорошо знающих гончую и охоту с ней не станет говорить о большей быстроте той или иной породы. Ведь этого просто не может быть хотя бы по одному тому, что к обеим породам предъявляются одни и те же требования.

Огромным козырем англоманов была надежная злоба собак англо-русской породы к волку в противовес некоторому ослаблению этого качества в ряде русских стай, якобы в связи со значительной примесью крови польских гончих-зайчатников.

Однако данное положение было верно лишь для части русской породы, и злоба к красному зверю и, в частности, к волку сохранялась у гончих многих охот. Это доказала в наше время стая русских гончих ЦС ВВОО, с которой охотились на волков так же успешно, как и со стаей англо-русских собак Тульского общества охотников.

Сторонники русской породы, стремясь опорочить гончих английского или полуанглийского происхождения, называли этих собак бесчутыми и безголосыми, основываясь, главным образом, на поведении в лесу привозных фоксгаундов. Но ведь прибывшие из Англии собаки не могли гнать русского зайца потому, что на родине они работали исключительно по лисице, а кроме того, природные условия России слишком резко отличались от английских и одно это могло ставить в тупик привозных собак. Голоса у фоксгаундов были действительно неважные, но поскольку в англо-русской гончей в конечном счёте преобладала русская кровь, то и голоса англо-русских собак подравнивались к голосовым данным русской породы.

Гончие Крамаренко, заслужившие славу чуть ли не самых голосистых среди всех стай и пород известных в России в начале XX столетия, доказали, что англо-русские гончие могут обладать отличными голосами. А ведь у них кровь фоксгаунда была ещё совсем свежей, да и едва ли не преобладала.

Статистика испытаний современных гончих доказывает, что русская пегая порода голосами никак не уступает русской, а в 50-х и 60-х годах стала даже побивать последнюю (что отношу не к существу той или иной породы, а к временным колебаниям, которым, конечно, породы могут подвергаться).

Пристрастные любители русской гончей усиленно говорят о решающем превосходстве этой породы над русской пегой. В природе русской гончей, якобы лучшие голоса, она будто бы более терпелива к суровым климатическим условиям и вообще работает лучше. И, наоборот, один из кинологов старшего поколения Н.Н. Челищев в своей книге о гончей писал даже, что «для всякой охоты годна только англо-русская гончая».

Кто же прав, сторонники русской или русской пегой породы?

Если обратиться к статистике испытаний и вычислить средние баллы испытанных собак обеих пород, то они окажутся почти тождественными. Доказательством могут служить вычисления, проведённые одним из наиболее опытных и объективных судей В.С. Мамонтовым (материалы испытаний 983 гончих за десять лет):

Гончие	**Русские**	**Англо-русские**	**Нестандартные**
Средний балл			
одиночек	58,3	59,5	53,7
смычков	70,5	71,3	64,9
Процент дипломированных собак			
одиночек	28	28	14
смычков	18	26	24

Из приведённых данных видно, что русские и англо-русские (русские пегие) одноценны. Что касается нестандартных (помесей арлекинов, русско-польских и т. п.), то худшее качество их не удивительно: среди этой группы немало просто беспородных собак.

Рисунок 17. Русский пегий шестимесячные выжлец А.И. Королёва (г. Архангельск)

Мой личный многолетний опыт охоты с гончими и более чем 30-летний опыт судейства на испытаниях вполне согласуются с выводами М.С. Мамонтова о равенстве пород. Да и может ли быть иначе? Близкое кровное родство создаёт общность их рабочих задатков. К тому же тождество требований к работе в течение многих лет неизбежно привело к одинаковому развитию рабочих качеств. Может ли гончатник, слыша в лесу гон неизвестной собаки, сказать, к какой породе она принадлежит? Отказался ли кто-нибудь от русской пегой гончей, выращенной на севере, из-за её зябкости? Конечно, нет! Несомненно, если перевезти на север русскую пегую гончую, выросшую в тёплых областях Украины, то она будет страдать от сильных морозов; но, то же самое будет и с русской собакой южного происхождения.

Примером того, как отлично русская пегая гончая уживается и работает на севере, может послужить, например, сообщение гончатника и эксперта-судьи II категории А.И. Королёва из Архангельска. Он приобрёл русских пегих щенков в Ленинграде и от них ведёт породу на месте. Его русские пегие гончие, также и собаки других охотников работают в Архангельской области очень хорошо, и целый ряд этих гончих имеет полевые дипломы уже в возрасте 14-20 месяцев.

Спор о преимуществах той или иной породы вызывается, во-первых, разными вкусами охотника, а во-вторых, и тем, какой отрасли, какой группы, линии породы — рабочей или нерабочей — попала

собака в руки данному охотнику. Если он приобрёл собаку удачной рабочей линии русской породы, то и будет считать хорошей всю породу, особенно, если у него перед тем был неудачный опыт с русской пегой собакой. Точно так же может создаться и пристрастие к пегой породе.

Обе русские породы подняты советскими собаководами на большую высоту, обе они имеют все шансы на совершенствование, лишь бы было покончено с нездоровым рекламированием некоторыми владельцами своих по существу негодных в поле собак. Только строгий и абсолютно беспристрастный отбор производителей поможет изжить плохие нерабочие линии в породах гончих.

ТРЕБОВАНИЯ ОХОТНИКА К ГОНЧЕЙ

В современной охоте гончая, как никакая другая охотничья собака, должна работать самостоятельно, не надеясь на помощь или руководство своего хозяина-охотника, и в большинстве случаев гоняя в одиночку, так как в настоящее время гончатники преимущественно держат по одной собаке.

Иначе было в больших псовых охотах, когда собака работала в стае, да ещё при конных ловчем-доезжачем и выжлятниках, которые то насаживали собак на след перевиденного ими зверя, то, наоборот, сбивали стаю со следа, чтобы не допустить собак за линию борзятников. При наиболее распространённой в прежние времена «островной» охоте задача стаи гончих заключалась только в том, чтобы выставить зверя из леса («острова») в поля, где его могли поймать борзые. Хорошие, по тогдашним понятиям, гончие должны были сами бросать след и прекращать гон у опушки, а если они этого не делали, то конные выжлятники, всё время скакавшие за стаей, были обязаны не допускать «прорыва» стаи в поля и «отхлопывали» гончих арапниками обратно в остров.

При островной работе в стае некоторую самостоятельность имел её «вожак», или «мастер», наиболее толковая, паратая и, в особенности при охоте по волкам, наиболее злобная собака. Но, конечно, инициатива и этого вожака стаи была крайне ограниченна. Да и много ли талантов могла проявить гончая, когда весь гон по зверю от его подъёма до того момента, когда он вылетал в поля и выходил из сферы гона в сферу травли борзыми, продолжался иногда всего лишь считанные минуты и самое большее полчаса?

Гончим псовых охот не нужно было того мастерства, чутья, особенно той вязкости, которые стали необходимы при новом ружейном способе охоты с этой собакой. Ружейная охота потребовала от гончей гораздо большего, поэтому многие стайные собаки оказались не годными для неё.

Понятия о качествах гончей подверглись строгому пересмотру. В результате у «ружейных гончих» повысились вязкость и мастерство. Кроме того, охотникам-ружейникам пришлось внимательнее и строже отбирать чутьистых собак, а поэтому данное качество стало усиливаться и в породе.

Для более длительной гоньбы по зверю, да ещё по такому «путанику», как заяц, ставший в новой охоте главным объектом, собаке понадобилось не только более сильное врождённое чутьё, но она должна была ещё выработать в себе и тонкое умение хорошо использовать свои природные данные.

В первый период развития ружейной охоты большинство гончих продолжали работать в группе, правда, не такой большой, какой были стаи крупных псовых охот, называвшихся «комплектными», но всё же нередко ещё довольно значительной.

Некоторые охотники второй половины XIX и начала XX столетия держали стаи по три-пять смычков, большинство имело по четыре-пять гончих и, на худой конец, охотились со смычком. Гончие, которым приходилось гнать зверя в одиночку, были единичны.

По мере того, как охота с гончими становилась доступной всё более широким охотничьим кругам, роль одиночной собаки неизменно повышалась и к 1917 г. охота с одной гончей стала, пожалуй, самой распространённой. В связи с этим усложнялись и требования охотника к совершенствованию всех индивидуальных качеств гончей собаки, особенно к развитию у неё чутья, добычливости, мастерства и вязкости.

Коллективные принципы охоты, всё шире распространявшиеся в советских условиях, прежде всего стали применяться в охоте с гончими. Охотничьи общества и охотничьи коллективы различных спортивных организаций и предприятий начали приобретать и держать гончих собак для коллективного использования.

Представление о значительных размерах общественного пользования гончими дают некоторые сведения о гончих Всеармейского и Московского обществ охотников и рыболовов.

Для обслуживания окружных советов военных охотников и других военных организаций в питомниках Всеармейского военно-охотничьего общества (ВВОО) содержалось в 1964 г. 372 гончих рабочего возраста и около 40 щенков и подростков.

Среди взрослых гончих преобладают собаки русской породы, их насчитывалось около 200, русских пегих около 120, эстонских гончих значительно меньше — около 50.

Гончие ВВОО систематически экспонируются на выводках и выставках, а также участвуют на полевых испытаниях в тех округах и областях, где эти мероприятия регулярно проводятся. Из всего состава рабочего поголовья гончих ВВОО 154 собаки дипломированы на испытаниях.

Московское областное общество охотников и рыболовов (МООиР) имеет 125 общественных взрослых гончих и, кроме того, 26 щенков и подростков (по данным на 15 октября 1965 г.). Из общего числа гончих: русской породы 95, русских пегих 26, эстонских только 4. В МООиР большое внимание уделяется экстерьеру и породности общественных гончих, и все они имеют высокие оценки на выставках.

Значительное место в работе с гончими МОО занимают испытания: из 125 собак 58 имеют полевые дипломы, в том числе I степени — 5, II — 14, и III — 39.

Особенности общественной охоты выдвинули свои специфические требования к гончей. Например, при возможно высокой вязкости и мастерстве появилась необходимость отличного послушания, в частности отличной позывистости, чтобы группа охотников, выехавших на базу своего общества в выходной день, не испытывала неудобств от упрямых гончих. Новые понятия о качествах гончей всё дальше уходили от взглядов псовых охотников, требования всё повышались. Самая сущность некоторых элементов работы гончей ныне пересмотрена, многие понятия уточнены и получили новое, более глубокое и обновлённое определение.

Огромное значение в этом вопросе имело широкое развитие полевых испытаний гончих. После I Всесоюзного кинологического съезда, состоявшегося в 1925 г, в Советском Союзе проведены многие сотни полевых испытаний гончих, во время которых проверена работа тысяч гончих собак. К сожалению, этот ценный опыт не обобщён и богатейшие данные работы «полевых проб», «полевых испытаний», «состязаний» и «испытательных станций» гончих не систематизированы и не обработаны, за исключением сравнительно ограниченных статистических данных, полученных В.С. Мамонтовым. Тем не менее создались известные выводы и нормативы оценки тех или других рабочих качеств гончей, обогатились, стали гораздо более правильными, чем прежде, взгляды на способности гончей и её возможности. Появилось и несравненно более правильное понимание самого существа её работы, хотя многое в ней не объяснено, не анализировано.

В нижеследующем описании основных элементов работы гончей и важнейших свойств этой собаки делается попытка разобраться в них по-новому, в свете опыта, опирающегося на работу многих гончих, очень разнообразных по своему происхождению, воспитанию, географическому положению областей, где они работали, и другим признакам.

В работе гончей принято различать целый ряд отдельных элементов: чутьё, полаз, добычливость, мастерство, вязкость, паратость, голос (с разделением его на два подэлемента — сила и фигурность), верность отдачи голоса, злоба, нестомчивость, крепконогость, приездка (дисциплинированность). Кроме того, для гончих смычков и стай нужны ещё свальчивость и ровность ног. Для гончих необходимо ещё обязательное, но до сих пор не учитываемое качество — способность ориентировки.

Каждый из необходимых для гончей элементов никогда не является изолированным, а связан с другими. Например, добычливость несомненно зависит от чутья, от полаза, от опытности и умелости собаки (т. е. «мастерства»). Мастерство же иногда зависит не только от чутья, но и паратости, так как гон по «горячему» следу легче, чем работа гончей, сильно отстающей от зверя и часто оказывающейся на следу, который успел уже несколько выветриться («остыть»); верность отдачи голоса с большим основанием можно считать подэлементом чутья и т. д.

Чутьём называется умение гончей при помощи обоняния найти зверя на его лёжке по следу или, обнаружив непосредственно по запаху зверя (найти «верхом»), преследовать его по запаху следа.

Чем сильнее чутьё и свободнее пользуется им гончая, тем успешнее будет охота в любых, иногда очень трудных условиях. Нередки случаи, когда одна гончая не в состоянии гнать зверя полными ногами, а может лишь добирать его, с трудом определяя направление следа по дороге или пашне, тогда как более чутьистая собака быстро и уверенно гонит в тех же условиях. Вот характерный пример резкой разницы в чутье у двух гончих. На полевых испытаниях в Телегинском районе Пензенской области в октябре 1956 г. двум гончим пришлось работать в одном и том же урочище по одному зверю непосредственно друг за другом и вот с какой ясностью выявилось у них различие в качестве чутья.

Первой работала русская пегая выжловка Сильва охотника Годжало. Побудив лисицу, она гнала зверя по лесу, почва в котором была усеяна толстым слоем опавшей листвы. Когда лисица, заметив судью, бросилась под острым углом назад, выжловка, вылетев гонным следом всего через одну-полторы минуты, скололась. Выправляя след, она сделала несколько кругов в стороне. Примерно через десять минут Сильва наконец попала на гонный след, но пересекла его, даже никак не отметив, и, в конце

концов, вернулась к владельцу, не справившись со своей задачей. Второй работала русская гончая Чита Соколова. Ввиду малых размеров отъёма, где шли испытания, хотя выжловка и была наброшена по возможности в отдалении, она всё же натекла на гонные следы той же лисицы, быстро и точно добрала её и работала почти без скола около часа, пока судьи не распорядились прекратить испытание, уже много раз перевидя зверя и убедившись в способностях и чутьистости Читы.

Вот другой пример, по которому гончатник с уверенностью оценит чутьё гончей, как очень сильное и верное. 10 ноября 1937 г. англо-русская выжловка Свирель работала по матёрому совершенно белому беляку. На глазах охотника гонный заяц вышел из леса на луговину, пересёк её и, став на дорогу, пошёл по ней к охотнику. Проскакав сухой песчаной дорогой около 100 м и немного не дойдя к стрелку на выстрел, беляк сдвоил по дороге, затем строил и скинулся на другую сторону дороги на пласты зяби, хорошим ходом перевалил через поле и скрылся вдали в заболоченном сосняке. Свирель, которая не отличалась особой паратостью, показалась на следу зверя через одну-полторы минуты, точно прогнала по нему до дороги, без перемолчки повернула по ней и продолжала гон полным голосом до скидки зайца. Здесь чутьистая и мастероватая выжловка не пронеслась по следу даже и нескольких шагов, а, повернув под прямым углом на пашню, продолжала гон всё так же горячо и уверенно.

Охотники знают, что по песчаной дороге гончая со средним чутьём едва проведёт след с добором, а уж на двойке со сметкой на пашню обязательно сколется, и только если она очень мастеровата, такая среднего чутья собака кое-как выправит след на пашне и, с трудом перебравшись по нему через поле, лишь в лесу погонит, да и то неуверенно, потому что заяц за это время сильно удалеет.

Если многое в чутьё собаки вообще неясно, то чутьё гончей особенно непонятно человеку. Мы не в состоянии найти сколько-нибудь верного ключа хотя бы для частичного раскрытия секретов гончей: как она, на полном ходу пересекая след гонного зверя, без колебаний поворачивает за ним в сторону его бега, как она может гнать по тропам, пробитым в снегу гонным беляком, который успел в некоторых местах пройти одним следом по четыре-пять раз, как она может отличить след, проложенный зверем 5 мин назад, от следа 10-минутной давности. Вероятно, след зверя состоит как бы из двух частей, во-первых, из пахучих отпечатков лап на грунте (видимых на снегу и не видимых по чернотропу) и, во-вторых, из «воздушного» следа, то есть запаха, остающегося в струе воздуха, которой шёл зверь, запаха который придают воздуху дыхание зверя, испарения его тушки и т. п. Правильна ли такая догадка?

Если до некоторой степени кажется понятным, почему легавая собака чует след птицы, который у неё буквально под носом и что она может на большем или меньшем расстоянии уловить запах птицы, находящейся на земле, то остаётся полной загадкой способность гончей гнать по следу, мчась во весь дух с высоко поднятой головой, да ещё с непрестанным лаем во всю силу глотки и лёгких. Какова же должна быть сила обоняния у гончей! Тайна чутья гончей становится ещё удивительней, если вспомнить, как собака, которую охотник привык считать чутьистой и которая ещё вчера замечательно поднимала и гнала зверя, сегодня ведёт себя, как совершенно бесчутая. Вот охотник заметил в кустах лежащего ноябрьского, белого как снег зайца, резко выделяющегося на тёмном фоне чернотропа. Ничего не стоит убить косого, но хочется послушать гон. Добычка бежит к зайцу, сейчас поднимет! Но собака пробегает в каких-нибудь пяти шагах от зверя, не прихватив его, и охотник, если он опытный, даже и не удивляется: да — вот он ещё один секрет чутья гончей, ещё одно странное явление. Вряд ли поможет в данном случае предположение, что заяц, лежащий неподвижно, не пахнет.

Бывает и другое. Мастероватая и настойчивая гончая легко поднимает зверя, а гнать не может. Погнала, через 3-5 мин скололась, но не бросает, бьётся, старается исправить дело, стремится гнать — ничего не выходит. Она явно плохо чует след и не в состоянии гнать. Это бывает, когда по чернотропу ляжет густой, обильный иней и трава станет как бы мохнатой, обрастёт белой шерстью инея; случается это и без всяких видимых причин. Состояние земли, травяного покрова, лесной подстилки (опавших листьев и т. п.), всего того, что у охотников носит название «тропа», — чрезвычайно разнообразно. Степень влажности тропы, температурные колебания, количество и особенности опавших листьев, состав их по древесным породам, густота и качество травяного покрова, количество и качество снегового покрова, то мелкого и мягко-влажного, то морозно-сыпучего, то покрытого ледяной коркой — разнообразие этих условий бесконечно, а от этого разнообразия безгранично изменяется успешность применения собакой своего чутья.

Но одно дело трудные и даже невозможные условия причуивания, а совсем иное — плохое, порочное чутьё. Со слабым чутьём гончая никогда не работает хорошо, она беспрестанно скалывается, путается

на следу, часто возвращается назад и, уныло отдавая голос в добор, второй, а то и третий раз проверяет гонный след. Но это ещё не так плохо, как порочное чутьё, с которым собака даже не в состоянии разобраться, в какую сторону надо гнать. Такая гончая часто, попав на след, бросается по нему не в ту сторону, куда пошёл зверь, а туда, откуда он пришёл. Гончая, гонящая, как говорят гончатники, «в пяту» — никуда не годится: и в одиночку от такой собаки толку нет, а в смычке или стайке она только мешает другим собакам.

Вероятно, к слабости или неточности чутья относится и неправильная отдача гончей голоса — излишний добор на жирах, отдача голоса на «пустых» местах при выправлении сколов и другие неправильности. Возможно, что излишняя отдача голоса связана с особым темпераментом и неуравновешенностью, проявляющейся именно при розыске.

Полаз — это манера розыска собакой зверя. Он может быть глубокий или мелкий в зависимости от того, большое или малое пространство обыскивает собака, быстрый на галопе или хорошей рыси, или медленный — трусцой, а то и шагом.

Гончая с хорошим полазом ищет быстрым аллюром, удаляясь от охотника даже на несколько сотен метров, но в то же время она всё время считается с его ходом, прислушивается к порсканью. Если охотник не порскает, толковая гончая время от времени, пересекая его след, проверяет направление движения и изредка показывается хозяину.

Хороший полаз сам по себе очень эффектен и приятен и, безусловно, помогает гончей в розыске зверя. Однако у нередких собак при большом охвате местности полазом он оказывается бестолковым: гончая часто несётся напрямик дорогой, просекой, роется в жировых следах на чистой поляне, где беляку и лечь-то негде. Поэтому, как бы эффектен ни был полаз с внешней стороны, он ценен лишь тогда, когда сочетается с достаточной добычливостью. Иногда полаз бывает не только красивый, но кажется, такой толковый, что лучше и желать нельзя, а собака поднимает зверя с большим трудом. И, наоборот, попадаются гончие с вялым и на взгляд незаботливым полазом, а легко поднимающие зверя в любых условиях.

Хорошая добычливость — это умение быстро поднять зверя. Этим качеством обладают далеко не все гончие. Добычливость зависит от опытности гончей и обычно улучшается по мере втягивания собаки в постоянную, большую работу; зависит она и от чутья.

Однако встречаются гончие очень мастероватые на гону, опытные и чутьистые, но очень тугие на подъём зверя. Есть и такие собаки, которые, лишь попав первоосенниками в лес, с первых же своих охот проявляют необычайную сноровку в розыске зверя и, если работают в стае, то оказываются добычливей старших опытных собак. Поэтому приходится признать, что часто сноровка гончей добыть зверя является врождённым «талантом». В самом деле, чем другим можно объяснить ту исключительную добычливость, которой обладал англо-русский выжлец Гобой, принадлежащий автору настоящей книги? Нередко случалось, что Гобой поднимал зайца буквально с напуска; не проходило и нескольких минут, как он уже гнал и остальным собакам оставалось только подваливать. Для подтверждения приведу пример.

Гобой на очень быстром полазе несся краем поля, приподнятого над обширным болотом. С полного хода он повернул под прямым углом, пересёк небольшую луговину, отделявшую болото от поля и, едва влетев в кустарник, заголосил по беляку, выскочившему у него из-под носа. Было тут проявлено и чутьё, но в ещё большей степени какая-то особая сноровка.

У многих гончих добычливость неодинакова дома и на чужой стороне. Нередко от природы сметливая собака, привыкнув к одной местности, хорошо добывает зверя в своих лесах. Она запоминает не только пункты, где ей удалось поднять беляка или иного зверя, но, по-видимому, умеет как-то распознать и закрепить в памяти характерные места, где этот зверь больше ложится на днёвку.

Опытная в местных условиях гончая в полазе прежде всего проверяет те точки, где она добывала зверя, а попутно обыскивает участки с аналогичной природной обстановкой.

Наоборот, попав в новые места, такая собака часто утрачивает свою отличную добычливость, находит и поднимает зверя с большим трудом. Особенно сильно влияет на добычливость перемена места, если собака попадает в какую-то новую географическую область, где все природные условия иные.

Не так уж редки и такие «добытчики», на которых не отражается переезд и они с той же быстротой умеют найти и побудить привычного по прежней местности зверя.

Добычливость, как бы меняется в зависимости от погоды. Говорю «как бы» потому, что по существу добычливость, как и другие способности и навыки данной собаки, естественно, не зависят от внешних условий. Но общеизвестно, что бывают дни и периоды в охотничьем сезоне, когда самые добычливые собаки не в состоянии найти беляка. По таким трудным дням нельзя судить о добычливости собаки.

Мастерство — важнейшее качество гончей. Под этим термином понимается способность и умение собаки длительно преследовать зверя, выправлять сколы, возможно быстрее распутывать след, который зверь старается утопить в воде, затереть на песчаной дороге или пашне, или стремится иногда отделаться от преследования на льду, покрывшем озерко, речку или болото, где след не имеет запаха. Благодаря мастерству чутьистая гончая разбирается в заячьих двойках, тройках, скидках и тому подобных ухищрениях, преодолевает все трудности и живо выправляет сколы. Там, где бессильно помочь ей чутьё, она берёт сметкой и опытностью. Когда гонит по пороше мастероватая гончая, она, бывает, не ступит шагу по заячьей двойке, зная что это такое, а сразу же ищет, куда зверь сметнулся.

Мастерство приобретается опытом, постоянной работой гончей по зверю в любых условиях погоды, тропы и времени охотничьего сезона, но при этом много значат и врождённые качества собаки. Иная, сколько ни охоться с ней, а большим «мастером» не будет.

У многих хороших гончих мастерство проявляется в определённый период охотничьего сезона: есть мастера по чернотропу и, наоборот, нередко встречаются гонцы, особенно умело работающие по снегу. Часто высказывается мнение, что мастер по белой тропе много помогает своему слабоватому чутью глазом. Но с этим нельзя согласиться. Как ни пользуйся гончая зрением при работе по следу на снегу, она никак не справилась бы с гоном без чутья и притом выдающегося, когда этот гон продолжается несколько часов, и зверь, пройдя много раз одним следом (особенно беляк), так натропит, что невозможно разглядеть, куда он шёл тропой в последний раз. А ведь гончая гонит, значит, чутьё у неё не слабое.

Связь между чутьём и мастерством очень сильна, и часто нельзя определить, что в работе гончей играет главную роль. Очень тесно связано мастерство и с вязкостью. Гончая, лишённая хорошей вязкости, быстро бросающая работу, никогда не приобретет хорошего опыта и никогда не станет «мастером». Вот почему прежде всего нужно добиваться от молодой гончей приобретения и развития вязкости.

Мастерство обычно определяется в зависимости от числа и длительности перерывов в отдаче голоса, т. е. от времени, когда гончая сбилась со следа. Однако, если современные правила испытаний и дают некоторые нормативы для оценки мастерства по количеству сколов и перемолчек, то их надо понимать лишь как условные придержки, так как качество работы гончей в огромной степени зависит от состояния тропы, погоды, температуры и ещё более от поведения зверя, его «тайкости», т. е. от того, насколько он в данный день затаивается, западает.

Очень большое, а иногда и решающее значение для ровности гона имеет характер и возраст зверя. Так, маленький белячок, которому лишь месяц-два от роду и который размером ещё только с рукавичку, труднейший объект для гона. Зайчонок ежеминутно западает, ежеминутно бросается из стороны в сторону под острым углом, мечется навстречу собаке и устраивает это на таких коротких дистанциях, что гончая всё время проносится.

Наоборот, работа гончей по молодой лисице легче, чем по старой, так как у молодого зверя нет ещё опыта и сноровки в запутывании следа; опытные же старые лисицы, случается, даже спасаются от гончих на наклонных, полуповаленных деревьях.

Гончая может быть мастерована только по тому зверю, по которому она много работала и повадки которого изучила. Собака, привыкшая к беляку, возможно, на первых порах не сумеет хорошо гнать русака. Если по беляку она научилась выправлять след на не особенно больших кругах, то мастерство гончей, специализировавшейся по русаку, заключается прежде всего в умении вновь разыскивать зверя, ушедшего сильно накатанными проезжими дорогами, где, бывает, чутьём не возьмёшь. Опытный гонец-русачник, догнав по следу до дороги, бежит по ней, поглядывая и принюхиваясь по сторонам, пока не найдёт сметку и вновь не погонит по обнаруженному следу.

Мастерство заключается не только в искусстве распутывания следов, но и в сноровке гончей разбираться в более сложных задачах (например, когда зверь переплывает небольшую реку). Здесь тонкое чутьё и изощрённость в пользовании им не помогут. Очевидно, нужна способность соображать, иначе не объяснить такой случай, когда мой выжлец Напор, побегав по берегу реки, шириной около 15-

20 м и убедившись, что след оборвался, переплыл через реку, нашёл место, где беляк вылез на другой берег и продолжал гнать.

Большая вязкость, позволяющая охотнику быть уверенным, что гончая не бросит зверя, а продержит его на гону не один круг и даст хозяину возможность спокойно выбрать и занять хороший лаз, так же, как и мастерство, в значительной степени достигается опытом и правильной нагонкой. Однако опыт только помогает развиться и закрепиться природной вязкости. Если «в крови» собаки этого качества нет, то никакой опыт, каким бы длительным он ни был, никакие сотни поднятых и гонянных зайцев и лисиц не помогут.

Несомненно, что хорошая вязкость или, наоборот, её недостаточность могут передаваться по наследству. Встречаются в породах гончих линии, обладающие исключительной вязкостью, заставляющей гончих гнать одного зверя в течение целого дня. Так, мои англо-русские гончие Гобой и Свирель около 10 ч ноябрьским утром подняли лисицу, она увела собак по прямой за 10 км и там стала кружить. Небольшой мороз слегка скрепил поверхность моховых болот, многочисленных в тех местах, и образовавшаяся на мху корочка держала лисицу, но очень затрудняла работу гончих, проваливавшихся в мёрзлый мох.

Вязкий и дружный гон кипел свыше 6 ч, пока в пятом часу вечера, когда уже близились сумерки, лисица была убита.

Вязкостью же брала (и мастероватостью, конечно) Свирель, когда при своей средней резвости (паратости) сганивала беляков и, совершенно вымотав зайцев, залавливала их.

Очень большая вязкость иногда становится охотнику не в радость: наступает ночь, пора домой, а вязкую собаку никак не собьёшь со следа, ничем не сманишь и не подловишь. Думается всё же, что настоящая вязкость дороже этих неудобств.

С вязкостью не следует смешивать порочное упрямство. Некоторые гончие не желают подходить к охотнику даже тогда, когда зверь убит, а стремятся продолжать гон. Собаки приобретают упрямство чаще всего в результате неправильного поведения охотника, когда он часто обманывает их, накликая без всякого следа или зверя, лишь для того, чтобы подловить и взять на сворку, либо, если он, быстро взяв одного зверя, когда ещё гончие не нагонялись досыта, старается принять поскорее гончих на ненавистные им смычок и сворку и вести домой.

Плоха и такая вязкость, если она связана с несообразительностью гончих, когда они, доведя лису до норы, не заканчивают гон, а продолжают добирать и повторять гон по следам, уже утратившим своё значение.

Какая же вязкость наилучшая? Вернее всего сказать: для различных случаев вязкость должна быть разной. Для собаки сельского охотника, охотящегося в одиночку, вязкость должна быть как можно сильнее, может быть, даже в ущерб позывистости, такая гончая должна гнать «до убоя». Для гончей же коллектива охотников или принадлежащей городскому охотнику, выезжающему на охоту лишь по выходным дням, требования к позывистости строже, даже отчасти за счёт вязкости.

Конечно, никто не станет выводить «породу» более вязкую с назначением для отдельных никуда не выезжающих охотников, и более позывистую за счёт вязкости. Речь, разумеется, идёт о воспитании гончей с уклоном в сторону вязкости или позывистости в связи с характером службы, предстоящей этой собаке.

Во всяком случае, для успешной охоты всякая гончая обязана, если понадобится, не бросать гонного зверя в течение одного-полутора часов, а то и больше, не обращая внимания ни на рог, ни на выстрел. Не часто, но встречаются гонцы, обладающие очень большим упорством в работе, способные гнать одного зверя чуть не целый день, и в то же время позывистые, с которыми можно прервать охоту в любое время. Такие, конечно, особенно ценны.

Паратость — это быстрота, с которой гончая передвигается во время гона. Быстрота нужна, чтобы зверю не хватало времени путать след и тем сбивать собаку, и, кроме того, ещё затем, чтобы зверь, идущий от гончей «во все ноги», меньше высматривал и вынюхивал во время бега и тем легче набегал на охотника. Паратый гон гораздо красивее пешего и вместе с тем всегда ровнее, поэтому охотнику легче и удобнее ориентироваться в перехвате зверя.

С паратостью не следует смешивать умение гончей держаться на гону близко к зверю. В зависимости от хорошего или плохого мастерства, гончая средних ног «сидит на хвосте зверя» и гонит всего в полуминуте от него, или собака скачет в лесу с такой быстротой, что того и гляди ушибётся о дерево,

а далеко отстаёт от зайца. Тут гончатник должен уметь судить о паратости отдельно и независимо от мастерства. Конечно, то, насколько близко или далеко гончая идёт от зверя, преследуя его, в какой-то степени говорит о её паратости. Однако необходимо всё же помнить, что эта мерка очень условна и зависит не только от быстроты ног, но и от мастерства и чутья собаки.

Судя по общепринятому отношению к паратости, можно подумать, что чем быстрее гонит гончая, тем лучше. Идеальная паратость как будто недостижима, не существует в природе: ведь почти ни одна гончая из многих тысяч собак, прошедших через испытания, не получила полный высший (10) балл за паратость. Однако всё это — и «чем резвее, тем лучше», и отсутствие полного балла за паратость — недоразумение. Должна ли гончая гнать с быстротой, скажем, борзой собаки, которая способна догнать зайца? Вообще, нужна ли какая-то огромная быстрота гончей? Конечно, нет. Известно, что борзая, если она попадёт за зверем в лес, легко может разбиться о дерево насмерть.

Какая же паратость гончей должна считаться лучшей? Та, которая при хорошем мастерстве позволяет гончей не отставать от зверя более, чем на минуту (конечно, во время ровного гона, а не при подъёме или сколах). Для такой паратости гончая вовсе не должна нестись опрометью, а вполне достаточно, если она скачет хорошим быстрым галопом, не переходя на рысь даже при выправлении сколов.

Голос у гончей сильный, далеко слышный (доносчивый), со своеобразной мелодичностью, музыкальностью, что выделяет её из всех пород собак. Диапазон гончих голосов очень велик: от дисканта до баса-октавы. Помимо силы и характера звука, очень важна для охоты и манера отдачи, которая может быть горячей, азартной, страстной или, напротив, скучной, неинтересной; может быть она частой, щедрой или скупой. Чрезмерно скупая отдача голоса называется редкоскалостью. От редкоскала недалеко и до молчуна — гончей, гонящей молча и поэтому совершенно негодной для охоты.

Естественно, что чем сильнее голос гончей, чем дальше он слышен, тем лучше для охоты, тем больше знает охотник о движении гончей, а, значит, и зверя, тем удобнее ему ориентироваться и определить лаз. Кроме того, охотника-спортсмена гон голосистой гончей больше захватывает, так как он гораздо красивее, азартнее и интереснее.

Для красоты гона ещё важнее *«фигурность»*, т. е. свойство голоса звучать не однотонно, а модулировать. Бывают голоса двойные и даже тройные, когда может показаться, что гонит не одна собака, а две или три гончие с разными голосами. Бывают голоса с гнусью (как бы в нос), с заливом, когда каждый взбрех не отрывистый, а сопровождается льющимся, постепенно слабеющим звуком несколько иного тона.

Очень редки голоса, так называемые «с заревом». Гончие, обладающие заревом, издают не отдельные взбрехи, а сплошной низкий рёв, продолжающийся до тех пор, пока собаке не понадобится перевести дыхание. После краткого перерыва гончая снова издает свой рёв. Зарёв свойствен выжлецам, у выжловок вместо этого встречаются непрерывно льющиеся высокие голоса, похожие на отчаянный и вместе с тем мелодичный непрекращающийся вопль или визг. Зарёв и такие льющиеся голоса особенно ценны в хорошо подобранной голосистой стае; они служат как бы необычайным объединяющим аккомпанементом к звукам разноголосого гона.

Нередко приходится слышать, что нынешние гончие потеряли голоса, что нет теперь тех голосов, какие бывали в старину. Это неверно. Одновременно с повышением породности наших гончих и улучшением их экстерьера всё чаще стали появляться и прекрасные голоса. Теперь не чудо такой, например, голос, как у бывавшей на костромских испытаниях Ромбы Сальникова. Когда гнала одна эта выжловка, по звукам гона можно было спорить, что гонит не смычок, а, наверное, три собаки.

Все, кто слышали стаю русских пегих гончих в составе трёх с половиной смычков Центрального совета Всеармейского военно-охотничьего общества на Всесоюзных состязаниях 1939 г., были поражены голосами гончих этой стаи, их силой, красотой и подбором. В стае был выжлец Орало, с замечательным заревом, были там и басы, и заливы, и вопящий альт выжловки. Даже самые старшие и опытные из судей и участников, которые слушали много гончих и «в старину», т. е. до 1917 г., говорили, что ничего подобного никогда не слышали.

Итак, при определении достоинства голоса приходится оценивать его отдельно по силе, звучности и манере отдачи, а также по музыкальности и фигурности.

Верность отдачи голоса не относится непосредственно к самому голосу, а связана, по-видимому,

с другими свойствами собаки: чутьём, нервной возбудимостью, быстротой скачки на гону, и, вероятно, некоторыми другими, неизвестными и непонятными человеку особенностями собачьего организма и инстинкта. Всякую излишнюю отдачу голоса охотники называют слабоголосостью, а недостаточную — редкоскалостью.

Гончая должна горячо, во всю силу и с полной щедростью отдавать голос лишь на гонном следу. В связи с этим недопустимы или по меньшей мере нежелательны:

1. Добор по жировому следу, т. е. лай при разбирании ночных «жировых» следов зайца до его подъёма. Небольшой добор нежелателен, но длительный, продолжающийся чуть ли не по часу, а то и больше, да ещё не заканчивающийся подъёмом зверя — решительно порочен.

Добор по лисице не только не порок, но, наоборот, всегда ценился высоко и должен цениться и теперь. И вот почему. Заяц жирует на ограниченном участке и, если собака «добирается» до него по ночным жировым следам, то это происходит, пусть не на глазах у охотника, но во всяком случае в пределах её полаза, т. е. всегда на слуху.

Иное дело лисица. Участок её жировки, её собственной охоты, может занимать несколько километров и, кроме того, часто бывает, что она добывает корм (мышей, птиц и т. п.) днём, поэтому гончая, напав на лисий след, не поднимает её тут же вблизи от охотника, а должна настигать по жировому следу иногда за 2-3 км от первой встречи с этим следом. В таких случаях отдача голоса по жировому следу, т. е. добор, просто необходим. Зная, что добора по зайцу у гончих нет, охотник, как только услышит добирающие голоса своих собак, сразу понимает, что найдена лисица. Он спешит по направлению добора, и это даёт ему возможность слышать, когда погонят, и быть вблизи от гона.

2. Недопустимо и выправление сколов с голосом. Как только гончая сколется (собьётся со следа), она должна смолкнуть. Это важно, так как охотник должен знать, что делается на гону. Если собака, сколовшись врёт, она сбивает охотника с толку и лишает его возможности рассчитать ход гонного зверя. Как и в отношении добора, небольшая слабоголосость на сколах — терпимый недостаток, а значительная — порок.

3. Большим недостатком, даже очень крупным пороком является общая слабоголосость: гончая голосит с напуска зря, без всякого следа, голосит по следу другой собаки или подваливая к погнавшей гончей, гонит голосом всё живое, что бы ей ни попадалось.

Очень слабоголосые гончие нередко становятся совершенными «пустобрехами» и для охоты негодны. Особенно вредны слабоголосые гончие в смычке или стае. Недостаточная отдача голоса (редкоскалость) также дефект верности. Очень плохо, если гончая, ведя зверя на гону, отдаёт голос лишь на отдельных отрезках гона.

Злобность к зверю, или просто злоба, — очень важное и притом чисто врождённое качество гончей. Только обладающая злобой гончая может работать по хищному зверю.

Злобу к зверю не следует смешивать со злостью по отношению к человеку, так как даже очень злобная к зверю собака, бросающаяся очертя голову на волка в одиночку, может быть очень ласковой, смирной, вовсе незлобивой к человеку. Гончая, у которой нет этой драгоценной злобы к зверю, не гонит не только волка или рысь, но даже и достаточно безопасную для собаки лисицу.

Степень злобы может быть разная. Есть гончие, обладающие этим качеством и предпочитающие всё-таки лисице зайца, встречаются такие, которым безразлично, гнать зайца или лисицу и, наконец, есть гонцы, определённо предпочитающие хищного зверя, которого в старину называли «красным». Если такие гончие гонят лисицу, они не бросят её след, даже если заяц вскочит у них на глазах. Рванувшись в первую минуту за таким зайцем, они, лишь только он скроется, оставляют его след и возвращаются на след красного зверя. Наоборот, подняв и преследуя русака или беляка, они сразу же бросают зайца, если на гону им попадается «горячий» след лисы. Подобных гончих охотники называют «красногонами».

Нестомчивость (неутомимость) нужна гончей едва ли не больше, чем любой другой охотничьей породе. Это качество в очень значительной степени зависит от правильного воспитания и содержания гончей. Без значительной разумной тренировки любая гончая на охоте будет быстро утомляться и, погоняв одного-двух зверей, после общей 3-4-часовой работы так утомится, что станет ходить по пятам хозяина. Наоборот, гончая, имеющая постоянные проводки и большой моцион на всяких аллюрах, гончая, хорошо втянувшаяся в гоньбу, может удивить несведущего человека, и даже рассказ о подлинной нестомчивости может вызвать у него резкое недоверие. Сильному и втянутому гонцу

вполне по плечу гонять не с утра до ночи, а с утра до утра, то есть сутки и даже больше, а затем после нескольких часов отдыха вновь работать.

Разумеется, ни для какой охоты не нужна круглосуточная гоньба, но это может случиться, если гончих не удалось подловить вечером и они погнали, например, лисицу, которая и увела их. Конечно, всякая сила имеет предел, и в практике можно считать очень хорошей нестомчивостью, если гончие выдерживают трёхдневную охоту и после однодневного отдыха (днёвки) вновь готовы к такой же энергичной работе.

Наряду с воспитанием и тренировкой в развитии нестомчивости большое значение принадлежит и природным, наследственным данным собаки; огромную роль играет состояние и развитие лёгких и сердца.

Крепконогость надо отличать от нестомчивости. Под крепконогостью следует понимать силу и способность к большой работе ног собаки. Прямой зависимости между нестомчивостью и крепконогостью может и не быть, что легко увидеть из следующего примера. Принадлежавший мне выжлец Напор имел неважные, распущенные лапы (до того, как он попал ко мне, Напор рос на цепи). В дальнейшем, несмотря на систематическую тренировку, у меня он работал по чернотропу хорошо только один полный день, на второй лишь до полудня, а на третий день ему требовался отдых. По снегу же, даже и глубокому, он мог работать с большой неутомимостью, изо дня в день. Очевидно, его недостаточно крепкие лапы «разбивались» по более или менее жёсткому грунту, а по мягкой пороше лапам было легче, сердце же и дыхание у выжлеца были могучие: он был нестомчив, но не крепконог.

Ориентировка, или точнее *инстинкт направления*, — качество необходимое для гончей. Инстинктом направления, т. е. способностью угадывать нужное направление, обладают в большей или меньшей степени все дикие звери и птицы. Наиболее известным и ярким выражением этого инстинкта являются перелёты птиц к местам гнездовий и зимовок.

Сохраняется он и у людей, жизнь которых из поколения в поколение протекает, что называется «на природе», например, у народов, искони живущих охотой или скотоводством.

Иногда в несильной степени инстинкт направления как бы воскресает и у людей городской культуры, если им по роду деятельности придётся «с головой уйти в природу» и много ходить или ездить в местностях, где нет дорог (например, на изыскательских работах в обширных лесах или степях незаселённых или очень слабо заселённых). Подобное возрождение инстинкта возможно далеко не у любого, а у подавляющего большинства горожан он полностью атрофирован.

У собак инстинкт направления сохранился преимущественно среди пород сравнительно меньше отошедших от своих диких предков. А у тех пород, специализация которых уже давно и слишком далеко увела их от характера и способностей прародителей (например, у легавых), верный инстинкт ориентировки нередко отсутствует. Такие собаки могут заблудиться в лесу подобно людям. Но утрата способности определять нужное направление у легавой или спаниэля не составляет беды, так как им на охоте всегда приходится работать в тесном контакте с человеком.

Другим охотничьим породам собак, например лайкам и, в особенности гончим, никак не обойтись без твёрдого чувства ориентировки.

Вся работа гончей проходит либо с очень ограниченным руководством охотника (в полазе), либо в полном отрыве от него (на гону); самая же главная часть её работы — гон состоит из «кружения» по лесу без всяких видимых ориентиров то на больших «кругах», которые огибает гонный зверь, то на малых, когда гончей приходится выправлять сколы, — и всё это на самом быстром аллюре.

Если бы человек стал так кружить, петлять, метаться по незнакомому лесу, как приходится гончей, он наверняка потерял бы всякую ориентировку (если только не выручило бы солнце).

Трудно даже представить себе, насколько сложен и запутан, с точки зрения наших представлений о путях-дорогах, «путь» гончей в лесу во время гона.

Собака, конечно, не может ничего примечать во время своей скачки за зверем. Но сколько бы ни кружился гонец по лесу — бывает, по нескольку часов за одним зверем, — он, если вздумает проверить какую-то часть гонных следов, не бежит обратно всеми своими кругами, петлями или зигзагами, а пересекает участок, где происходил гон, напрямик.

Гончие, обладающие в достаточной степени инстинктом направления, оставшись в лесу ночью по небрежности ли владельца, по собственной ли чрезмерной вязкости или упрямству, без затруднения

находят дорогу домой. Им её даже и не нужно искать: они её как бы «знают». При этом они не придерживаются своего следа— это чрезвычайно сложно и потребовало бы слишком много времени, — гончие из леса днём или ночью бегут обычно прямо, не считаясь, как правило, с дорогами, если они не ведут более или менее прямо к дому.

Если этому можно подыскать объяснение в знании местности, когда гончая работает «дома», то никаким изучением не может быть объяснено аналогичное явление в чужих местах. А ведь большинство гончих, когда с ними ездят, например, из Москвы в различные районы, нигде не теряются. Если охотник приехал поездом с вечера и переночевал в деревне, то он может быть спокоен: туда где ночевали, гончие придут, уведёт ли их в какие-то далекие дали «неудачная» лисица, останутся ли они неподловленные гонять ночью (спокойствие в таких случаях, конечно, относительное: если нет волков или собачьих воров).

С самого начала своей охоты с гончими я обратил внимание на то, что гончая в любом лесу как дома, в любом месте не «закружится».

Наиболее ярко продемонстрировала мне инстинкт направления Сорока, когда десятимесячным щенком пошла в нагонку. Однажды в конце сентября вечером я пустил её в лес (днём не было времени). Подняв беляка, выжловка гоняла и канителилась с ним до ночи. Дело простое: к ночи заяц не залегал, а собака была с большой врождённой вязкостью. Когда я поймал её и взял на сворку, уже наступила ночь, тёмная, осенняя — хоть глаз коли.

До дому было недалеко, напрямик километра два-три, а дорогой, огибавшей болота и овраги, гораздо дальше. Не хотелось выходить на эту дорогу, двигаясь первоначально прочь от дома, но путаясь в лесу в полной темноте, ища короткого пути, было ещё невыгодней.

Постоял я, подумал: делать нечего — надо выбираться на дорогу.

— Ну, Сорока, пойдём... — и тут я заметил, что выжловка потянула меня не в сторону дороги, а в другую.

И мне пришло в голову попробовать, не выведет ли меня Сорока домой? И моя юная проводница выполнила это блестяще. Она привела к дому самым коротким путём и вела без каких-нибудь сомнений или колебаний, которые неизбежны в подобном случае у человека.

А вот другой не менее показательный случай. Дело было в начале зимы. Два моих ещё непогодовавших выжлеца увязались за рысью (это случилось в Новгородской области).

Гон начался вечером в лесах к западу от деревни, повернул на север и как будто стал уходить к востоку, всё удаляясь и удаляясь, и, наконец, сошёл со слуха. Наступила ночь, пришлось вернуться домой без собак.

Не раз за эту ночь вставали мы с моим деревенским хозяином, выходили на крыльцо: не пришли ли гончие? Но их не было до утра.

Утром мы собрались на поиски и, уже стоя на крыльце, обсуждали маршрут, чтобы «поэкономней» перехватить гонный след и идти по нему, куда поведёт. Вдруг заметили на востоке под уже взошедшим солнцем вдалеке на льду озера две приближающиеся точки. Это, конечно, были «пропащие» и бежали они через то самое озеро, которое было естественной границей моих осенних охот и за которым они никогда ещё не бывали. Где-то, так или иначе кончив преследование зверя, они вовсе не нуждались в том, чтобы найти дорогу домой на своём гонном следу, идя по нему «в пяту». Нет. Они отправились напрямик, как безошибочно указал им инстинкт направления.

Поразительными и в то же время характерными являются случаи, когда собака, увезённая по железной дороге, иногда за сотни километров, находит путь домой.

Был такой случай (его ещё помнят некоторые московские охотники) и у меня с той самой Свирелью, фотография которой есть в этой книге. Августовским вечером я повёз Свирель после «отдержанной» пустовки в деревню (в нескольких километрах от ст. Икша Савеловской ж. д.), где в то время находились мои гончие. Дорогой в лесу, в 3 км от станции, Свирель рванулась, почуяв след (очевидно, лисицы), вырвала из кольца карабин и полным голосом и полными ногами погнала, быстро сойдя со слуха. Обстоятельства не позволили мне следовать за собакой. Ночуя в деревне Лупанове, я рассчитывал, что выжловка придёт туда, так как подолгу там жила, но она поступила иначе.

Когда на следующее утро, в связи со служебной необходимостью, я вернулся в Москву, Свирель встретила меня дома, довольно грязная, но ничуть не потерявшая бодрости. За ночь она пробежала около 50 км до Москвы, а в Москве её, видно, не смутила ни сеть железнодорожных подъездных путей,

ни трамваи, ни вообще уличное движение. Она пришла домой, как будто это было обычным делом.

Приведённые примеры ярко иллюстрируют, насколько свойственно гончей чувство направления и насколько оно ей полезно. Нет сомнения, что это качество очень помогает в работе гончей и что без него она никогда не приобретет мастерства.

Правда, прийти за 50 км способна не каждая гончая, но найти путь к дому, где она ночевала перед охотой, она должна уметь. Без этого гончая не раз заставит хозяина по нескольку дней рыскать по окружающим лесам и селениям, а рано или поздно пропадёт окончательно. Встречаются и такие «бестолковые» гончие.

Перечисленные качества и элементы работы гончей относятся к отдельной гончей, составляют комплекс её способностей и обязанностей с добавлением ещё одного — послушания, или «приездки», о котором будет сказано ниже.

От собак, работающих в смычке или стае, требуются помимо всех индивидуальных качеств ещё свальчивость и ровность ног.

Свальчивостью называется свойство гончей, работающей в смычке или стае, заслышав гонный голос какой-либо собаки из состава стаи, мчаться туда, чтобы скорее принять участие в общей работе. При этом гончая должна подваливать молча, а доскакав до других собак и оказавшись на гонном следу, немедленно отдать голос и давать его так сильно, щедро и горячо, как она только может по своим голосовым данным. Очень плохо, если гончая, услышав гон собак своего смычка или стаи, бросается к нему с лаем, так как это сбивает с толку других собак стаи и вместо того, чтобы спешить к гону, они мчатся к такому пустобреху, создаётся путаница и правильный гон долго не может наладиться.

Свальчивость требуется также и на сколах. Как только кто-нибудь из смычка или стаи разобрался в хитростях зверя, вновь побудил его или просто выправил след и вновь погнал полным голосом, — все остальные собаки должны немедленно бросить свою работу по исправлению ошибки на гону или добиранию зверя и присоединиться к погнавшей гончей. Слишком самостоятельные собаки, которые больше всего надеются на себя и поэтому не спешат подваливать, — в стае нежелательны, а вовсе неподваливающие упрямцы, так называемые «отдиры» — недопустимы.

Встречаются, правда, очень редко гончие «молчуны», которые охотно подваливают, но гонят в стае или смычке молча, а работая в одиночку гонят с голосом. Таких собак, даже если они скоро подваливают и прочно держатся в составе работающей группы, нельзя считать с удовлетворительной свальчивостью.

На саратовских областных испытаниях гончих в 1950 г. работал такой смычок. Опытный, осенистый выжлец гнал толково и вязко, а молодая его напарница, мгновенно подвалив, всё время, почти час, работала с ним чуть не ухо в ухо, но молча. Судьи сняли собак с испытания, оставив их без расценки, как не проявивших удовлетворительной свальчивости. Владелец был удивлён и считал свой смычок обиженным, но судьи были, безусловно, правы.

Можно было бы, расценив этот смычок, поставить балл I за «верность отдачи голоса». Но это было бы неверно, так как смычка как такового не было.

Свальчивостью не считается подваливание гончих на всякий заслышанный чужой гон. Однако, если хозяин постоянно меняет компанию охотников, и гончая гоняет с разными собаками, то она будет законно подваливать на всякий гон. Так же любая гончая не удержится подвалить к чужим собакам, если заслышит их гон совсем вблизи. Гончие способны отлично разбирать голоса и должны спешить на гон лишь своих собак. Хорошая свальчивость может проявиться в тихую погоду или при слабом ветре. Сильный ветер, заглушающий голоса собак, очень мешает им, и если они гонят в такую погоду недружно, это не порочит их. Подобно этому и пересечённая местность с глубокими оврагами может мешать гончим быстро подваливать друг к другу, так как в таких условиях слышимость гона плохая.

Приведу эффектный пример свальчивости. В мае 1965 г. на Окуловских районных испытаниях (Новгородская область) для напуска гончих на «свежем» месте пришлось перейти разлившуюся небольшую речку. Люди, опираясь на длинные палки, с большим трудом и риском искупаться, перебрались на другой берег по двум скользким и зыбким жердям, поверх которых шла быстрая вода.

А как быть со смычком русских гончих Н.И. Шеренкова, которые были на очереди? Провести их сомкнутыми по лавинкам нечего было и думать. Пришлось искать иной выход: владелец гончих перейдёт по жердям и будет с того берега подзывать собак, а судьи разомкнут их и пустят поодиночке.

Рисунок 18. Задор и Зурна — смычок русских гончих Н.И. Шеренкова (г. Окуловка Новгородской области)

Опытный выжлец Задор, ступив на лавы, поскользнулся и предпочёл переплыть речку. На том берегу он не дался в руки хозяину, а, проскочив узкую пожню, скрылся в лесу,

Первоосеннице Зурне бурный поток показался страшным. Оскальзываясь и срываясь на каждом шагу, она добралась по жердям почти до середины речки, но тут жердина под ней перевернулась и Зурна бултыхнулась в воду с головой. Вынырнув, выжловка приплыла обратно.

Призывы владельца и уговоры судей не действовали. Даже когда все перебрались через речку и ушли в лес, Зурна продолжала бегать по берегу, жалобно скуля и взлаивая в отчаянии и страхе.

И вдруг Задор заголосил по выскочившему беляку и погнал его в глубь леса. Не прошло и 3 мин., как к голосу выжлеца присоединился пронзительный и музыкальный альт молодой выжловки. Все страхи её, всё отчаяние мгновенно исчезли, и осталось могучее стремление — подвалить!

Немудрено после этого, что смычок на испытаниях получил высокую оценку: собаки сработались отлично.

Ровностью ног называется одинаковая резвость гончих, работающих в группе. Только такая ровность ног, когда никто из стаи не вырывается далеко вперёд и не тянется за сотни метров позади, даёт дружный, кучный гон. При подборе стаи должны исключаться и слишком паратые, и слишком пешие собаки. Редко гончие в смычке или стае гонят, что называется «ухо в ухо», да это и не так уж необходимо; если стая растянется на 20-30 м, то это ещё не беда. Иное дело, когда одна из собак отстаёт на 100-200 м и более. Это иногда может влиять на ход зверя и даже сбивать его с намеченных лазов, а в особенно неблагоприятных случаях может повести к выработке «перечунов». Под этим термином понимаются гончие, которые, постоянно отставая и стремясь в то же время быть вместе со всеми, стараются, бросив след, срезать дугу, описываемую гоном, по какому-то поперечнику и привыкают, как говорят охотники «перечить».

«Перечуны» не только нарушают красоту гона, его дружность и пристальность, но и вредят успеху охоты. Они часто натыкаются на зверя, сделавшего крутой поворот с направления, по которому гонит стая, и, заголосив вдруг впереди её, приводят в замешательство и собак и охотников или, случайно напоровшись на другого «шумового» зверя, начинают гнать его, внося ещё больший разнобой в гоне.

От разницы в «ногах» гон теряет ещё и потому, что голоса некоторых собак «разноногой» стаи звучат не в полную силу. Гончие менее паратые, но не желающие отстать, во время гона скачут через силу, у них не хватает дыхания для полной отдачи голоса. Иногда менее резвые гончие в стае голосят с перерывами — передышками и обычно голос у таких гончих бывает слабее и менее фигурный, чем при гоньбе тех же собак в одиночку или в компании с такими же непаратыми.

Приездкой в прямом смысле слова называется работа охотника по обучению гончей; в переносном смысле этим словом обозначается и дисциплинированность гончей, как результат её обучения и дрессировки (собственно, приездки).

Приездка, послушание нужны гончей, как и всякой охотничьей собаке. Очень неправильно поступают те охотники, которые считают, что дрессировка нужна лишь гончим, работающим в стае

или хотя бы в смычке, а для одиночной собаки не обязательна.

Недисциплинированная, непослушная гончая доставляет хозяину много неудобств, которых можно избежать, уделив выработке послушания не так уж много труда и внимания.

Приездка сводится к следующему:

гончая должна спокойно идти на смычке и на сворке, куда бы её ни вели, полем, лесом или вообще любыми угодьями;

гончая должна быть послушна хозяину и приходить на его зов, когда не гонит или не добирает по жировому следу, знать запрет «нельзя» и беспрекословно подчиняться ему;

в понятие «приездка» входит также позывистость и назывистость. Позывистой считается гончая, быстро идущая на рог или на призывный крик владельца. Назывистой является гончая, со всех ног мчащаяся на наклик (условный крик) хозяина, «называющего» её на след перевиденного или вообще на след только что прошедшего зверя. Здесь гончая должна вести себя так, как будто она подваливает на гон;

от хорошо приезженной гончей требуется также спокойное отношение к скоту и домашней птице, так называемая «вежливость»;

большое значение имеет и отношение гончей к добытому зверю, будет ли он убит охотником или сгонян гончими. Ни в коем случае гончие не должны рвать зверя, особенно пожирать его (зайца). Немало охотников считают дикое отношение гончих к добыче признаком охотничьей страсти и чуть ли не достоинством, многие просто прощают гончим это. Такая излишняя азартность гончих совершенно не нужна и является лишь следствием распущенности, которой легко может и не быть, если гончих смолоду приучать к строгой и толковой дисциплине;

для стаи совершенно необходим навык идти («течь») за ногами ведущего (доезжачего) или его лошади как на смычках без всяких сворок, или поводков, так и совершенно без смычков. Это нужно потому, что большое число гончих вести на сворках одному-двум людям (доезжачему с выжлятником) просто невозможно.

Известно, что совершенство в жизни не встречается. Также нереальна и идеальная, наделённая всеми самыми высокими достоинствами, гончая.

Охотнику приходится прощать своей собаке многое. Можно мириться с некоторой медлительностью гончей в полазе, с надоедливым добором, с недостаточной добычливостью, с непаратым гоном, с нефигурным, но достаточно сильным голосом, с неотчётливой позывистостью, со слабым мастерством молодой гончей. Но есть ряд свойств, отсутствие или нехватка которых неприемлемы, так как эти качества создают основу для надёжной работы гончей.

Конечно, самым первым и, в данном смысле, самым важным из этих качеств является сильное и верное чутьё. Необходимость доносчивого, звучного голоса для гончей также очевидна, потому что на голосе основывается вообще вся охота с этой собакой.

Но вот что я считаю нужным особо отметить и подчеркнуть — это действительно большую, решающую ценность вязкости гончей, хотя находятся гончатники, недопонимающие всё значение данного качества.

Ведь, если у гончей есть подлинно хорошая вязкость, то это почти гарантирует и приобретение данной собакой первоклассного мастерства. Имея связь с охотничьей страстностью гончей, вязкость до некоторой степени способствует и развитию старательного полаза, что отражается и на улучшении добычливости.

Думаю, что совершенно необходим для гончей и крепкий инстинкт ориентировки. Если гончая не одарена способностью точно «чувствовать» направление и «знать» точку, где она находится, то и хорошая вязкость не поможет ей достичь отличного мастерства,

И хорошее чутьё, и вязкость, и крепкая ориентировка — все эти качества обычно являются наследственными для определённых линий и семей породы, которые следует внимательно подмечать и высоко ценить.

В последнее время гончатники стали уделять больше внимания приездке своих собак. Всё меньше становится гончих-дикарей. В качестве образца приездки можно указать на русскую пегую выжловку Волгу П.П. Лукьянова (Воронеж), одну из победительниц Калужских межобластных состязаний 1965 г., удачно выступавшую и на финальных состязаниях в том же году. Когда, закончив испытание Волги, судьи предложили владельцу взять собаку на сворку, П.П. Лукьянов отозвал свою выжловку прямо с гона приказом — «ко мне!». Волга тотчас же прекратила работу и спокойно подошла к охотнику.

СОДЕРЖАНИЕ И УХОД

Главнейшие условия сохранения здоровья и работоспособности собаки заключаются в чистоте помещения, хорошем корме, возможной свободе и частых проводках, т. е. в возможно большем движении. Самое лучшее, если гончие содержатся на свободе постоянно, но такие возможности в практике встречаются крайне редко. На свободе собака всегда чистая, мускулатура у неё никогда не слабеет, специальные проводки ей не требуются и она всегда готова к работе. При содержании взаперти и при недостатке регулярных частых и возможно длительных проводок у гончей ослабляются мускулы, становятся нежными подошвы лап и чрезмерно отрастают когти, иногда даже загибаясь в кольца. Такие залежавшиеся и ослабевшие собаки становятся годными для охоты лишь после серьёзной подготовки и тренировки, однако они никогда не будут работать так хорошо, как собаки, находящиеся в постоянно рабочем состоянии. Особенно плохо сказывается на работе чрезмерное отрастание когтей. Отросшие когти приходится отстригать, но они обычно после этого сильно утолщаются, мясистый стержень их удлиняется и они легко заламываются (до крови) во время работы собаки и делают гончую на долгое время негодной для охоты.

Во избежание всех этих осложнений гончим необходимы ежедневные проводки пешком, но лучше верхом, чтобы заставлять их двигаться на разных аллюрах, вплоть до быстрого галопа и даже карьера. Для гончей желательна ежедневная проводка не менее 5-6 км. Особенно нужны проводки гончим в возрасте старше двух лет, так как в этом возрасте собаки уже редко играют и, следовательно, остаются в закрытом помещении или в загоне совершенно без движения.

Когда собаки постоянно содержатся в сараях и загонах, необходимо следить за санитарным состоянием этих помещений и не реже одного раза в день производить уборку. Если собак часто выпускают на свободу, то нечистот в помещении почти никогда не будет, так как большинство собак избегает загрязнять своё жильё.

Рядовым охотникам-гончатникам не приходится ориентироваться на рационы кормления, рассчитанные, главным образом, на собак, содержащихся в государственных питомниках. Необходимо лишь указать, что кормить гончую следует не меньше двух раз в день (утром и вечером), причём в дни охоты утренняя дача должна быть не слишком большая, а вечерняя до отвала.

Лучшим кормом для гончей является сырое мясо. Необходимо только, чтобы оно было свежее. Если в корм идёт мясо павших животных, то нужно, чтобы оно было проверено врачом в отношении заразных болезней, глистов и ядов. Кроме мяса, или когда его вовсе нет, хорошим кормом служит овсянка (молотый овёс), а также хлеб и каша из любых круп. Овсянка запаривается кипятком, а из хлеба или каши с добавлением воды приготавливается нежидкая похлёбка. В такой корм прибавляется крошеное вареное мясо, молоко, простокваша и т. п.

Для одиночных гончих отдельных охотников кормом могут быть остатки со стола хозяина, лишь бы не слишком сдобренные острыми специями (перец, уксус) и не пересоленные. От острой пищи у собак часто случаются желудочные расстройства.

В таблице приводятся нормы кормления гончих, принятые в питомнике Московского общества охотников.

Продукты	**Дневная норма, г**		
	взрослым гончим		**1-4-месячным щенкам**
	в период охоты	в неохотничий сезон	
Мясо	600	400	200-250
Картофель	100	100	—
Капуста	150	150	—
Морковь	150	150	—
Крупа овсяная	500-700	500-600	—
Крупа манная	—	—	250-300
Рыбий жир	—	—	10-15
Молоко	—	—	500
Соль поваренная	10	10	10

Помещение для гончих может быть различным в зависимости от числа собак у данного владельца (отдельного охотника или коллектива) и возможностей для прогулок и проводок.

В питомниках и для более или менее значительных стай необходимы специальные псарни, состоящие из утеплённых деревянных или саманных сараев с нарами, на которые в холодное время года кладётся солома, и выгулов — вольер, обнесённых проволочной сеткой или жердевым забором.

Сараи строятся с таким расчётом, чтобы на каждую собаку приходилось около 1 м^2 площади пола. В таких сараях под потолком должны быть застеклённые небольшие окна. Вход двойной: для собак лаз высотой около 0,75 м и плотная дверь в рост человека, производящего уборку помещения. Вольеры для выгула собак строятся так, чтобы гончие не могли подкопаться под ограду. Для этого, если ограда сделана из проволочной сетки, нижний край её можно опустить в землю на 60-70 см. Жерди, если ограда построена из них, забивают в грунт на эту же глубину. Хорошо также с внутренней стороны ограды вдоль неё проложить несколько рядов жердей или доски, пришив их к земле крепкими колышками.

Ограда должна быть не ниже 2 м и поставить её надо с небольшим наклоном внутрь, чтобы гончие не могли перескочить или перелезть через неё.

ВЕДЕНИЕ ПОРОДЫ

В охотничьем собаководстве имеются специфические и очень существенные особенности, зависящие в основном от того, что большая часть охотничьих собак единично или мелкими группами находится преимущественно у частных владельцев.

Такая распыленность затрудняет выполнение племенной работы по строгому плану. Однако в охотничьем собаководстве есть и большие плюсы.

Немалое преимущество состоит в том, что подбору пар и вязкам охотничьих собак не мешает территориальная разобщённость производителей; обычно не являются помехой здесь и соображения владельцев. Поэтому в больших породах, например гончих, число возможных племенных комбинаций очень велико. Но большие возможности выбора и его свобода могут нанести породе немалый ущерб. Ведь владелец породной собаки «сам себе голова», что его личный вкус (хотя бы и неверный) подскажет — то и будет. И нередко вяжет такой хозяин свою выжловку с приглянувшимся ему (или кем-то расхваленным) выжлецом, закрыв глаза на пороки последнего (иногда даже повторяющие недостатки производительницы). А потом удивляется, почему потомство вышло неудачное.

Особенно плохо, если владелец эффектного внешне, но негодного в работе выжлеца сумеет благодаря личной настойчивости добиться вязок своего красавца со многими выжловками и ввести его в породу. Долго потом многие охотники, к кому попадёт потомство «знаменитости», будут биться безуспешно, стараясь привить своим воспитанникам хоть мало-мальски сносную вязкость.

Наши гончие породы богаты классным поголовьем, поэтому нет необходимости допускать в производители нерабочих собак. Планы вязок должны составляться по поручению охотничьих организаций коллективно людьми искренне заинтересованными в совершенствовании породы, знающими и способными творчески подойти к сложному и тонкому племенному делу.

Выставки, испытания, ведение родословных книг, бонитировка дают основания для отбора лучших собак в группу производителей.

Из отобранных по соответствующим показателям делается подбор пар, т. е. подбираются конкретные производители для спаривания. Известную помощь оказывают оценки собак на выставках и испытаниях, но особенно много может дать анализ происхождения собак, их родословных.

Любые оценки и другие формальные данные не должны рассматриваться, как абсолютные указатели. Если выжлец вошёл по бонитировке в класс элита, то он ещё не обязательно хорош в пару к любой выжловке. И это ещё не всё: при существующих правилах бонитировки в высшие классы могут пройти собаки недостойные.

В качестве примера можно привести русского пегого выжлеца Скрипача Букатевича (Хмельницкая область, УССР).

На Всероссийской выставке 1960 г. в Москве Скрипач, заняв на экстерьерном ринге последнее место в группе с оценкой «очень хорошо», по сумме баллов попал в класс элита. На той же выставке владелец поспешил продать своего выжлеца (в Ленинград).

В 1961 г. на Ленинградской выставке Скрипач, получив опять последнее «очень хорошо», стал

даже чемпионом. И тут же его новый владелец Прохоров стал искать покупателя. Вскоре он продал выжлеца в Башкирию Б.М. Ключко (г. Салават).

Таким образом, вместо того, чтобы дорожить чемпионом и стараться удержать его во что бы то ни стало, два охотника торопились сбыть его с рук. После этого вряд ли можно сомневаться, что хотя баллы и делают Скрипача чемпионом, но в сущности он вовсе не так уж хорош. Подтверждают это и отзывы третьего владельца (из Башкирии).

Рассмотрим вкратце бонитировку или комплексную оценку гончих на выставках.

Цель бонитировки — возможно полная и разносторонняя характеристика собаки и определение на этой основе её племенного значения. Здесь учитываются четыре показателя: экстерьер, работа, происхождение (родословная) и оценка производительских качеств, судя по лучшим детям собаки.

По каждому показателю ставятся баллы в зависимости от оценки на выводках и испытаниях, полноты родословной и от достоинств потомков. Сумма всех баллов (при соблюдении условий, оговорённых в специальной таблице) определяет племенной класс, к которому должна быть отнесена данная собака.

За экстерьер ставятся баллы: при оценке «отлично» — 30, «очень хорошо» — 25, «хорошо» — 20 и удовлетворительно» — 15.

Рабочие качества оцениваются такими баллами: за диплом I степени — 40, II — 35, и III — 30. Повторные дипломы дают надбавку соответственно 10, 8 и 5 баллов (учитываются в каждом случае только два высших диплома). Баллы за дипломы, полученные гончими в смычке или паре, ставятся в половинном размере. Стайные дипломы при бонитировке каждой отдельной собаки в зачёт не идут.

Баллы за происхождение ставятся в зависимости от числа достоверных предков и от наличия у отца и матери данной собаки оценок за экстерьер и работу (не ниже «хорошо» и диплома III степени). Полный балл за происхождение 20.

Балл за потомство определяется в зависимости от числа классных (т. е. оцененных на выставках и испытаниях) детей и от оценки их экстерьера и работы.

Для класса элита и последующих I, II и III классов требуется такое минимальное число баллов:

Класс	**Элита**	**I**	**II**	**III**
Общий балл	87	71	52	30
Балл за экстерьер	25	20	20	15
Балл за рабочие качества	40	35	20	15
Балл за происхождение	18	16	12	0
Балл за потомков	4	Классных детей не требуется		

При отборе производителей в первую очередь рекомендуются собаки класса элита, во вторую — I класса, затем II класса. Собаки III класса обычно не входят в рекомендуемый список.

Идея комплексной оценки несомненно правильна, однако необходимо помнить, что не каждый превосходный сам по себе выжлец или выжловка дадут потомство не хуже себя, а наоборот, многие из выдающихся экземпляров на деле окажутся годными для воспроизводства только в некоторых удачно найденных комбинациях (парах), а повязанные с хорошими, но почему-то не подходящими для них партнёрами внесут в породу ухудшение. Иными словами, данный производитель может не обладать устойчивой наследственностью и это, конечно, снижает его ценность в племенном деле.

Не следует также забывать, что в бонитировке наиболее слабым местом является оценка собаки по потомству, т. е. в сущности оценка самого главного для производителя — его племенных качеств. Ведь достаточно собаке иметь только двух классных детей, чтобы получить право войти в класс элита.

Разве же это серьёзная характеристика производителя? Разве самый рядовой выжлец, став за пять-шесть лет отцом сотни детей, не даст в их числе каких-то двух собак с оценкой экстерьера «хорошо» и дипломами III степени? Является ли племенной заслугой, что лишь 2% его потомства в первом поколении окажутся, так сказать, недурными собаками?

А для зачисления собаки в прочие классы совершенно не требуется классных потомков.

Таким образом, самое основное для производителя — оценка его по потомству — при действующей системе бонитировки недостаточна.

Наше снисходительное отношение к такому крупному недостатку метода объясняется тем, что владельцу выжлеца или выжловки трудно бывает добыть сведения об успехах на выставках и испытаниях ушедших от него щенков. В связи с её неполноценностью комплексную оценку следует рассматривать лишь как придержку, обычно очень полезную, но не всегда обязательную.

Необходима дальнейшая работа по усовершенствованию метода этой оценки, чтобы она стала решающей в собаководстве.

Несмотря на недостатки, существующая бонитировка является подспорьем в племенной работе и, если принадлежность к высокому классу пока не гарантирует действительно высоких производительских качеств, то собаки, не попавшие в тот или иной класс, справедливо не включаются в список производителей (это, разумеется, не относится к гончим тех мест, где нет выставок и испытаний).

Особенно строгим должен быть отбор выжлецов-производителей. Допустимы помёты от неклассной выжловки (так как пустовки не раз могли сорвать испытания), но отобранный выжлец обязательно должен быть серьёзно проверен на работе и обязательно обладать породным экстерьером и хорошей родословной. Исключения должны быть веско обоснованы.

Что же следует считать хорошей родословной? Она должна быть полной — в ней не должно быть неизвестных предков хотя бы в тех четырёх поколениях, которые вписываются в современный бланк. Но голое перечисление предков, иногда никому неведомых, даёт немного. Хорошей родословной будет та, в которой много широко известных предков, прославившихся прежде всего отличной работой, а также породностью, типичностью и имевших черты, особенно нужные породе (например, выдающиеся голоса, мощный костяк и т. п.).

Отбирая производителей, а затем подбирая пары с их участием, нужно тщательно и возможно глубже анализировать происхождение собаки, желательно даже за пределами бланка, так как некоторые особенности экстерьера и характера способны передаваться через семь-десять поколений (таков, например «сорочий» глаз арлекина).

Как бы хорош ни был какой-нибудь чемпион, при составлении плана вязок нельзя забывать о необходимости иметь в породе побольше ведущих линий и поэтому не назначать в пары к прославленному выжлецу много выжловок. Не следует вообще замыкаться в племенной работе с головкой породы. Наоборот, совершенствование породы состоит прежде всего в том, чтобы поднимать её общий уровень, чтобы путём продуманного подбора получать от средних производительниц всё лучшее и лучшее потомство. Важно проверять возможно широкий круг производителей, так как случается, что сам по себе невыдающийся выжлец даёт потомство в своих предков, отличных по экстерьеру и работе.

Примером удачного использования непервосортного, казалось бы, производителя может служить происхождение моего Кларнета ВРКОС 2/г, создавшего в питомнике МГС «Динамо» отличную экстерьерную и рабочую линию. Кларнет был сыном моей Свирели (7841), выставочной и полевой победительницы, и Хохота К.Г. Рубцова. Хохот на выставках имел лишь бронзовые медали (самая низкая тогда оценка) и не имел ни одного полевого диплома, но я повязал с ним Свирель, учитывая его первоклассных предков и то, что недостатки экстерьера Хохота были следствием чумы.

Ни один из детей пары Хохот — Свирель на выставках не шёл ниже большой серебряной медали и все оказались хорошими работниками.

При подборе пар никогда не следует вязать собак с одинаковыми пороками или с различными пороками, относящимися к одной части тела или особенностям работы.

Например, если у выжлеца задние ноги с коровиной, а у выжловки, наоборот, косолапость (т. е. скакательные суставы вывернуты наружу и пальцы задних ног направлены внутрь), то будет большой ошибкой считать, что коровина плюс косолапость дадут правильный постав зада у потомства. «Перекрыть» и исправить порок в сложении одного из производителей может только совершенно правильное сложение данной части тела у другого (в приведённом примере — задних ног).

Если один из пары слабоголос (даёт голос излишне, где и не надо), а другой, напротив, редкоскал (не додаёт голоса), не стоит думать, что два противоположных недостатка в потомстве этой пары исключат друг друга. Подобного не случится, вернее всего часть помёта будет слабоголоса (скажем, в отца), а вторая — редкоскала (в мать). Для исправления недостатка, имеющегося в отдаче голоса у одного из производителей, необходимо, чтобы другой был в этом отношении беспорочным.

Цель подбора пар заключается в получении потомства, которое сочетало бы в себе ценные признаки родителей и превосходило бы их по качеству.

Наши породы гончих окончательно сформировались и не нуждаются в прилитии к ним крови каких-либо других пород; в частности, совершенно не нужно и безусловно вредно использование производителей фоксгаундов в породе русских пегих гончих. Это может лишь нарушить установившийся тип породы и снизить её рабочие качества (так как любая привезённая из Англии гончая не сможет хорошо работать в наших условиях).

Обычно теперь нет нужды и в закреплении типа родственными вязками, которые могут быть очень полезными при работе над созданием породы, при выработке её типа.

Всё же нужно сказать несколько слов о родственном разведении, ибо в отдельных местах, где собак данной породы пока ещё мало, может возникнуть нужда в родственных вязках.

Родственное разведение (инбридинг) называют *тесным*, когда спаривают наиболее близких родственников (например, отца с дочерью, мать с сыном, брата с сестрой). Степень родственного разведения в этом случае обозначается цифрами: I-II, II-I, II-II, I-III, III-I (цифры указывают, в каких коленах родословной стоят одни и те же клички).

Примером такого тесного инбридинга может служить происхождение известной русской пегой выжловки чемпиона Фишки II Е.К. Чекулаева, мать которой Фишка I Прусакова была и матерью её отца Жетона Прусакова. Этот случай соответствует обозначению II-I. Это означает, что одна и та же Фишка I по отцу стоит в родословной Фишки II во втором поколении, а по матери в первом (т. е. является матерью).

Тесное разведение применяют в исключительных случаях и при условии, что оно больше не повторится, так как такое спаривание, называемое также кровосмешением, при неоднократном повторении ведёт к полному вырождению вплоть до появления щенков без глаз, трёхногих или с ещё какими-нибудь резкими уродствами.

Другой вид родственного разведения — *близкое* — при умеренном пользовании им практически не снижает жизнеспособность потомства и может принести пользу закреплением и усилением ценных особенностей выдающихся предков. Примерами близкого разведения могут служить спаривания двоюродных братьев и сестёр, дядей и тёток с племянниками и племянницами. Эту степень родственного разведения обозначают формулами: III-III, II-III, III-II, I-IV, IV-I. Так, если выжловку повязать с её прадедом — это будет одним из случаев близкого инбридинга.

Умеренным родственным разведением называют спаривание животных, находящихся в ещё более отдалённом родстве: I-V, V-I, III-IV, V-II, I-VI и т. п.

Отдалённое родственное разведение — это спаривание животных в такой степени родства, как III-V, II-VI, I-VII. Этот инбридинг уже не отражается в обычном бланке четырёхколенной родословной и практически никакого значения для потомства не имеет.

В современном животноводстве высшей формой чистого (однопородного) разведения считается разведение по линиям, основанное на планомерном и систематическом использовании выдающихся производителей и на превращении их ценных индивидуальных качеств в групповые.

Линией называют группу собак, сходных между собой по экстерьеру и пользовательным качествам и происходящих от одного родоначальника. Обычно линии тесно переплетаются между собой, поглощаются друг другом, иногда сливаясь, образуют новую линию, дробятся на отдельные ветви и семейства.

Линии всегда являются лучшей, прогрессивной частью породы и обычно целесообразна ориентировка на них.

Следует различать линии кровные и заводские. Первые включают всех собак, происходящих от родоначальника, и могут насчитывать множество экземпляров, зачастую не сохраняющих желательного сходства с родоначальником под влиянием различного сочетания задатков ведущего родоначальника с материнскими, под воздействием различных условий выращивания и содержания.

Из кровных линий выделяют так называемые заводские линии, имеющие ограниченный состав и включающие только тех собак, которые обладают специфическими ценными особенностями линии её родоначальника, чаше всего кобеля.

Лучшие суки могут образовать так называемые семейства — высококачественные группы потомков, сходных с матерью.

Работа с линией начинается с выбора родоначальника и изучения его индивидуальности, ценных свойств. Лучшими и годными считаются кобели, способные давать хорошее потомство «в себя» от сук разного типа.

Разведение по линиям не следует рассматривать только как закрепление достижений и копирование родоначальника. Линию нужно совершенствовать и вести так, чтобы, сохраняя основные черты, она улучшалась с каждым поколением и по возможности приобретала новые положительные качества от производительниц, участвующих в её продлении.

Для закрепления линий прибегают иногда к близкому и даже тесному родственному разведению, но с условием, что в дальнейшем это не повторится.

Для успешного ведения линии к её родоначальнику и его продолжателям кобелям должна быть подобрана такая группа сук, которая помогала бы сохранять всё ценное, что есть в линии и вносила хорошие дополнительные черты. Правильно созданная и продуманно ведущаяся линия может служить как бы рассадником и хранилищем лучших свойств породы.

В животноводстве известны случаи, когда линия сохраняет свой облик и свои свойства в течение десятков лет, но это не характерно для охотничьего собаководства. Владелец выжлеца — родоначальника линии часто не имеет возможности подбирать для него достаточно подходящих выжловок, не может распоряжаться нужным для длительного ведения линии поголовьем. В разведении гончих обычны случаи слияния двух ещё совсем молодых линий (слияния называются «кроссами»).

По вопросу о возрасте, с которого гончие могут поступать в производители, как прежде, так и теперь существуют различные мнения. В дореволюционное время псовые охотники считали, что гончего выжлеца следует повязать, как только ему исполнится год, молодому выжлецу это, якобы, необходимо для физического развития, чтобы он «заматерел».

Теперь выжлецов рекомендуется вязать не моложе двух лет. Есть мнение, что выжлец годен в производители в возрасте 1 год 8 месяцев.

Мне пришлось однажды взять помёт от годовалого выжлеца и щенки выросли очень сильными и здоровыми.

Выжловки обычно пустуют два раза в году (через шесть месяцев); первая пустовка наступает чаще всего в десятимесячном возрасте. Вязать выжловку обычно рекомендуется в возрасте около двух лет.

Своих выжловок в первый раз я вязал обычно по второй пустовке, т. е., когда им исполнялось уже полтора года или немного меньше. Ко второй пустовке выжловка уже вполне развита. Первую же пустовку обязательно надо пропустить и выжловку отдержать, так как она ещё недоразвита.

Пустовка продолжается, как правило, 20-25 дней, но отмечены случаи, когда пустовка сокращалась до 18 дней.

Сигналом о приближении пустовки обычно служит то, что выжловка на прогулках очень часто мочится. Первые признаки начинающейся пустовки: общее возбуждение выжловки, набухание наружных половых органов и появление (вначале очень скудных) кровянистых выделений.

В первые семь-девять дней пустовки сука не подпускает к себе кобеля; второй период пустовки — с девятого по тринадцатый день — характеризуется готовностью суки к вязке, уменьшением и посветлением выделений.

Наиболее подходящими для вязки считаются одиннадцатый — тринадцатый день от начала пустовки (выделения ещё продолжаются).

Если есть опасения, что начало пустовки точно не подмечено, готовность выжловки к вязке проверяют, подводя к ней кобеля и наблюдая, как она реагирует на его заигрывания и попытки повязаться. Впрочем, этот способ не всегда надёжен, так как некоторые суки, даже в полной «охоте», не даются кобелям, грызут их, и, случается, бывают, особенно агрессивны именно к тому кобелю, который назначен для вязки.

Помимо возраста выжловки, срок первого её спаривания иногда приходится ставить в зависимость от времени года: лучше повязать выжловку к весне, пусть даже ей не хватает какого-то месяца до полутора лет, чем отложить это до осени и растить щенков поздней осенью и зимой.

Если спариваемые собаки живут в разных местах (например, на разных улицах города), то следует приводить выжловку к выжлецу, а не наоборот, чтобы он не стремился потом убежать к выжловке.

Вязать собак лучше всего утром натощак, во всяком случае не раньше, чем через 3-4 ч после кормления. Место для вязки должно быть уединённым, тихим, чтобы туда не могли попасть посторонние люди или собаки. Знакомить собак друг с другом нужно, держа их на поводках. Лучше не торопиться и дать собакам обнюхаться, ознакомиться. В случаях первоначального злобного отношения выжловки к выжлецу иногда очень полезна совместная прогулка (обе собаки на поводках).

Если агрессивное настроение выжловки не проходит, то как крайнюю меру можно применить намордник и, крепко держа выжловку за него и за ошейник, не допускать её бросаться на выжлеца. Бывают суки, которые, даже в самом разгаре пустовки, не грызут кобеля, но и ни за что не даются ему, увертываясь, садясь или даже ложась на спину. Таких приходится поддерживать в стоячем положении, стараясь вместе с тем не мешать выжлецу.

Обычно, если сука готова к вязке, а кобель в расцвете сил и в нормальном (рабочем) теле (не худ и не зажирел), то всё обходится просто и быстро.

Но иногда возникают те или иные осложнения, и приходится по возможности быстро находить выход из положения. Был, например, такой случай. К моему не слишком рослому выжлецу привели исключительно крупную выжловку; при всей энергии выжлеца разница в росте никак не давала собакам повязаться. Убедившись в том, что никакие подставки выжлецу не помогают, я, пользуясь его смелостью и полной доверчивостью ко мне, взял Гобоя за задние ноги (точнее, за плюсны) и несколько приподнял в момент его попытки. Вязка состоялась немедленно.

Если по неумелости выжлеца или из-за капризного поведения выжловки получится несколько неудачных садок, следует сделать перерыв для отдыха собак, особенно для выжлеца. В конце передышки полезно поводить собак вместе. Бывает, что после такого перерыва капризная выжловка изменяет поведение и вязка происходит легко.

Вязка, как известно, сопровождается так называемым «склещиванием», которое возникает в результате притока крови и набухания половых органов. Повязавшись, собаки стоят от 10-15 мин до 1 ч и даже больше. Всё это время нужно держать их коротко на сворках и не давать тянуться, рваться друг от друга. Как только после склещивания выжлец станет передними ногами на землю, нужно помочь ему перекинуть заднюю ногу через суку, чтобы ему было удобнее стоять. После вязки следует выгулять собак отдельно каждую, напоить и подмыть. Кормить собак после вязки следует не раньше, чем через 2-3 ч. Через сутки вязку обычно повторяют; иногда это даёт увеличение числа щенков.

Важную роль в вязке играет «тело», в котором находятся собаки. Если собаки очень худые, истощённые, вязка практически не получится, но столь же нехорошо, если они чрезмерно раскормлены.

Мне памятен случай, когда к моему выжлецу привели раскормленную выжловку. Было ясно, что вязка останется безрезультатной, но по настоянию владельца выжловки собаки были дважды повязаны. Недели через три владелец обратился ко мне с просьбой о новой вязке, так как течка у суки продолжалась и «охота» не пропадала. Выжлец был не старый, других вязок ему в этот год не предстояло, и я уступил просьбам моего знакомого, но и после новой вязки выжловка не успокоилась. Пустовка её в этот раз продолжалась около двух месяцев. Щенков, конечно, не получилось. Однако, оговорюсь: в нормальных случаях продолжение небольших выделений у выжловки в первые дни после вязки служит хорошим признаком.

Щенность у сук в среднем продолжается 62-63 дня, но часто бывают отклонения в ту или иную сторону на два-три и даже пять дней. Так, уже не раз упомянутая в этой книге Свирель, каждый раз перенашивала на пять дней и щенилась обязательно на 68 день.

Первым признаком щенности часто служит то, что выжловка начинает осторожничать (избегает резких движений и т. п.).

В первой половине беременности внешних изменений обычно у выжловки не бывает. С пятой недели начинается заметное увеличение живота (если щенков будет не слишком мало). Примерно за три недели до щенения появляются выделения из половых органов. В последние неделю-полторы можно наблюдать у лежащей на боку выжловки движения щенков под покровом брюшины.

При приближении родов выжловка начинает готовить гнездо: роет землю, уходит в тёмные углы и т. п. Обычно за три дня до щенения (а бывает и раньше) в набухших молочных железах (по-охотничьи «грядках») появляется молоко, и у суки несколько понижается температура тела. Многие выжловки в последний день перед родами отказываются от пищи.

Приближение родов сопровождается сильной, перемежающейся дрожью, переходящей в потуги (родовые схватки).

У собак нередки случаи ложной щенности, когда оплодотворённые эмбрионы (зародыши) рассасываются на ранней стадии развития. Ложная щенность сопровождается многими признаками настоящей щенности, вплоть до небольшого увеличения живота, появления молока и приготовления

выжловкой гнезда. Ложная щенность бывает иногда и в тех случаях, когда выжловка отдерживалась и вязки не было.

Содержание щенной выжловки в первый месяц её беременности не отличается от обычного. Собака может работать на охоте, конечно, без переутомления и без каких-либо резких эксцессов, как борьба со зверем (что может случиться, например, при охоте на рысь).

Во второй половине щенного периода охота для суки должна быть исключена и усилена забота об её покое.

Корм щенной суки должен быть безусловно доброкачественным, усиленное и полноценное питание особенно большое значение имеет во второй половине беременности. В рацион нужно включать несолёное сырое мясо, молоко, витамины в виде свежих овощей или готовых витаминных препаратов.

Выжловку во всё время щенности нужно водить на прогулки. Резкие движения вредны, но моцион необходим.

Перед щенением следует очистить суку от паразитов внутренних (глистов) и наружных (блох и вшей). Всё это необходимо делать ещё до вязки или в первую-вторую неделю после вязки и, конечно, в строгом соответствии с указаниями ветеринарного врача.

Роды у гончих собак обычно проходят благополучно без вмешательства человека, но оставлять выжловку в это время без присмотра не следует, так как возможны осложнения.

Нормально роды начинаются с отказа от пищи, беспокойства, иногда даже стонов и обязательно дрожи. Причиной этого являются слабые схватки, которые становятся всё сильнее. Выжловка должна рожать, лёжа на боку. При появлении щенка она приподнимается, дотягивается до щенка мордой, перегрызает пуповину, снимает и съедает околоплодную оболочку («сорочку») и, облизав щенка, подкатывает его к соскам.

Но случается, что неопытная выжловка щенится сидя и, изгоняя из себя щенков сильными потугами, как бы вжимает их в пол. Правда, изгибаясь, чтобы перегрызть пуповину, она оставляет небольшое пространство для выхода щенка, но всё же за такими выжловками следует внимательно следить, чтобы вовремя выручить щенка или постараться правильно уложить мать.

Щенки появляются на свет через разные промежутки времени — от 15 мин до 2 ч и даже более. Обычен более долгий перерыв в середине щенения. Общая продолжительность родов иногда доходит до суток и даже дольше. При слишком затянувшихся родах следует обратиться за помощью к ветеринарному врачу.

В помёте бывает от одного до двадцати щенков. Самый многочисленный помёт, который пришлось мне видеть, состоял из пятнадцати щенков, причём выжловка, оставленная без надзора во время родов, придавила пятерых.

Когда становится очевидным, что щенков будет много, рекомендуется часть их отбирать у матери во время родов и держать отдельно. Под матерью всё время следует держать двух-трёх, чтобы она не волновалась об исчезнувшем потомстве, и этих «дежурных» щенят время от времени менять, чтобы все могли поочерёдно кормиться. Когда роды закончатся, всех щенков надо подложить к матери.

В первое время за щенками необходимо наблюдение. Бывает, что щенок, пока мать освобождает его от пуповины и оболочки, уже успевает присосаться к материнскому соску; другие начинают сосать, когда обсохнут; наконец, попадаются и такие, что никак не берут соска; им приходится на первых порах разжимать рот и вкладывать в него сосок. Со временем и такой щенок ни в чём не уступит своим братьям и сестрам, но первые дни нужно за ним зорко следить, чтобы он не погиб с голода. Даже и за теми щенками, которые сосут хорошо, нужно присматривать, так как самые крупные и сильные могут отталкивать тех, что слабее, и они будут недоедать и ещё более слабеть.

Оставляя под выжловкой всех десятерых родившихся щенков, я подкармливал их из рожка подогретым кипячёным коровьим молоком уже с пятого дня их жизни, и все десять к месячному возрасту бывали крупными, сильными и хорошо упитанными. Правда, такое выкармливание сопряжено с хлопотами и тратой времени и, если хозяин выжловки очень занят основной работой, лучше многочисленный помёт сократить до шести-семи щенков.

Не всегда щенение проходит спокойно и благополучно. Нередки случаи, когда отдельные щенки родятся мёртвыми, хотя и нормально развитыми. Происходит это в результате неправильного положения щенка в момент продвижения его через влагалище; так, если голова его прижата в это время к груди, он

легко может задохнуться. Случается, что родящая выжловка съедает такого щенка вместе с последом и оболочками других. Может она при этом съесть и живого щенка, если, выйдя вслед за мёртвым, он в первые минуты недостаточно активен. Наконец, как крайность, выжловка съедает всех щенков, хотя все они живы и жизнеспособны. Так могут поступать слишком злобные суки или слишком нервные и щенящиеся при этом в недостаточно уединённом месте или если их уединение нарушают посторонние люди или собаки.

Наконец, во время родов возможны несчастные случайности. Бывает, что первый щенок почему-либо застрял на своём пути: например, пошёл задом и подогнувшаяся задняя ножка затормозила движение. В этом случае можно помочь суке, осторожно вытащив щенка пальцами, предварительно чисто вымыв руки. Если же быстро не помочь выжловке, то положение может сильно осложниться и привести к тяжёлым последствиям.

В моей практике был такой случай. Я смог оказать помощь собаке после того, как щенок, немного выйдя задними ножками, оставался в проходе несколько часов и это вызвало значительный отёк влагалища. Вытащить щенка (конечно, уже неживого) было трудно, но главное, отёк продолжал увеличиваться и каждого последующего щенка приходилось вытаскивать всё труднее. К приезду врача очередной щенок застрял у входа в сильно опухшее влагалище. Одного-двух щенков врачу удалось извлечь при помощи специальных щипцов, в дальнейшем же можно было лишь вырывать щенков частями и, наконец, щипцы уже не помогали. Спасти выжловку и последнего живого щенка удалось лишь, произведя «кесарево сечение». После благополучно завершившейся операции, выжловка немедленно стала кормить уцелевшего щенка и нормально выкормила его.

Всех возможных бед и неудач не перечислить, но ещё об одном случае следует рассказать.

Щенность шла нормально, и незначительно увеличенный живот выжловки свидетельствовал о малом числе щенков. Действительно, родилось их только два, да к тому же первый оказался мёртвым. Единственный живой, нормально сформировавшийся щенок, прожив несколько часов, был задушен матерью.

Почему? Мне представляется дело так: в период щенности у будущей матери развился сильный аппетит, кормили её вволю, она зажирела и к моменту щенения у неё было очень много молока. Возможно, два щенка и предотвратили бы осложнения в молочных железах, но один не смог справиться, да на беду он оказался из тех, какие принимаются сосать не сразу, а спустя час—другой. Чрезмерный прилив молока вызвал загрубение молочных желез; набухшие и затвердевшие, они стали слишком болезненными и, когда щенок лез сосать мать, он причинял ей боль. Вначале она его отталкивала, из-за этого щенок всё меньше и меньше отсасывал молоко. Прикосновение к «грядкам» причиняло матери всё большую боль и, наконец, она хватила его зубами, а новорожденному щенку много ли надо? Нужно было отдаивать молоко руками, но этого не делали.

О КЛИЧКАХ

Традиция называть гончих применительно к их качествам, их работе или давать клички, в какой-то мере отражающие их голосовые данные или манеру гона, — достойна внимания. Очень неприятно, когда наших гончих, по-настоящему отечественных собак, в погоне за иностранщиной, называют Джеками, Дианами, Альмами и т. п. Такие клички режут ухо. С другой стороны не нужно слепо пользоваться и теми кличками, которые дошли к нам из старины, среди них попадаются незвучные и попросту безобразные, как например: Пугало, Хайло, Холуй, Страшило, Брыкало, Хрюкало, Храпунья и т. п. Однако среди издавна принятых кличек гораздо больше красивых и удобных: Гобой, Баян, Рыдай, Плакун, Втора, Заварка, Лютня, Соловка и многие другие.

Конечно, могут быть очень удачными и совершенно новые клички, лишь бы они были звучные, красивые и удобопроизносимые.

ВЫРАЩИВАНИЕ ЩЕНКОВ

Щенки родятся очень беспомощными, слепыми и глухими. Глаза и ушные щели прорезаются у них на десятый, двенадцатый день. Первое время они не могут самостоятельно испражняться и мать помогает им, усиленно массируя языком их животы. Появляющийся кал и мочу, она слизывает,

Рисунок 19. Трёхмесячные русские гончие щенки

поддерживая таким образом в гнезде полную чистоту. В первые дни щенки едва ползают, но, когда они несколько окрепнут, цель их первых путешествий из гнезда — отправление естественных нужд по возможности в стороне. Так природа заботится о хорошем санитарном состоянии первого жилья существ, появившихся на свет. Мать зорко следит за щенками и немедленно после отправления ими этих потребностей языком убирает всё и тем самым поддерживает чистоту не только в самом гнезде, но и в ближайших его, так сказать «окрестностях» (ограниченных какими-нибудь одним-двумя метрами).

Родятся гончие щенки не в том окрасе, какой у них будет во взрослом состоянии. Так, щенки русской породы родятся в больших чепраках, вернее, почти все чёрные, лишь с рыжими лапами, очками около глаз и подпалинами на морде и под животом. Иными словами, первоначальный их окрас сходен с окрасом, свойственным гончим польской породы.

Позже происходит смена шерсти и то, что называется у охотников «подцветанием»; первоначально чёрный с небольшими подпалинами щенок может стать чисто багряным.

Точно так же русские пегие щенки родятся чёрно-пегими и черноголовыми почти без рыжих отметин, но со временем подпалины — румяна становятся всё больше, голова взрослеющей собаки делается чисто рыжей и весь щенок из серовато-чёрно-пегого может стать багряно-пегим.

На третьей неделе жизни у щенков полностью открываются глаза и уши, они становятся всё активнее, ползанье превращается в нетвёрдое хождение и между щенками начинаются первые игры. Очень важно, чтобы уже в это время у них была хотя бы небольшая площадка для возни и борьбы. В это же время примерно, около трёхнедельного возраста, обычно начинается подкормка щенков.

К месячному возрасту у щенка прорезаются молочные зубы — вначале клыки, затем резцы. Молочные зубы сменяются постоянными в возрасте от двух до шести месяцев.

В течение молочного периода (примерно до двух месяцев) щенок покрыт густой, мягкой, пуховой шерстью, затем начинает пробиваться остевой волос (первоначально на спине и на боках) и щенок приобретает своей окончательный окрас.

Уже к месячному возрасту можно подметить у щенков черты характера будущей собаки: у одних заметна трусость, другие, наоборот, показывают себя особенно драчливыми и даже злобными, третьи отличаются уравновешенностью или даже флегматичностью. Наблюдательный собаковод почти безошибочно может определить у месячных щенков все эти особенности складывающихся нравов. И даже больше: опытный гончатник, ведущий в течение многих лет одну и ту же линию или семью породы, обладающий наблюдательностью и «пониманием» породы, вряд ли ошибётся в определении будущих экстерьерных качеств щенков и в выборе лучшего щенка.

Так называемый предполовой период (от двух до шести месяцев), когда происходит смена молочных зубов на постоянные и на всём теле появляется настоящий остевой волос, является очень ответственным для воспитателя, так как в это время происходит самый бурный рост и интенсивное физическое развитие. В это время щенкам наряду с полноценным питанием необходимо как можно больше движений на свежем воздухе, на солнечном свету. Содержание в сарае при недостаточных прогулках может стать губительным и если не вызовет заболевания рахитом, то не даст и нормально

вырасти, превратит собаку в слабое беднокостное существо с прямыми, распущенными, слабыми пальцами и даже отрицательно повлияет на характер, сделав его робким, вялым.

Не менее важен и следующий период развития — период полового созревания (от шести до двенадцати месяцев). В это время происходят особенно сложные физиологические изменения, и если рост менее интенсивен, то процессы развития наиболее сильны.

Щенок становится собакой. У растущих выжловок первая пустовка может наступить уже в семь-восемь месяцев (чаще в десять), что требует, конечно, особой бдительности. Молодые выжлецы в половом отношении развиваются несколько позже, но уже в десятимесячном возрасте, если пользуются излишней свободой, могут повязаться с какой-нибудь дворовой сукой.

Годовалая гончая достигает своего полного роста, но физическое (развитие её ещё далеко не закончено: кости расширяются и крепнут, грудная клетка должна ещё значительно увеличиться в объёме; мускулатура ещё не достигла полной мощи и плотности. Однако, достигнув года, гончая уже приобретает свои характерные пропорции, движения её становятся энергичными и утрачивают щенячью неорганизованность, как бы расхлябанность. Годовалая гончая готова начать работать или, вернее, вступить в пору обучения.

Если собака росла в хороших условиях, была предохранена от чумы, рахита и глистов, имела возможность двигаться, играть и бегать, то она может идти в нагонку и значительно раньше года.

Как уже говорилось, при значительном числе щенков в помёте (шесть-семь), с 15-20-дневного возраста следует начать их подкормку тем более, что примерно через три недели после щенения у суки перестает увеличиваться выработка молока, а вскоре количество молока у неё начинает снижаться.

Подкормка должна состоять из цельного немного подогретого коровьего молока с добавлением каши (манной, из толокна и т. п.), а позже хлеба. С начала подкормки щенкам нужно давать сырой мясной фарш или мелкоскобленное сырое мясо, первоначально не больше 20-30 г в день. Количество мяса постепенно следует увеличивать, доведя его к месячному возрасту до 100 г в день. Позже следует добавлять в мясной суп хорошо размятые овощи, сырую тёртую морковь и мясной фарш. Строго рассчитанные рационы и нормы пригодны для питомников собак, а для охотников, имеющих всего одну выжловку и выращивающих один помёт, нормой кормления будет такая, чтобы щенки были сыты, но не перекормлены.

Гончие, как правило, содержатся в холодных, неотапливаемых помещениях. В таких же условиях обычно растут и щенки. Это очень важно и правильно, так как организм собаки с самого раннего возраста приспосабливается к условиям, в которых ей предстоит жить и работать. Содержание на холоде помогает развитию всех жизненных органов и, в частности, таких важнейших, как сердце и лёгкие, и служит средством необходимого закаливания собаки. Содержание гончих в квартире охотника и особенно выращивание гончих щенков в тепле вредит гончей, делает её зябкой и изнеживает лапы.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ЩЕНКОВ

Воспитывая гончего щенка, нужно считаться с тем, что гончая собака унаследовала от предков, живших на псарнях и работавших в стаях, немало такого, что в современных условиях неудобно, невыгодно и даже вредно. Несмотря на то, что уже целый ряд поколений отделяет современных гончих от тех собак, многие наши гонцы все ещё не ценят хозяина и готовы бежать в лес за любым человеком, повесившим на плечо ружьё. Это очень плохо потому, что в отсутствии настоящей привязанности к хозяину заключается главная причина бесконечных пропаж и краж гончих.

На псарнях немыслимо было привить гончей любовь и уважение к одному человеку — хозяину. Там эту роль хозяина играл доезжачий; он достигал, конечно, известного расположения со стороны собак, но от этого слишком далеко до той глубокой привязанности, которая так сильна у любой собаки, постоянно общающейся со своим хозяином.

Недоброе влияние стайных предков сказывается иногда и на плохой вязкости наших гончих. Известно, что гончие прежних комплектных охот не имели права на настоящую вязкость; выгнав зверя из острова в поля, они должны были под угрозой кнута прекращать гон. Такие «остаточные» свойства гончей особенно живучи в условиях питомников охотничьих организаций, где гончие предназначены для коллективных охот и где в смягчённом виде повторяются старые псарни с их недостатками.

Постоянно меняющиеся охотники и сплошь да рядом бестолковое поведение их иногда являются

причиной порчи полаза, вязкости и мастерства общественных гончих и уж обязательно действуют на их чувство «бесхозяйности». Поэтому, если каждому гончатнику следует как можно более «сближаться» с гончей, то для егеря охотничьего общества это необходимо в ещё большей степени. Гончие должны резко выделять его из всей массы людей, с которыми им приходится иметь дело.

Приблизить к себе собаку — первая забота гончатника. Жизнь легавой проходит в постоянном и тесном общении с хозяином и привязанность к нему собаки закономерна и проста. Но для гончей ради её стойкости к холоду и общей выносливости неизбежно сарайное или вольерное содержание, поэтому она видит хозяина лишь когда он приносит ей корм, да в короткие часы нагонки и охоты.

Гончатнику нужно использовать любую возможность, чтобы собака больше видела его и приучалась считать своим другом и властелином. Поэтому владелец собаки должен лично почаще гулять с ней (а пока гончая ещё щенок, играть с ней), побольше пускать гончую в своё жильё.

Здесь воспитанник быстро привыкнет отличать «своих» от «чужих», поймёт, что «можно» и чего «нельзя», а главное у него зародится такая привязанность к хозяину, его семье, к дому, какой никогда не добьёшься при содержании собаки только в сарае.

Побои недопустимы при воспитании собаки, но есть один случай, где они уместны — при отучении щенка ласкаться к каждому встречному. Способ несложен, но верен. На прогулке встречается «чужой» (с которым у хозяина щенка всё заранее договорено). Он подманивает щенка, ласкает его, угощает вкусными вещами, а затем порет хорошим прутом. Перепуганный и обиженный ученик, конечно, бросается к хозяину, как к другу и защитнику. Двух-трёх таких уроков достаточно, чтобы навсегда отбить у собаки охоту приставать к посторонним людям.

Первый шаг в воспитании щенка — приучение к кличке. Клички даются щенкам после отнятия их от матери. Кличка усваивается без особых приёмов, если хозяин при даче корма всегда подзывает щенка по имени. Уже с двухмесячного возраста надо следить, чтобы щенки не гонялись за домашней птицей или скотом. За попытки ловить домашних животных щенка, если он не робок, следует обязательно наказать на месте преступления. Робких, мягких собак бить не следует, тут, кроме крайних случаев, достаточно окрика.

Такое баловство по глупости свойственно чуть не каждому щенку и обычно быстро ликвидируется простейшими мерами, но при недосмотре эта привычка может стать настоящим скотинничеством. Это страшный порок, и борьба с ним нужна в раннем возрасте, так как у взрослых собак он неискореним, если запущен. Толчком к скотинничеству у гончих подростков и даже у взрослых собак может послужить неудовлетворение законного охотничьего инстинкта если, например, нет зверя в местах охоты.

У меня был выжлец, который вздумал скотинничать на девятой осени. В один погожий сентябрьский день я повёл своего гонца в лес на тренировку-подготовку; на днях предстояло открытие охоты.

Зайца Трубач не мог найти в течение нескольких часов. Наконец он помкнул и, как говорят гончатники, «зарко погнал по зрячему». Чтобы перехватить гон и перевидеть гонного зверя, я выбежал на неширокую лощинку и почти в ту же минуту увидел... как выжлец гнал четырёх овец, отбив их от пасщегося в лесу стада.

Не обращая внимания на мой крик, Трубач врезался в кучку «гонных зверей» и тут же повернул за барашком, бросившимся в сторону. На глазах у меня он настиг добычу и не хуже заправского волка, подорвав барашка за горло, перекувырнул его. Я подбежал, схватил разбойника, надел на него ошейник и, привязав к берёзе, отдул хорошей хворостиной. Оправившийся барашек, конечно, убежал.

Взяв выжлеца на сворку и удалившись от места происшествия, я снова пустил его в полаз. Вскоре послышалась горячая помычка. Я пустился перехватывать зверя и... снова увидел Трубача, гнавшего крупную овцу. Она оказалась смелой, не в свою породу, и не успел я поймать выжлеца, как овца остановилась и заняла оборонительно-угрожающую позицию. Тут я схватил гонца и, держа за ошейник и за гон, боком подставил его овце. Она отступила на шаг-два для разбега, размахнулась и сильно стукнула преследователя своим безрогим лбом, ещё, ещё и ещё... Больше никогда не появлялось у Трубача желания гонять овец.

Настоящий скотинник — это гончая, которой как-то пришлось один или несколько раз безнаказанно расправиться на охоте или в нагонке с овцой или иной подобной «добычей». Я говорю «безнаказанно», потому что побои, полученные собакой от охотника через некоторое время после обнаружения преступления, уже не воспринимаются собакой как наказание за данный проступок. Да и вообще побои — не метод воспитания. Окрики, вкусопоощрения и другие средства нормальной дрессировки против

скотинника бессильны, зверская страсть его неизмеримо сильнее. Если гончая дошла до настоящего скотинничества, она негодна для охоты по чернотропу, пока стада в тюле. Для таких крайних случаев, когда собаку хоть стреляй, практикой выработан верный, хотя и суровый способ. Суть его в том, чтобы преследуемое животное само причинило скотиннику неприятные переживания и тем внушило бы ему страх к себе.

Приготовив в ближнем поле или перелеске овцу, наводят на неё как бы случайно скотинника со своркой на ошейнике (чтобы легче ловить), и когда он нападёт на животное, быстро отнимают овцу. Затем, связав собаке ноги и надев на неё намордник, кладут её на землю. Далее, поймав овцу, водят её через скотинника так, чтобы она топтала, а хорошо, если бы и боднула врага. Нужно, чтобы собаке было и больно и страшно от своего бессилия, но необходимо оберегать её от повреждений (особенно глаза). Нечто подобное можно проделать и с курицей, если продеть палку в шею задавленной щенком птицы, чтобы создалось впечатление, будто она сама клюет связанного озорника. Такой способ успешно применяется охотниками, не раз проверен и мною. Находит он поддержку и у работников науки.

С самого раннего возраста щенка нужно приучать к дисциплине у корма. Следует добиться, чтобы он послушно отходил от корма по команде «Отрыщь!». Этой же командой можно будет пользоваться и на охоте, отбирая у гончей убитого зверя или подранка. Во всё время обучения щенка нужно действовать лаской, прибегая к угрозам или побоям лишь в крайнем случае и обязательно считаясь с характером собаки.

Характеры у собак очень разнообразные. Самые лёгкие для обучения — это незлобные и смелые. Робость, которая в некоторых линиях гончих стала наследственной, нередко затрудняет дрессировку, так как слишком боязливый щенок из-за постоянного страха становится непонятливым даже при спокойном, но настойчивом требовании охотника. Часто встречаются собаки гордые, самолюбивые, которых резкое принуждение раздражает и обижает. От таких собак послушания можно добиться постоянным ровным и мягким обращением; обычно именно таких гордецов легче всего обучить исполнению любых требований, стоит только к ним найти правильный подход и добиться их привязанности. Среди гончих обычны злобные, грубые собаки, однако обращение с каждой из них не может быть одинаковым. Если для некоторых необходимо и полезно прямое насилие, то от других при всей их злобности большего можно добиться только лаской.

Охотник должен знать характер собаки и считаться с ним. Это нужно помнить не только при воспитании щенка, но и вообще при обращении с собакой. Охотник должен по отношению к своей собаке держаться твёрдо, но всегда спокойно и выдержанно, добиваясь безукоризненного выполнения собакой своих требований. Нельзя требовать от собаки слишком много в связи с тем, что как бы понятлива ни была собака, она не может действовать по-настоящему сознательно.

ПРИУЧЕНИЕ К ОШЕЙНИКУ И СВОРКЕ

С двух-трёхмесячного возраста щенков приучают к ошейнику. Ошейник должен быть плотно застёгнут и пригнан так, чтобы щенок не мог скинуть его через голову. Обычно щенки привыкают к ошейнику через несколько часов, убедившись, что отделаться от него нельзя. После того, как щенок освоится с ошейником, надо приучать его к движению на поводке. Сначала можно, подманивая прикормкой, притягивать щенка к себе за ошейник, затем, держа в одной руке кусочек мяса и маня им щенка, другой взять за ошейник и поводить за прикормкой. При этом за исполнение нужно приласкать щенка и наградить лакомством.

Следующий урок — вождение на поводке, или сворке. Лаской, прикормкой и частым повторением нужно добиться, чтобы щенок шёл на сворке спокойно, не порываясь резко вперёд и не упираясь. Если охотник-гончатник выращивает двух или несколько гончих, то после их освоения с ошейником и поводком, щенков приучают к парным ошейникам — смычкам. Удобнее всего делать это, смыкая молодую гончую с опытной.

ОБУЧЕНИЕ (ПРИЕЗДКА) МОЛОДЫХ ГОНЧИХ

Как и всякая собака, предназначаемая для охоты, гончая требует предварительного обучения (приездки) и специальной подготовки (нагонки).

Для обучения и нагонки гончих, а также для охоты с ними охотнику нужен инвентарь: ошейник одиночный или спаренный; сворка, поводок; охотничий рог; арапник (для стай).

Если гончих две или целая стая, то нужны смычки, или спаренные ошейники, соединённые между собой короткой в три звена цепочкой. Наиболее удобны смычковые ошейники раздвижные на «рыскале».

Составные части смычка: 1) ошейники; 2) пришитые к концам каждого ошейника парные железные треугольники, запаянные после вставки в них «рыскал»; 3) «рыскалы» — удлинённые звенья цепи, с прямоугольными концами которых кольца соединяются при помощи стерженьков; 4) вертящиеся кольца — «вертлюги»; 5) большое кольцо, соединяющее через «вертлюги» и «рыскалы» оба ошейника.

Смычок такой системы удобен тем, что когда гончая идёт спокойно, не тянется, железные треугольники и пришитые к ним концы ремня ошейника расходятся на всю длину рыскала и ошейник не стесняет собаку. Если же собака рвётся или пытается скинуть ошейник, то треугольники сходятся в закруглённом конце рыскала, ошейник суживается и вырваться из него невозможно.

Применение смычков основано на том, что сомкнутые гончие, будучи как бы привязанными друг к другу, потеряв свободу и в то же время не занимая рук охотника, почти так же подвластны и послушны ему, как и собаки, удерживаемые сворками или цепями. Чтобы провести гончих по многолюдным местам, например в городе, следует к центральному кольцу цепочки смычка пристегнуть сворку, и охотник поведёт двух собак на одном поводке.

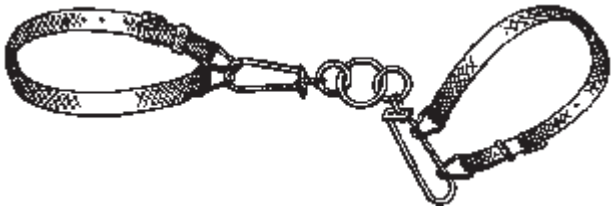


Рисунок 20. Устройство парного ошейника — смычка

Сворка, или поводок, длиной около 1,5-2 м для одной или двух гончих, водимых на смычке, должны быть из прочного ремня или в крайнем случае из крепкого, хорошо свитого или даже плетёного шнура. На одном конце сворки закреплён карабин с подвижным кольцом, на другом — петля для продевания руки. Хотя стаю (четыре и более собак) водят обычно без сворок (сомкнутой попарно или даже без смычков), но на всякий случай нужно иметь и сворки по числу смычков.

Охотничий рог для вызова гончих из леса совершенно необходим при стае и очень полезен при охоте с одиночной гончей. Некоторые рога позволяют играть довольно сложные мотивы, но для охоты вполне достаточен самый простой рог, на котором можно играть сигналы, состоящие из одной ноты (до) разных регистров («до» верхнего и «до» нижнего).

Предварительное обучение унаследовало от дореволюционных охот название «приездка». Это слово соответствовало прежнему способу обучения гончих, так как руководящие стаей доезжачие были при собаках верхами. Задача первой стадии подготовки гончей к охоте — выработка у неё общей дисциплинированности, вежливости и позывистости. Особенно важно это для стаи, а также и для смычка. Общая дисциплинированность достигается приучением гончей к запретительным командам, например при стойке над кормом, когда гончая не должна браться за еду без разрешения. Важно, чтобы гончая на сворке или смычке не рвалась, не тянулась, а шла спокойно, не задерживаясь на ходу для обнюхивания различных предметов, не бросалась в поле для розыска зверя без разрешения. Добиться правильного поведения гончей можно частыми проводками по дорогам, полям и лесам с постоянным наблюдением за неукоснительным исполнением собакой (или собаками) всех требований охотника. Если идёт обучение стаи, не обойтись без арапника для упорно непослушных. Нужно, однако, при употреблении этой вообще крайне нежелательной меры помнить, что каждый удар арапником допустим только, когда он действительно необходим, а уж если до него дошло, то должен быть чувствительным. Ещё и ещё раз надо повторить, что необходимо приложить все усилия, чтобы добиться послушания гончей прежде всего лаской и прикормкой.

При работе со стаей арапник может применять только выжлятник, т. е. помощник доезжачего, управляющего стаей (а часто и всей охотой). Доезжачий должен быть для гончих только добрым другом, всегда готовым приласкать и побаловать вкусным угощением. К доезжачему гончие должны быть привязаны не за страх, а за совесть. Если же страх необходим, то пусть гончие побаиваются выжлятника. Такой порядок способствует особенно хорошему подчинению гончих своему главному руководителю и опекуну, и пусть, когда он поведёт разомкнутую стаю на волчьи логова, арапник ему не понадобится ни разу, благодаря чему он доведёт собак до самых волков без шума.

Приучая молодых гончих к смычкам, лучше всего смыкать их с опытными, послушными и сильными собаками, чтобы новичок волей-неволей вынужден был подчиняться старшему товарищу. Гончие, выращиваемые в сельских условиях на полной свободе, спокойно относятся к домашним животным и птицам, возможно, неоднократно получив острастку ещё в самом раннем возрасте за попытки гоняться за овцами или курами.

Иное дело гончие стай и питомников, содержащиеся в псарнях, а также гончие, принадлежащие городским охотникам. Здесь нужно уделять особое внимание выработке вежливости. Во время предварительного обучения требуется привить гончей позывистость, т. е. привычку быстро являться на зов и особенно на условные сигнальные звуки рога.

Рисунок 21. Приучение к рогу

Рисунок 22. Стая течёт за доезжачим (из собрания Б.В. Павлинова)

Обычный приём выработки позывистости у гончих — это подача сигнала в рог перед кормом. Приготовив корм и приказав гончим стоять перед ним, охотник несколько раз трубит «позыв» в рог и тут же разрешает гончим есть. Повторяя это неоднократно изо дня в день, устанавливают у гончих связь между определёнными звуками рога и едой. В дальнейшем, выпустив гончих перед едой на прогулку, звуком рога и голосом призывают их к корму и таким образом вырабатывают у собак привычку бежать на рог («валиться к рогу») со стороны. Наконец, пустив молодых гончих побегать по лесу, охотник вызывает их к себе рогом и поощряет кусочками мяса или иной прикормкой. Следует приучать к рогу с трёх-четырёх месяцев и твёрдо добиваться быстрой явки собак по сигналу откуда бы то ни было, если только гончие не гонят зверя и не выправляют скол.

Для стайных гончих, от которых требуется особенно строгое послушание, необходимы ещё уроки «стойки перед напуском» и хождение у ног охотника без сворок и смычков.

«Стойка перед напуском», или по старому выражению «стойка под островом», совершенно обязательна для стаи, предназначенной для охоты по волкам. Приём для обучения этой «стойке» состоит в следующем: руководитель стаи (доезжачий), остановив стаю перед местом, где она должна будет работать, оставляет её под наблюдением своих помощников (выжлятников), а сам уходит от леса в поле сперва недалеко, а затем с каждым разом всё дальше, и оттуда зовёт стаю в рог. Выжлятники направляют гончих к доезжачему, который ласкает и награждает их прикормкой. Таким образом, гончие приучаются к тому, что напуск в лес не обязателен и, не зная, будут ли они наброшены для работы, привыкают стоять спокойно.

Вначале во дворе, а затем и в поле доезжачий и выжлятники приучают собак ходить без сворок и без смычков. Сначала свободно пускают наиболее послушных гончих, не стремящихся уйти в сторону от стаи и охотников, затем после нескольких уроков смычки снимают с других собак и постепенно добиваются того, что стая спокойно и кучно идёт (течёт) за пешим или конным доезжачим. Тут, как и при всех других этапах обучения, полезно поощрение лакомством, но возможно при необходимости и употребление арапника для строптивых. «Стойка под островом» и строгая дисциплинированность без сворок и смычков особенно нужны стае, работающей по волку, так как всё это позволяет доезжачему вести лесом прямо на волчьи логова гончих разомкнутых и тем самым готовых в любой момент начать гон по зверю.

НАГОНКА

Подготовка гончих к охоте, или нагонка, значительно труднее и требует гораздо больше времени, чем натаска легавых или обучение охоте собак других пород. Это необходимо помнить охотнику при наганивании молодых гончих и не делать поспешных выводов об их непригодности, если они долго не принимаются и не проявляют на первых порах вязкости и других качеств. Известны (нежелательные) случаи, когда гончие начинали по-настоящему работать лишь на третью осень. Во всяком случае, если молодая гончая на первых порах не погонит зайца даже увидев его, не следует торопиться браковать её.

Начинать нагонку надо после того, как гончая, закончив бурный щенячий рост, начинает формироваться во взрослую собаку. Если щенки правильно выкормлены, выращены и хорошо развились для своего возраста, можно начинать знакомить их с лесом и со зверем уже в семь-восемь месяцев.

При наганивании таких молодых собак необходима осторожность. Ни в коем случае нельзя переутомлять их, создавать перегрузку сердцу и тем самым, подрывать ещё не окрепший организм. Для первых выходов в лес нужно ограничиваться двух-трёхчасовой работой гончей, включая сюда розыск зверя (полаз) и собственно гон. Постепенно рабочее время можно увеличивать. Годовалая гончая при условии постепенного втягивания её в работу и хорошей тренировки может выдержать гоньбу по целому дню наравне со старыми собаками. Лучший сезон для нагонки — осенний чернотроп до выпадения снега, и весенний сразу же после стаивания снежного покрова.

Для начала нагонки следует выбирать дни с наиболее благоприятными погодой и тропой, чтобы создать начинающей гончей самые лёгкие условия работы.

При нагонке развивается лишь часть врождённых охотничьих качеств гончей, другие же (голос, паратость, чутьё, злоба, добычливость, крепконогость и нестомчивость) так и остаются на уровне природных данных и лишь в незначительной степени зависят от выкормки и воспитания. Ясно, что голос, паратость, чутьё и злоба не зависят от практики, и сколько собака получила этих качеств при рождении, с тем ей и работать всю жизнь. Правда, по мере приобретения опыта гончая как бы учится пользоваться и чутьём, но сила его вряд ли может быть изменена. Добычливость тоже преимущественно врождённое свойство, однако иногда в процессе работы может до известной степени улучшиться.

Крепконогость, т. е. способность гончей работать много и в любых условиях, «не разбиваясь» ногами, а также и нестомчивость, при которой гончая выдерживает гоньбу в течение всего дня несколько дней подряд, несомненно, зависят от природных данных (правильное сложение, крепкое сердце и лёгкие) и от правильной выкормки, содержания и особенно систематической тренировки.

Другая группа рабочих качеств гончей развивается при нагонке. Нагонка, собственно, и преследует

цель развития и укрепления важнейших охотничьих качеств гончей. Сюда прежде всего относятся: полаз, вязкость, и мастерство, а также закрепление нестомчивости, крепконогости, вежливости и позывистости. Полаз, вязкость и мастерство в первую очередь тоже связаны с природными способностями гончей, но все эти качества могут быть значительно усовершенствованы умелой нагонкой, а без практики — не проявятся вовсе. Молодая собака, попав впервые в лес, обычно несколько робеет и старается держаться поближе к хозяину. Однако инстинкт побуждает её к розыску зверя и волей-неволей, хоть на несколько шагов удаляясь от охотника и обнюхивая землю как бы в поисках следов зверя, она уже обнаруживает зачаточный полаз. Есть щенки, которые чуть ли не с первого раза скрываются от хозяина в лесу и таким образом сразу же обнаруживают задатки «глубокого» полаза. Часто бывая с молодой собакой в охотничьих угодьях, охотник приучает гончую к лесу, и она всё больше и больше смелеет и становится более самостоятельной.

Для выработки у гончей правильного, глубокого полаза с непременной ориентировкой на направление хода охотника применяется порсканье, т. е. подбадривание собаки определёнными криками («давай!», «буди!», «ползь!» и т. п.) или свистом. Гончая слышит хозяина, знает что он недалеко, поэтому и не разыскивает его время от времени, а спокойно ищет зверя. Нагонка в «молчанку», которой пользуются некоторые охотники, руководствуясь тем, что зверь будто бы распугивается громкими криками и свистом, определённо порочна и безусловно портит собаку. Гончая привыкает шарить в лесу, не уходя далеко от ног охотника, либо, отдалившись, спешит проверить его след и тратит на это много дорогого времени, либо, совершенно не считаясь с хозяином, действует по своему усмотрению и сплошь да рядом поднимает и гонит зверя не на слуху охотника, а там, куда он и не думал идти. Такой охотник нередко весь день ищет собаку, а она, нагонявшись где-то в стороне, является домой ночью и назавтра уже не годна для охоты.

Ошибочно думать, что порсканье распугивает зверя: заяц ни на какие крики не обращает внимания и бывают дни, когда он лежит до того крепко, что на него чуть ли не наступишь, а лисица за лето так наслушается криков пастухов, щёлканья пастушечьих кнутов и ауканья грибников и ягодников, что и порсканья не боится. Порсканьем следует пользоваться с расчётом. Если у собаки полаз короток, порскать нужно громче и чаще; если собака слишком «глубока», то лучше порскать пореже чтобы заставить её больше прислушиваться, вспоминать о хозяине и считаться с ним.

Уместно сказать об одной ошибке, которую некоторые охотники допускают при обучении гончих. Видя, что щенок робеет и не смеет отойти от охотника в полаз, он сурово отгоняет от себя робкого ученика, иногда даже грозя ему побоями. Этим можно лишь ещё больше развить робость. С такими собаками надо как можно чаще бывать в лесу, постепенно они осваиваются с лесом, робость их проходит и развивается хороший полаз.

Некоторые охотники употребляют рог и потрубливают в него всё время до подъёма зверя. Этот способ не рекомендуется, так как гончая привыкает не придавать значения звукам рога и утрачивает позывистость.

Особенно вредно, когда охотник, боясь потерять молодую собаку, начинает трубить, лишь только она скроется на несколько минут. Таким способом можно испортить полаз и лишить гончую самостоятельности и вязкости.

Вязкость — качество, в большой степени зависящее от нагонки. Однако попадаются гончие, которые бросают гнать чуть не на первом же сколе, как с ними ни бейся, сколько их ни наганивай. Если в начале нагонки для того, чтобы как можно скорее познакомить гончую со зверем и заинтересовать собаку, нужны места, богатые зверем, то в дальнейшем для выработки и закрепления настоящей вязкости удобнее угодья, где зверя не слишком много. Обилие зверя в данном отношении портит обучаемую молодёжь — не успела гончая потерять одного зверя, как уже наткнулась на другого, и у неё не вырабатывается необходимого навыка пристального и упорного преследования одного зверя, как бы он ни «хитрил», как бы ни прятался и ни путал след.

Основным и важнейшим приемом при нагонке являются следующие действия охотника. Когда ученик, подняв впервые зайца, погонит его, то на первом же крутом повороте или двойке он потеряет зверя и, побегав немного около места потери, заторопится к хозяину. Тут охотник, заметив, где скололась собака, и, не дожидаясь, чтобы она вернулась, должен поспешить на помощь к гончей. Подбадривая ученика частым порсканьем, охотник кружит в районе потери следа всё шире и шире и старается навести собаку либо на затаившегося зайца, либо на след смастерившего и ушедшего дальше зверя.

Этим способом, настойчиво и не горячась, нужно добиться, чтобы гончая вновь нашла зверя или его след и тем самым убедилась, что заяц не исчез, что можно и нужно продолжать гон.

Момент, когда стерявшая зайца гончая вновь добралась и залилась на следу, — важнейший. Если это случилось раз и два, успех дела почти обеспечен. Стоит только каждый раз на первых порах спешить к месту скола и помогать собаке, пусть эта помощь по существу является лишь моральной.

Мало-помалу всё твёрже убеждаясь, что зверь не может пропасть и что его можно отыскать, молодая собака входит всё в больший и больший азарт, приобретает настойчивость в выправлении следа не только в присутствии хозяина, но и без него. Это и есть зачатки вязкости. Разумеется, ограниченное количество зверя заставляет собаку гнать всё время одного зайца или лисицу и в дальнейшем у неё вырабатывается привычка работать по одному гонному зверю и не перемётываться на след случайно проскочившего шумового.

Когда гончая привыкнет к самостоятельной работе на сколах и не будет бросать след в затруднительных случаях, останется лишь обеспечивать собаку как можно большей практикой, как можно больше охотиться с ней, чтобы она знала не только след, но и убитого зверя.

Некоторые охотники убеждены, что для начала нагонки обязательно нужно убить, а ещё лучше подранить зайца и дать гончей задушить и трепать его. Необходимость этого по меньшей мере очень сомнительна, так как гончей накрепко привит инстинкт или же страсть именно преследования зверя по следу. Есть немало гончих, которые к убитому зверю довольно равнодушны, но которых удержать невозможно на свежем следу.

При выработке вязкости у гончей совершенно обязательно, чтобы охотник не уходил из леса, пока собака работает и пока он её не вызовет. Небрежность в этом отношении действует на гончих (в особенности на робких) крайне отрицательно и может сильно снизить их вязкость.

Больше того, бросая в лесу ещё не осмелевшую молодую собаку, хозяин способствует более значительному развитию её природной робости и такая гончая может привыкнуть, чуть потеряв хозяина, бросать работу и уходить домой.

Мастероватость гончей, т. е. умение как можно быстрее разбирать любую путаницу гонного следа, любые заячьи «хитрости», когда зверь делает двойки, тройки и скидки, долго идёт дорогой, где след не пахуч, западает, переплывает через речки и канавы, — основу такого умения составляют природные данные (чутьё, сметливость и специфический инстинкт разбирать след) и опыт. Без большого опыта, как бы ни была способна гончая, мастероватости не будет. Охотник тут не может помочь гончей ничем, кроме предоставления ей возможности как можно больше работать по зверю. Раньше гончая работала в основном как стайная, поэтому достаточно было иметь в стае одну-две мастероватые, а остальные являлись подсобниками, подголосками. В настоящее время гончая стала преимущественно работать в одиночку, и каждая собака теперь должна быть мастероватой. Очень важное значение имеет теперь закрепление в породе способностей к мастерству: производителями должны быть только собаки, дипломированные на испытаниях, так как у таких собак мастерство, как и другие рабочие качества, проверено и гарантировано.

Необходимо сказать ещё о выработке назывистости и об отучении от копания на жировке.

Назывистость — это быстрая явка гончей в лесу на назыв охотника, когда он сам поднимает зверя или обнаружит по пороше свежий след, а также, когда перевидит след или самого зверя, потерянного собакой во время гона.

Называть или накликать гончую нужно всегда одним и тем же криком (иным, чем порсканье) и никогда не употреблять его ложно, например лишь для того, чтобы подловить слишком вязкую гончую. После нескольких обманов собака перестает верить хозяину и спешить на наклик.

Некоторые гончие от природы или вследствие неправильной первоначальной нагонки слишком привязчивы к жировкам зверя, долго задерживаются на них и копаются, много бегают по одному месту, где зверь жировал, но лечь не мог. Некоторые собаки к тому же ещё отдают голос, в добор, т. е. взлаивают отдельными взбрехами или заливаются так, как будто зверь уже поднят.

Такое копание на жировках (а особенно если оно сопровождается большой отдачей голоса) — серьёзный недостаток гончей. Отучать от этой манеры собаку нужно смолоду, ещё при нагонке. Если охотник замечает, что ученик без толку бегает и роется на жировках, он должен бодрым порсканьем отвлечь собаку и отвести её с жировки туда, где вероятнее всего лёг зверь. Особенно удобно для этого использовать порошу, по которой охотник сам может найти зверя.

При нагонке смычка, стайки, состоящей из трёх и более собак, или настоящей стаи, помимо выработки полаза, мастерства, вязкости, назывистости и прочих общих качеств, необходимо добиваться дружной работы, или, по охотничьей терминологии, «свальчивости» гончих.

Гончие, работающие смычком (парой) или стаей, обязаны все вместе гнать одного и того же зверя (за исключением волкогонных стай). Для этого нужно, чтобы они сработались настолько, что стоило бы одной из них подать голос по поднятому зверю, как все остальные со всех ног бросались бы к ней и принимались гнать горячо и дружно, держась на следу как можно кучней.

На сколах стайные собаки должны рассыпаться в стороны, разыскивая след смастерившего зверя или самого его запавшего, затаившегося. Но, лишь только какая-нибудь собака из стаи разобралась и погнала, все остальные тотчас должны подваливать к ней, чтобы гон вновь кипел так же горячо и кучно, как и прежде. Для дружности гона нужно прежде всего подобрать для совместной работы собак с одинаковой паратостью. Дружности гона охотник добивается совместными частыми работами гончих.

Подбор гончих «по ногам» — одна из задач, осуществляемых во время нагонки. Определив, что та или другая гончая резко уходит от стаи вперёд или, наоборот, сильно отстаёт, таких собак надо удалить из стаи. Этих собак можно использовать для одиночной работы, если есть в том нужда, например для отдельных охотбаз охотничьего общества. В таких случаях наганивать их необходимо в одиночку. Особенно вредно, если стайная гончая, отстающая от других собак, станет «перечуном», научится «перечить».

Если замечено, что какая-то гончая склонна к слабоголосости, т. е. ненужной отдаче голоса, то лучше всего такую собаку исключить из стаи, так как остальные ей всё равно верить не будут.

Когда в начале нагонки смычка или стаи одна из собак найдёт зверя и погонит, вполне целесообразно привлечь к этому внимание других гончих громкими криками: «Слушай!» и затем «Вались к нему!» и с порсканьем такого рода торопиться к поднявшей гончей, увлекая за собою остальных собак. Сначала молодёжь не поймёт значения голоса погнавшей гончей, но после того, как будет несколько раз наведена на гонный след, научится угадывать гонные голоса своих товарищей и раз за разом станет всё охотнее и быстрее подваливать на гон. Тогда останется лишь почаще повторять совместные работы наганиваемой группы гончих.

Нужно сказать, что в практике почти нет случаев, чтобы наганивалась стая, полностью состоящая из молодняка. Обычно молодые собаки включаются в рабочую стаю. Это очень упрощает их нагонку, так как молодёжь быстро перенимает навыки от старших.

Нагонка гончих в северных и южных областях нашей страны имеет свои особенности. В северной полосе, где реже население и больше сплошных лесных массивов, где из зайцев преобладает беляк, гончая обязана быть особенно самостоятельной, особенно вязкой и работать по зверю без всякой помощи хозяина, за исключением редких случаев называ на перевиденного зверя или свежий след его. Необходимо добиться от собаки безусловной уверенности в самой себе и полного умения решать все задачи, которые задаёт гончим зверь.

Иное дело южные области, где часты крупные селения, дороги, создающие особую манеру поведения под гоном живущего здесь зайца-русака. Русак часто ходит под гончими по дорогам и, перекидываясь с одной на другую, постоянно заставляет собак сбиваться и терять след. Здесь зачастую охотник почти всё время видит зайца, «мастеря его» по дорогам в полях, и может оказать помощь своей собаке. В таких местностях гончая не должна быть чересчур вязкой, но у неё необходимо выработать острое внимание к наклику и быстрое подваливание на призыв охотника. Не плохо, если гончая приучится даже отрываться от гонного следа, чтобы мчаться на наклик хозяина, когда он перевидел гонного зверя и определил, что собаке предстоит большая работа по распутыванию следа русака, уже успевшего слишком много напетлять.

Следует ещё и ещё подчеркнуть, что нагонка очень трудное дело, требующее много терпения, времени и усилий охотника. При всей кажущейся простоте этого обучения — «лишь бы погнала, так сама научится» — неумелой, небрежной нагонкой легко испортить гончую.

Можно её испортить и ночной нагонкой, и ранней нагонкой по пороше, и позволением уходить в лес безнадзорно, и жадностью ко всякой дичи.

Ночная нагонка, к сожалению, довольно распространённая у нас, вредна для молодой собаки. Ночью, когда весь зверь «на ходу», чуть собака сколется на гонном следу, ей тут же попадается такой же свежий след другого зверя, и она бросается по нему, забыв о гонном, первом звере.

Таким образом, у неё портится вязкость, не вырабатывается добычливость, мастерство, появляется лишний добор и даже слабоголосость.

Ночная гоньба допустима лишь для опытных собак, которым необходима в жаркое время года тренировка в лесу, а жара не позволяет делать это днём.

Наганивание по пороше неопытных гончих также может принести немалый вред. Встречаются охотники, считающие нагонку молодых по снегу особенно удобной и даже лучшей по сравнению с обучением по чернотропу, основываясь на том, что если собака собьётся, так сам охотник разберётся по печатному следу и наставит ученика. Но такое мнение ошибочно. Действительно, молодая гончая, ещё не привыкшая в работе руководствоваться прежде всего носом, при нагонке по снегу приучается гнать «на глазок» и привыкает верить не столько чутью, сколько зрению. В то же время, не в состоянии понять по внешнему виду, какой след свежее и в какую сторону направился зверь, молодая гончая может начать голосить по любым ямкам в снегу, а то и погнать «в пяту». Результатом нагонки, начатой по снегу, часто оказывается слабоголосость, а возможно, и полное пустобрехство по белой тропе. В условиях «односледицы» такая гончая весь день голосит, носясь по тропам и не может поднять ни одного зайца.

Другое дело, если гончая хорошо освоилась с запахом следа по чернотропу, твёрдо научилась гнать при помощи чутья. Такая собака и по пороше погонит верно, а по старому следу, который уже не пахнет, голоса не даст.

Если молодая собака прошла хорошую нагонку по весеннему чернотропу, да повторила уроки весны ещё и осенью, то её смело можно пускать в работу и по белой тропе. Надо помнить, что первые опыты ученика в новой, снежной обстановке, как правило, бывают неудачные, гон идёт плохо и гончая сплошь да рядом скалывается на прямом следу, кажется вовсе беспомощной. Это не должно смущать охотника, так как постепенно к молодой гончей придёт умение гнать по снегу. Кстати сказать, первые в сезоне работы по снегу даже и у опытных гонцов нередко не ладятся.

Говоря об ошибках при нагонке, следует упомянуть недопустимость стремления охотника убить во время «уроков» лишнюю птицу или зверя. Если охотник, наганивая молодую гончую, стреляет, что ни попадётся (тетерева, рябчика, утку, белку), а ещё хуже, если он заставляет гончую помогать ему в этом, — он может безнадёжно испортить свою собаку. Ведь она особенно восприимчива ко всяким впечатлениям именно в раннем возрасте, поэтому навыки и уроки, полученные в это время, прочно прививаются и запоминаются. Гончая, привыкшая искать и выгонять под выстрел тетеревов и уток или пристрастившаяся к подлаиванию белок, на всю жизнь сохранит к ним интерес и зачастую будет бросать гон по зайцу или лисице, чтобы заняться птицей или белкой, оказавшимися на её гонном пути.

Ещё от одной ошибки нужно предостеречь нагонщика: нельзя брать с собой молодую гончую, когда идёшь в лес заготовлять дрова, гулять с компанией, по грибы и т. п., словом, во всех случаях, когда внимание человека будет занято чем угодно, только не гончей и когда она поэтому будет предоставлена самой себе. Если в таких условиях обучаемая гончая погонит зверя и обнаружит, что хозяина около неё нет, она может бросить работу и отправиться на розыск его. Так будет портиться вязкость гончей. Возможен и другой, но также далеко не хороший случай — если гончая смелая и от природы очень настойчивая, то при небрежном поведении хозяина она перестанет обращать на него внимание, считаться с ним и превратится в непозывистую и непослушную собаку.

Нагонка-обучение молодёжи и нагонка-тренировка взрослых гончих необходимы. Однако это дело очень затруднено тем, что по закону нагонка без ружья разрешается лишь за две недели до открытия охоты на зайца. За эти две недели, конечно, невозможно привить гончему-подростку нужное умение и сделать из него годного для охоты гонца. Недостаточно двух недель и для тренировки и втягивания в работу уже готовых гончих.

Поэтому в крупных охотничьих обществах Москвы, Ленинграда и других городов принято по согласованию с охотинспекцией отводить на территории соответствующей области участки, где разрешается нагонка в течение более длительных сроков, а иногда и круглый год.

Из-за этих угодий идёт постоянный спор между объединениями охотников с гончими (секции обществ) и учреждениями, от которых зависит разрешение такой нагонки (охотинспекция области, республиканское управление охоты). У таких учреждений существует убеждение, что увеличение сроков нагонки, а особенно круглогодовая нагонка наносит ущерб охотничьему хозяйству и, в частности,

поголовью зайцев в угодьях, как бы «принесённых в жертву» (подразумевается, что наганиваемые гончие уничтожают заячий молодняк).

Подобные представления очень ошибочны. Все охотники с гончей знают, что гон по зайчонку крайне труден для гончей и что, как ни часто западает такой зверёк, собака никогда его не ловит. И происходит это просто потому, что гончей свойственна работа более размашистая, более широкого масштаба, в результате чего запавший зайчонок всегда оказывается внутри тех «кругов», какие описывает гончая на выправлении скола.

Действительно, встречаются гончие, способные сгонять взрослого зайца и взять его без выстрела, но, во-первых, гонцов, для которых такой успех был бы обычным делом, крайне мало, а во-вторых, и эти редкие мастера способны на подобное далеко не всегда, а только в тех благоприятных условиях гона, которые бывают как раз в сезон охоты на зайца.

Факты подтверждают безвредность круглогодовой нагонки. Вот, например, что говорится в сообщении И. Глобы (г. Харьков) «О сроках нагонки гончих» («Охота и охотничье хозяйство», 1958, № 3): «...Бывшим охотобществом ВУСОР выделялось под Харьковом два участка — «Холодная гора» и «Номерки» для круглогодичной нагонки гончих, но без права отстрела даже в разрешённое время для охоты. В результате в этих угодьях расплодилось столько зайцев, что на четвёртый год был поднят вопрос о частичном отстреле, так как чрезмерно большое количество зайцев мешало нагонке собак, в особенности, стаек и стай».

Аналогичные заключения о безвредности нагонки есть и в опыте охотхозяйств Всеармейского военно-охотничьего общества.

Правда, председатель Тульского областного общества охотников С.И. Чернопятов указывает, что в лесных угодьях, прилегающих к общественному питомнику гончих, зайцы и тетерева не размножаются. Но здесь гончие живут постоянно и в течение уже очень многих лет работают в любое время года. При этих условиях и к тому же нередко находясь в лесу всей стаей они, конечно, имеют известные шансы поймать зайца или тетерева. Вопрос о безвредности круглогодичной нагонки при условии планомерного регулирования числа гончих на каждый день (например по карточкам нагонки, выдаваемым членам данного охотничьего коллектива) должен быть включён в число работ научно-исследовательского института, занимающегося темами охоты.

ОХОТА
ВИДЫ ОХОТЫ

По способу производства охота с гончими делится на ходовую и неподвижную, по времени года (сезону) и характеру тропы следует отличать гон по чернотропу и по пороше. Кроме этой классификации, охота с гончими распадается, так сказать, на подвиды по объектам добычи. С гончими охотятся на зайца-беляка, зайца-русака, лисицу, волка, рысь, барсука, кабана, дикую козу (косулю), лося.

ХОДОВАЯ ОХОТА

Среди современных способов охоты с гончей наиболее распространена охота ходовая. Основана она на том, что заяц или лисица, преследуемые гончими, бегут не напрямик в бесконечную даль, а ходят «на кругах» около места подъёма. «Круги» зверя могут быть различными — от полукилометра до трёх—пяти и более километров в поперечнике и являются, конечно, не математически правильными окружностями, а замкнутыми кривыми, иногда очень замысловатой конфигурации.

При ходовом способе, как показывает название его, охотник не привязан к какой-либо определённой точке, а, наоборот, большею частью находится в движении.

Выйдя в лес обычно на рассвете или, во всяком случае, как можно раньше и набросив гончую (или гончих) в полаз, охотник передвигается по лесу и время от времени порскает, подбадривая гончих криком или подсвистывая собакам, и заставляет их обыскивать лес в направлении своего движения. Если охотник перевидит поднявшегося зверя, то он должен наманивать гончих. Для этого он останавливается возле следа и кричит как можно громче условный назыв: «а-ха-ха» или «во-во-во», «во-во-во» и т. п.

Подвалив на этот назыв, гончие принимают след и начинают гнать. Накликать гончих можно только когда нет гона, пока гончие ещё не подняли зверя или если во время скола охотник побудил и перевидел зайца и уверен, что этот зверь именно тот, по которому был гон. Ни в коем случае нельзя употреблять ложный назыв, подлавливая вязких гончих, чтобы гончие не утратили веру в него и не стали неназывистыми.

Когда гончие примут готовый взбудный след или сами поднимут зверя и погонят, охотник спешит занять один из известных ему лазов или, если местность незнакомая, подравнивается под гон с расчётом перенять (встретить) гонного зверя, на ходу определяет лаз и становится на нём, чтобы стрелять зверя на близком расстоянии.

Охотник-гончатник должен хорошо ориентироваться в лесу, знать повадки диких животных и манеру гона своих собак по различным зверям, чтобы по возможности точно и быстро предугадать движение гона и, главное, правильно определить и занять верный лаз.

Лазом у охотников называется место на звериной тропе, которым (почти обязательно) пройдёт гонный зверь; есть у диких животных на местности такие излюбленные точки. Характерные примерные признаки лазов будут указаны при описании охоты на различных зверей, но точных рецептов, годных для любых условий, дать невозможно, поскольку характер лесов и других угодий, где производится охота с гончими, бесконечно разнообразен. Понимание и умение предвидеть ход гонного зверя и точное угадывание его лазов даётся охотнику только по мере накоплений опыта. Бывалый гончатник, изучивший на практике охоту с гончими в различных условиях, большей частью так хорошо чувствует лаз, что почти всегда стреляет зверя не далее тридцати-пятидесяти шагов. Нередки случаи, когда такой охотник, спеша перенять зверя буквально на бегу, вдруг решает: «Вот здесь обязательно пройдёт зверь!» и — останавливается с ружьём на изготовку, а через несколько минут бьёт зверя, мчащегося из-под гончих ему в ноги.

Не следует думать, что лаз — это какая-то определённая точка или линия (например, звериная тропка). Правильнее будет понимать лаз, как более или менее ограниченную площадку, в любой точке или линии которой должен пройти зверь, хотя бывают лазы суженные буквально до одной линии или точки.

Убив зверя, охотник обязан оповестить об этом товарищей криком: «Готов!», а затем показать убитого зайца или лисицу гончим, чтобы они знали, что дело кончено, и после короткого отдыха (а то и без него) принимались искать новую добычу.

Если гончие не дошли следом до взятого зверя и, разметавшись по лесу, продолжают его розыск

(выправляют скол), то охотник, убивший зверя, и его товарищи стараются остановить и подловить собак и, дав им обнюхать добычу, перевести гончих на свежее место, чтобы продолжать охоту.

Многие охотники дают гончим лапы (пазанки) зайца, а некоторые тут же потрошат его и награждают собак заячьими внутренностями. Нет необходимости давать собакам заячьи лапы, но нет в этом и ничего плохого. Обычно гончая, подхватив брошенный ей пазанок, считает эту подачку определённым знаком об окончании данной работы и сразу же прекращает её. Как правило, скармливание гончим заячьих лап не приучает собак рвать и поедать убитого зверя.

Не то — дача кишок. Это безусловно недопустимый приём: прежде всего стоит только гончим, которых побаловали кишками, поймать зайца-подранка или приспеть к убитому зверю раньше охотника, как такие собаки немедленно принимаются рвать зайца, чтобы воспользоваться своим привычным пайком. Помимо этого, вряд ли совершенно безвредно для собак поедание сырых заячьих внутренностей, сплошь и рядом обильно заражённых глистами разных видов, среди которых возможны и те, что живут в зайце, как в промежуточном носителе, чтобы через него переместиться в организм собаки.

При коллективной охоте с гончими вести общественных собак и порскать должен только один, специально назначенный для этого охотник (обычно егерь общества охотников). Все остальные охотники молча равняются лесом по его крикам.

Если стая сборная, т. е. участвуют группы собак разных охотников и есть необходимость порскать всем владельцам, то они должны идти покучнее и каждый обязан порскать пореже.

Особо нужно остановиться на поведении охотника на лазу. Определив, где должна состояться встреча с гонным зверем, охотник спешит на этот лаз. Тут необходимо действовать с расчётом и можно смело бежать на лаз и занимать его лишь тогда, когда есть уверенность, что зверь ещё на достаточном расстоянии от намеченного места и при перебежке не придётся прежде времени попасться ему на глаза или подшуметь. Следует при этом учитывать также направление и силу ветра, чтобы до чуткого зверя не донёсся запах человека. Если есть опасность опоздать, то лучше переждать и занять лаз к следующему кругу.

Становясь на лаз, нужно не забывать о ветре и не становиться так, чтобы ветер был направлен в ту сторону, откуда ожидается зверь.

На лазу, если есть время, надо осмотреться и устроиться поудобнее: срезать (но не ломать) ветки, которые могут помешать стрельбе, отоптать снег, откинуть из-под ног сухие сучки и т. д. На лазу надо соблюдать полнейшую тишину, и после того как осмотрелся, стараться быть неподвижным, так как малейшее движение выдаст охотника зверю раньше, чем он увидит даже неукрытую фигуру замершего охотника. Если чиханье или кашель неизбежны, то необходимо плотно закрывать лицо шапкой.

Если тишина и неподвижность необходимы при нажидании зверя из-под горячего гона, то ещё гораздо больше нужны они во время сколов, так как зверь при этих условиях может оказаться далеко впереди собак и, не подгоняемый непрерывным лаем, особенно чуток и осторожен.

Лучше всего, если на лазу удастся замаскироваться так, чтобы маскировка не мешала стрельбе. Нельзя становиться за деревом, так как выглядывание из-за него наверняка будет замечено гонным зверем. Лучше всего стать спиной к дереву, как бы слиться с ним. Удобна позиция на лазу, если впереди охотника есть куст, а сзади группа деревьев, предохраняющая от фонирования на светлом небе.

В камышах следует становиться по возможности на краю их массива или куртины, срезая перед собой камыш так, чтобы он закрывал стрелка по пояс или по грудь.

НЕПОДВИЖНАЯ ОХОТА

При таком способе охоты охотники расставляются распорядителем коллектива, обычно по жеребьёвке, на определённые пункты (номера) стрелковой линии, где они ожидают гонного зверя, и откуда не имеют права сходить до окончания охоты или условного сигнала о завершении очередного загона.

Гончие (обычно стая из пяти или более смычков) набрасываются доезжачим на волчьи логова, если охота происходит по выводку волков, или, если охотятся по кабанам, заводятся и пускаются в лес или в камыши на значительном расстоянии от стрелковой линии с расчётом, что между гончими и стрелковой линией окажутся кабаны, которые затем и будут выставлены гончими на номера, как это сделали бы загонщики.

При неподвижном способе охоты с гончими инициатива принадлежит лишь руководителю стаи гончих — доезжачему, от умелости которого и зависит успех. Доезжачий должен точно знать местонахождение волчьих логовов и направление хода зверей, стронутых с лёжек, чтобы была верно расставлена стрелковая линия. При охоте на кабанов доезжачий должен держать стаю в подчинении, уметь вести её в нужном направлении и быть уверен в том, что кабаны, поднятые с гончими или стронутые с кормёжек, бросятся к стрелковым номерам.

ТРОПА, ЧЕРНОТРОП, ПОРОША

Тропой по-охотничьи называется то или иное состояние почвы и её покров, будь то трава, мхи, опавшая листва или, наконец, снег, на которых зверь оставляет свой след. От состояния тропы, связанного в свою очередь со временем года, в сильной степени зависит большая или меньшая трудность работы гончей, как в отношении добычи (розыска и подъёма) зверя, так и в отношении самого гона. Вероятно, от состояния тропы зависит пахучесть следа.

Тропа разделяется на три вида: чернотроп — почва свободна от снега; белая тропа — земля сплошь покрыта снегом настолько, что на нём отчётливо видны следы зверя и гончей; пёстрая тропа — снег лежит лишь местами и зверь прокладывает свой след по участкам то чёрной, то белой тропы.

Наиболее благоприятна для охоты чёрная тропа, которая в нашей средней полосе приходится на октябрь и полностью или частично на ноябрь. Чернотроп отличается наибольшим постоянством условий работы и, по-видимому, во многих случаях создаёт наилучшую обстановку для чутья гончей.

Гон по земле, ещё не покрытой снегом, намного легче для гончей, так как её движения не связаны, ей не приходится тратить много сил на преодоление сугробов, на прыжки с постоянными провалами в рыхлый, а иногда и уплотнённый снеговой покров. Кроме того, в зимних условиях зверь нередко ходит под гончими по сильно накатанным, иногда даже обледенелым дорогам, где обычно гончая не в состоянии хорошо чуять след.

Белая тропа очень непостоянная. Снеговой покров всё нарастает и с увеличением его собаке всё трудней и трудней скакать за зверем. Однако те периоды зимы, когда долго нет снегопадов, пожалуй самые неблагоприятные для охоты с гончей. При многодневном отсутствии новых порош заяц и лиса во время своих жировок покрывают местность густой сетью следов и троп (звериных дорожек). Чем дольше длится период без снегопадов, тем плотнее и многочисленнее становятся эти тропы, тем труднее гончей разобраться в жировках и поднять зайца, и тем труднее держать на гону зверя, беспрестанно переходящего с тропки на тропку. Такой период называется у охотников «односледицей». Ещё хуже становятся условия, когда после сильной оттепели мороз ударит и превратит верхний слой снега в тонкую ледяную корку, которая выдерживает зайца и лисицу, но проваливаясь под гончей, режет ей ноги до крови.

Даже самая благоприятная первая неглубокая и мягкая пороша обычно вначале затрудняет гон. Самые опытные и чутьистые гонцы, ещё вчера отлично работавшие по чернотропу, сегодня, по выпавшей с вечера ровной прекрасной, с точки зрения охотника, пороше, на первых порах работают плохо. Это обстоятельство свидетельствует о том, насколько различны для чутья собаки чернотроп и пороша. Нужно собаке поработать в новых условиях день, а то и два, чтобы гон её по пороше стал таким же ровным и уверенным, каким был по чернотропу.

Сказанное вполне объясняет, почему гон по пёстрой тропе обычно бывает плохим: гончей приходится всё время работать при меняющихся обстоятельствах и ежеминутно «перестраивать» своё чутьё то на чёрную тропу, то на снег.

Только опытные, очень мастероватые гончие способны гнать зверя по пёстрой тропе настолько верно и ровно, что его можно добыть. Что же касается молодых собак, а в особенности первоосенников, то они в этих условиях теряются и, если некоторые из них, наиболее вязкие, всё же кое-как держат след, то другие просто путаются и бросают зверя.

Наиболее неблагоприятными условиями тропы, обычно делающими гон совершенно невозможным, являются: а) ледяная корка на снегу или снег, уплотнившийся в наст, когда по ним гонный зверь идёт как по полу, не оставляя видимого следа, а собака проваливается; б) сильный иней по чернотропу, когда трава от него делается как бы мохнатой, как бы покрывается белой морозной шерстью; в) подмороженная пёстрая тропа с участками обледенелого снега; г) сильный мороз при глубоком рыхлом снеге. След,

Рисунок 23. По чернотропу. Фото Н.А. Бохонова

запах которого и без того быстро улетучивается при большом морозе, вдобавок засыпается снегом. Кроме того, в такую погоду промороженный снег сильно намерзает гончим между пальцами и мешает им до такой степени, что собакам приходится ежеминутно ложиться и выгрызать из лап кусочки льда.

Наилучшими условиями для гона считаются: а) по чернотропу умеренная влажность охлаждённой осенней почвы с травой, поникшей от дождей, побитой скотом или выкошенной, и с листвой, слежавшейся и довольно влажной под влиянием октябрьского ненастья; б) при наличии снега неглубокая (до 10 см) пороша (не первая!), выпавшая вечером накануне дня охоты, когда снегопад прекратился к полуночи и температура держится чуть ниже нуля.

Плохими условиями чернотропа считаются: а) пересохшая чёрная тропа при сухой тёплой погоде; б) почва сплошь усыпанная толстым слоем сухих листьев в разгар листопада; в) обильная капель (капли воды, падающие с деревьев после дождя, тумана или оттаявшего инея) в лесу; г) участки хвойного леса, где почва сплошь усеяна опавшей хвоей.

Гончатники нередко говорят, что собаке гнать нельзя потому якобы, что бегущий зверь «переворачивает лист», и в других случаях утверждают, что «капель заливает гончим чутьё».

Много есть и других подобных примет, но они неверны.

Чутьё гончей (да и других собак) — явление совершенно не раскрытое и поэтому человек часто не может определить, что для собаки благоприятно и что неблагоприятно, и всякие приметы и домыслы оказываются напрасными.

Вот характерные случаи, опровергающие все сложные рассуждения гончатников о значении тропы.

Пример первый. На Восьмой Вологодской областной пробе гончих 23 сентября 1949 г. первоосенник русский гончий Гадай Юдина получил диплом II степени. Был сухой, солнечный день, опавший лист густо покрывал землю, а выжлецу пришлось работать в жару в середине дня. Он побудил беляка в 11 ч 55 мин и, вопреки всем разговорам о том, что «лист переворачивается» и гнать невозможно, держал зайца на гону более 1 ч лишь с небольшими перемолчками и 5-минутным сколом, пока не был дан сигнал подловить гонца, а так как это не удалось, пришлось распорядиться об отстреле зверя.

Пример второй. На Четвертой Костромской областной пробе 26 сентября 1948 г. русская выжловка Плакса Н.В. Горяченкова должна была гнать беляка не только по мокрой тропе и при капели, но буквально по воде и под проливным дождём, который прерывался лишь изредка.

В этих условиях Плакса почти без перемолчек водила зайца свыше 1 ч, пока не дан был сигнал об окончании испытания и об отстреле зайца, без чего снять собаку со следа оказалось невозможным. Плаксе за эту работу дан диплом II степени.

Эти два примера наглядно показывают, что хорошая гончая может успешно работать в очень трудных условиях и, кроме того, говорят о шаткости представлений о том, что такое чутьё и какие условия и в какой мере помогают или мешают ему. Примеров, подобных приведённым, можно привести немало из практики полевых испытаний гончих и охоты.

Работа гончей по белой тропе также часто бывает очень трудна. Весьма неблагоприятна односледица, о которой уже говорилось. Плохо гнать зверя и по слишком глубокой, хотя и свежей, пороше. Чрезвычайно трудно собаке добыть (найти) зайца или лисицу, когда сразу выпадет так много

снега, что зверю почти невозможно передвигаться и он, бывает, по целым суткам, а то и больше, почти не даёт следа, отлёживаясь на месте. Такая пороша, когда в лесу нет ни следа и он кажется как бы вымершим, называется мёртвой. Правда, в мёртвую порошу гончая, случайно наткнувшись на зайца, нередко ловит его, не дав ему пробежать (вернее проползти) от места лёжки более 10-20 м, но такая охота не интересна, да и не добычлива, так как находка зверя здесь дело случая. Если по мелким порошам в начале зимы гончей бежать (гнать) ещё достаточно удобно, то позже нарастающий снеговой покров всё более и более связывает и гончую и охотника; гон становится всё тяжелей и тяжелей и, наконец, делается невозможным. Нередки зимы, когда охота с гончими прекращается по этой причине задолго до запрета добычи зайца и лисицы.

Бывают иногда в середине зимы довольно сильные оттепели, и верхний слой снега обтаивает, делается влажным. Стоит только морозу заковать этот размокший слой, как образуется ледяная корка, которая большей частью выдерживает зайца и лисицу, но проваливается под собакой. Ей вдвойне плохо: и след не пахуч, и ноги ей режет корка. Таким образом, если корка сплошная, гон невозможен; если же оттепель была несильная и непродолжительная, то лёгкая корочка образуется не везде, а лишь на более открытых местах. Работа гончей кое-как возможна, но тяжела и сложна.

Гон по пёстрой тропе очень труден, но такая тропа редко держится продолжительно. Обычно это переходное явление. Чаще всего тропа, бывшая с утра белой, при потеплении к середине дня становится пёстрой, а к вечеру превращается в настоящий чернотроп. Однако, если снег не успел стаять до возобновления мороза, то, подстывший, огрубевший и лежащий пятнами, он станет держать зверя, который не оставит на обледенелой поверхности даже царапин от своих коготков. Гон по этой подмороженной пёстрой тропе невозможен.

Свойствами чернотропа и белой тропы определяются особенности охоты осенью и зимой. Осенью собака гонит паратее и горячее; в эту пору ничто не мешает нескольким собакам работать по одному следу. При выправлении сколов гончие работают быстро и на свободных кругах, голоса звучат сильно и обычно слышны дальше, чем по пороше. Охотник одет легко, ходьба для него не затруднительна и, если нужно, он всегда может, как говорится, быть «под гончими», т. е. близко от них, и, пользуясь хорошей слышимостью гона, всё время точно ориентироваться. Зверь по чернотропу ходит на более правильных кругах, ему редко удаётся оторваться от гончих на большое расстояние и поэтому он всё время вынужден идти быстрым ходом, не имея возможности останавливаться и прислушиваться. Охота по чёрной тропе, как правило, и веселее и добычливее.

Охота с гончей по снегу хороша только в начале зимы, пока пороши не глубокие и не мешают ходьбе и слушанию гончих, да ещё когда часто бывают небольшие снегопады. Стоит только разбушеваться метели на день-два — и сразу же охота портится. В первое время после такого слишком обильного снегопада зайца не найти, он не даёт следа по мёртвой пороше; если гончие и поднимают зверя, то снег, навалившийся на деревья и облепивший все сучья, еловые и сосновые лапы и кусты, заглушает голоса собак. Бывает, что гон не слышен даже на расстоянии каких-нибудь ста шагов. Понять ход зверя и подставиться под гон очень трудно и тем сложнее, что зверь тут не ходит на более или менее правильных кругах, а как попало путается в чаще.

Чем глубже снег, тем тише, медленнее продвигается гон и, наконец, гончая как будто плывет по глубокому снегу и двигается за зверем шагом. Заяц и лисица почти не тонут в снегу и, не видя за собой напористого, быстрого гона, идут не торопясь, прислушиваясь. Тут зверь легко может заметить охотника издали и, изменив направление хода, уйти куда-нибудь в сторону.

И тёплая зимняя одежда, и глубокий снег — всё затрудняет ходьбу, обременяет охотника. Он, наконец становится на лыжи, но и они ему мало помогают, делая человека неповоротливым в лесу, а скрипом и шорохом отпугивая зверя.

В главе, где описывается охота с гончими на различных животных, даны краткие биологические характеристики главных объектов этой охоты. При составлении этого материала использованы следующие издания:

1) «Биология промысловых зверей СССР» профессоров А.М. Колосова, Н.П. Лаврова и С.П. Наумова. Москва, издательство «Высшая школа», 1965;

2) изданная в 1963 г. Зоологическим институтом Академии наук СССР книга «Млекопитающие фауны СССР» (составители И.М. Громов, А.А. Гуреев, Г.А. Новиков, И.И. Соколов, П.П. Стрелков, К.К. Чапский).

ОХОТА НА ЗАЙЦА-БЕЛЯКА

Охота с гончей преимущественно лесная, а беляк — зверь лесной и к тому же очень широко распространённый. Естественно, что он стал у нас главным объектом охоты с гончей, если рассматривать её в целом, в масштабах всей страны.

Размеры беляка значительно колеблются. Длина тела 45-65 см, вес 2,5-5,5 кг. Отличают этого зайца от русака относительно короткие уши, едва достигающие носа, круглой формы хвост, зимой сплошь белый, а летом буроватый сверху, более широкие лапы.

Особенно выделяет беляка резко выраженный сезонный диморфизм: летом беляк рыжевато-бурый, зимой — весь снежно-белый, за исключением чёрных кончиков ушей.

Беляк заселяет всю тундровую, лесную и частично лесостепную полосы СССР. В европейской части распространён на юг до Чернигова, Тамбова, Саратова, Оренбурга, водится по всей Сибири (кроме Забайкальских степей), в Северном Казахстане и в северо-восточном районе Средней Азии.

В пределах СССР беляк образует ряд подвидов. В европейской части СССР, в таёжной и лесостепной зонах Западной Сибири и в Казахстане живёт сравнительно крупный заяц: длина тела 50-60 см, вес 3-4 кг. В тундрах Сибири беляк особенно велик — длина его тела достигает 68 см, а вес до 5,5 кг.

В тайге Якутии, в Забайкалье и в лесах Дальнего Востока беляк мелкий — вес 2,5-3 кг. Кроме размеров, географически варьируют и другие признаки, например длина волосяного покрова, окраска, толщина волоса (у северных форм волос длиннее и тоньше).

Беляк типично лесное животное. Лишь в тундре и местами в южном ареале он обитает на безлесных пространствах, выбирая здесь заросли кустарников или изрезанные и заросшие ивняком берега рек и озёр. Беляк избегает сплошных массивов леса, предпочитая леса, изреженные вырубками, гарями, лугами и болотами. Особенно не любит он участки густых хвойных лесов, лишённые лиственного подлеска и травяного покрова. Чисто лиственные насаждения в лесной полосе заселены беляком тоже редко, исключение составляют берёзовые и берёзово-осиновые колки в Западной Сибири, представляющие здесь единственный тип лесов. Места кормёжки могут совпадать и не совпадать с местами дневных лёжек. Жирует беляк чаще в редкостойных насаждениях, на гарях, полянах, лесных луговинах. Особенно это заметно летом, когда зайцы кормятся травянистой растительностью, а не веточным кормом, как зимой. Летом беляк нуждается в сочных кормах и поэтому держится преимущественно вблизи болот, рек и ручьёв, охотно пьёт воду. Если в данных местах есть солонцы, беляк посещает их и поедает здесь пропитанную солями землю. Охотно грызёт кости погибших зверей и сброшенные рога оленей, лосей, косуль.

Питание беляка различно по сезонам и географически. Летом в средней полосе европейской части СССР беляк охотнее всего питается клевером, одуванчиком, мышиным горошком и некоторыми другими травами. В тайге европейского Севера, кроме перечисленных трав, он ест некоторые осоки, золотую розгу, кошачью лапку, почвенный гриб (олений трюфель), который безошибочно разыскивает и выкапывает из земли. В Якутии беляки питаются ещё более разнообразными травами, поедая даже полынь, хвощ и иван-чай.

Осенью беляк постепенно переходит на питание веточными кормами и корой осины, ивы-бредины и других деревьев, а зимой древесно-кустарниковая пища практически становится для него единственной. Только в малоснежных районах и зимой в питании беляка участвует сухая трава. Зимой основным кормом беляка служит ива на севере и лещина вблизи южной границы его ареала.

Беляк кормится только определёнными видами трав, которые в лесах распределены неравномерно. Этим и объясняется, что в некоторых участках лесов на целые километры можно не встретить ни одного зайца и, наоборот, другие места оказываются особенно привлекательными для беляка и около них он скапливается. Это полезно знать охотнику, который подметив такие «белячьи» участки леса, может вести своих гончих по лесу так, чтобы они не искали напрасно зверя в пустых местах, а, как говорят гончатники, «лазили» около заячьих «столовых».

По мере того как зимой снеговой покров становится глубже и беляки не могут уже добраться до любимых трав и даже до мелкого ивняка, меняется размещение их по лесу, и там, где в начале зимы бывали набитые зайцами тропы, теперь, случается, не встретишь ни одного следа.

В связи с разнообразным ассортиментом пищи беляк обычно не испытывает недостатка в кормах. Лишь в таёжных районах Якутии при особенном размножении зайцы местами нацело уничтожают

большие участки ивняков или заросли молодых лиственниц, после чего беляки перекочёвывают на соседние участки.

В тундре наблюдаются сезонные миграции (перекочёвки) беляка стадами по пятнадцать-двадцать, а в редких случаях даже до семидесяти-восьмидесяти особей. К зиме происходит перекочёвка на юг, а в мае зайцы возвращаются в тундру.

Плодовитость беляка высокая, но в разных частях ареала различная. В средней полосе европейской части СССР обычны три окота: в начале мая, в конце июня и в начале августа. В первом и втором окоте участвуют почти все перезимовавшие самки, а в третьем — около 40%. В таёжной зоне европейского Севера (например, в Вологодской области) бывает лишь два окота — в середине мая и в конце июня — начале июля. Трижды в год здесь плодятся не более 10% перезимовавших самок. В Якутии все перезимовавшие самки дают лишь один помёт — в середине июня; второй помёт здесь бывает только у 10% самок.

Число зайчат в помёте значительно варьирует: в европейской части СССР в выводке бывает от одного до восьми зайчат, в среднем четыре-пять, причём наиболее многочисленны июньские помёты.

В единственном за год помёте у якутских самок беляка бывает от одного до двенадцати зайчат.

За год одна самка беляка даёт в средней европейской полосе (например, Волжско-Камский край) примерно одиннадцать зайчат, на европейском Севере и в Якутии — семь.

Гон у беляков происходит бурно и между самцами часто случаются драки. Самку иногда кроют подряд несколько самцов. Самец кроет матку вторично вскоре, а иногда тотчас после родов. Беременность у белячих длится 49-51 день. Рожает она, как правило, на поверхности земли, лишь в наиболее северных местах иногда роет норы. Зайчата способны передвигаться в первый же день. Некоторое время они находятся около матери, не разбегаясь далеко друг от друга. На девятый-десятый день зайчата уже едят траву.

Продолжительность жизни беляка восемь-девять лет.

Численность беляка очень меняется в разные годы. Основная причина колебаний — периодически повторяющиеся эпизоотии. Иногда зайцы гибнут от гельминтозов — заболеваний, вызываемых глистами (лёгочные, кишечные и другие формы). Известны и другие эпизоотии беляков: туляремия, псевдотуберкулёз и др.

Массовые заболевания и смертность возникают при большой численности зайцев. Часто это происходит в холодные, дождливые годы. Особенно широко распространяются эпизоотии в таёжных заболоченных районах.

Гибель беляков от хищников не так велика, как принято думать. Наибольший урон зайцам приносит лисица, рысь, из птиц — беркут и крупные совы. Истребительная деятельность хищников возрастает в годы эпизоотии. В поймах больших рек много зайцев гибнет весной в половодье.

Годы массового размножения беляков и годы их вымирания повторяются с известной закономерностью.

Большие «урожаи» беляков в тайге отмечаются через десять-одиннадцать лет, в полосе смешанных лесов несколько чаще. Изменения численности беляка никогда не охватывают одновременно всю область его распространения.

Беляк линяет дважды в году. Весенняя линька в средних и северных широтах СССР начинается в начале или половине марта и заканчивается в мае, осенняя — с конца августа до середины или конца ноября.

Осенью белеют прежде всего задние лапы и круп, затем передние лапы и бока. Весенняя смена белого волоса бурым идёт в обратном порядке. Довольно распространённое мнение, что беляк линяет весной, а осенью только «выцветает» — неверно. Это представление, очевидно, явилось следствием того, что осенняя линька очень постепенная.

Охота с гончей едва ли не единственный способ добычи этого зверя, если не считать ловлю беляка петлями и другими ловушками (где это разрешено), Да стрельбу побелевших зайцев по чернотропу «в узёрку».

Сослеживание и стрельба беляков по малику гораздо сложнее и труднее, чем подобная охота на русаков, и применяется очень немногими охотниками.

Искать беляка нужно в лесу, в лесных болотах, а там, где заяц спускается южнее полосы лесов и оказывается на территории степных областей, он живёт только в лесистых поймах рек. Такова,

например, пойма реки Сакмары Оренбургской области, заросшая куртинами осокоря, дуба, липы, осины и чащами шиповника, ивняков, черёмухи и других кустарников.

Беляк, как и почти все наши дикие животные, ведёт оседлый образ жизни и постоянно держится в избранном участке леса, бродя по нему во время жировки (кормёжки) в пределах всего 1-2 км.

Есть у беляка свои излюбленные «лазы», которыми ходят под гончими почти все зайцы данного района, леса, есть у него также и любимые уголки для лёжки. Беляк, если его не тревожить, часто ложится на днёвку в одном и том же месте, иногда даже в один и тот же куст ивняка или под одно и то же дерево. Бывает, что беляк выскочит из того же куста, откуда был поднят и заяц, убитый вчера. Зная эту повадку, опытные гончие прежде всего обыскивают те местечки, где им приходилось добывать беляка, и обычно эта сноровка приносит успех.

Перечислить и описать все характерные уголки, где бывают лёжки беляка, невозможно. Нужно лишь сказать, что в сухую и тёплую осень беляк держится и ложится ближе к ручьям и болотам, а в сырую предпочитает более высокие места.

В дождливую погоду беляк ложится на более открытых местах, например на вырубках или полянах с редкими кустами и порослью древесных пород. В морозы он уходит в чащу хвойных молодняков, в это время ложится также и в крупном хвойном лесу, где особенно любит забираться под вершины больших валежин или располагаться возле куч хвороста.

Беляк, поднятый гончими утром, обычно, сделав сравнительно небольшой круг, проходит под гоном около своей лёжки, а затем задаёт кольцо или дугу побольше и тоже иногда посещает лёжку; это особенно характерно для первой половины дня. Чем ближе к вечеру, тем менее обязателен для беляка этот ход через лёжку и, наконец, заяц, поднятый незадолго до сумерек, почти никогда не возвращается к месту подъёма.

Сделав под гончими один-два круга, беляк успевает позапутать собак и, удалев, ещё более напетлять, надвоить и натроить свой след. Собаки скалываются (теряют след и временно прекращают гон). Этот первый скол бывает часто одним из самых трудных, и многие первоосенники здесь пасуют: безрезультатно побившись над выправлением следа, бросают зверя и возвращаются к хозяину.

Однако опытные гонцы не теряются. Умело и усердно рыская вокруг места скола, они мало-помалу разбираются в следах, разгадывают задачи, поставленные беляком, вновь наседают на него или вновь поднимают, если он уже успел запасть, затаиться.

Беляк снова делает круг за кругом, время от времени он вновь сбивает гончих, запутав след и сумев залечь; гончие опять работают на сколе и опять выставляют зверя на новые круги. Пока беляк не убит, его круги делаются всё меньше и меньше; очевидно силы ему изменяют, он западает при каждом удобном случае. Гончие будят его вновь и заливаются «по зрячему» (по увиденному) особенно страстно.

Если гончая по-настоящему мастеровата, то чем дальше идёт гон, тем он ровнее, тем меньше в нём даже небольших перемолчек. Вдруг гончая смолкла — беляк запал; азартная помычка, говорящая, что беляк вскочил из-под морды собаки, внезапно прерывается. Гончая заловила обессилевшего беляка.

Рисунок 24. Дошёл!

Обычными характерными ходами (лазами) беляка бывают: в овражистых местах — края оврагов, вдоль которых этот заяц часто ходит под гончими; в местах, где лес перерезан полосами вырубок (так называемыми лесосеками), любимый лаз беляка лесом по касательной к углу вырубки; в тех лесах, где много полян, сенокосов, открытых болотистых площадок и т. п., беляк верно ходит перешейками леса между открытыми участками; весьма характерный лаз — переход из угла в угол лесных массивов там, где они почти сходятся между собой среди полей или других открытых пространств.

У беляков бывают особенно излюбленные лазы. Это подтверждается, например, тем, что случается в один и тот же день на одном и том же лазу, стоя буквально на одной и той же точке, убивать по два зайца, поднятых гончей в районе данного лаза. У меня был такой любопытный случай. Выжлец гонял беляка. Я быстро занял хорошо известный мне лаз. Гон шёл уже неподалеку, но тут гонец скололся. Пока он распутывал след, появился беляк и был убит. Я не стал подбирать зайца, чтобы выжлеца легче было взять на сворку у добычи (он был не позывист).

После примерно 5-7-минутного молчания выжлец вдруг пылко помкнул «по зрячему» и вскоре тем же следом, которым шёл первый беляк, вылетел новый и после выстрела лёг в нескольких шагах от него.

Изредка попадаются беляки, не подчиняющиеся своим белячьим законам хода под гончими. Вот один из таких случаев. По неглубокой пороше я охотился в лесу, примыкающем к незамёрзшей речке. Мой выжлец Напор погнал беляка. Я занял надёжный лаз, но гон, продолжавшийся минут десять горячо и уверенно, вдруг оборвался. Я недоумевал, как Напор, «настоящий мастер» по белой тропе, так долго не может выправить скол. Я поспешил к месту прекращения гона и очутился на берегу реки. Оказалось, заяц переплыл 15-метровое русло. На противоположном крутом берегу был виден его мокрый след. Выжлец, видимо, не сразу понял, что произошло, а возможно, ему уж очень не хотелось в мороз принимать ванну. Он много натропил, бегая взад и вперёд по берегу, но тоже переплыл речку... Вдали слышался гон... Я побежал на старую плотину и перебрался за реку. Там места были полевые, лишь с небольшими перелесками. Заяц ходил полями, и я было подумал, что это русак с ненормально широкими лапами. Став у полевой изгороди, где заяц прошел уже дважды, я через несколько минут уже стрелял. Это был беляк, белый, как снег, на который он лёг.

Важной особенностью беляка является то, что поздней осенью, когда шкура зайца сильно белеет или уже побелела, а порош ещё нет, он лежит чрезвычайно крепко и поднять его очень трудно. В это время он подпускает к себе на несколько шагов и не встаёт, хотя хорошо виден среди побуревшей опавшей листвы и увядших трав. Бывает, что гончая бегает всего в нескольких метрах от беляка, а он лежит, как-будто не замечая собаку. Казалось бы, собака должна почуять зверя на таком близком расстоянии, а она не чует, и винить её за это опытный охотник не станет.

Обычно беляк лежит и таится крепче в тёплую погоду и, наоборот, в мороз выскакивает, далеко не подпустив к себе гончую или охотника. Однако, когда он станет совершенно белым, а порош ещё нет, беляк подпускает вплотную даже в такой мороз, когда замерзшие трава и опавший лист сильно шумят, даже трещат под ногами охотника.

ОХОТА НА ЗАЙЦА-РУСАКА

Русак — один из важных объектов охоты с гончей. В немалом числе он добывается с этой собакой и в южной части нашей лесной полосы и во всей ещё более южной лесостепной зоне.

Местами русак имеет даже исключительное значение, например во многих областях Украины, где беляка совсем нет.

Русак крупнее беляка и отличается от него, кроме окраса, более длинным и клиновидным хвостом сверху чёрным или черноватым, более узкими лапами и длинными ушами, которые, если пригнуть их вперёд, заходят за конец носа. Размеры русака: длина тела до 69 см, чаще 55-60 см; вес до 7 кг, чаще 4-5 кг.

Общий цвет летнего меха желтовато-рыжий с ясной крупной рябью. Сезонное изменение окраса выражено слабее, чем у беляка, и очень различно в зависимости от местности. Чем севернее, тем больше русак белеет, тем пышнее и, конечно, тем ценнее его зимний мех.

Ареал русака значительно уже, чем у беляка. Обитает русак в европейской части Советского Союза в степях, лесостепях, в лесной зоне до северных побережий Ладожского и Онежского озёр,

низовьев реки Онеги и южной части Архангельской области. Далее северная граница спускается круто к югу через г. Никольск Вологодской области, г. Пермь, подходит к Уралу, и, обогнув его с юга, проходит к городам Шадринску, Кургану, Таре, Омску. На юге русак заселяет территорию до Крыма и Закавказья. К востоку от Каспийского моря южная граница проходит к устью реки Урала, северному берегу Аральского моря и правому берегу реки Сыр-Дарьи, отсюда к Караганде, Акмолинску и Омску. Местами русак расселился и восточнее Омска.

Расширению в СССР ареала русака способствовала акклиматизация, начатая в 1936 г. Русаки выпущены в Новосибирской, Кемеровской, Иркутской и Читинской областях, а также в Алтайском и Красноярском краях. Во всех этих районах зайцы прижились и расселились местами на тысячу километров от пунктов выпуска, хотя плотность заселения ими новых областей пока невелика.

У нас имеются несколько подвидов русака. Наиболее крупная раса (вес достигает 7 кг) населяет Башкирию, северо-восток Татарии, Кировскую и, возможно, Вологодскую области. На зиму шкурка такого русака белеет почти сплошь.

В западных и центральных областях русак мельче (вес его около 5,5 кг). Зимой у него белеют лишь бока. В степях Центрально-черноземной полосы и на Украине, кроме её юга, русаки несколько крупнее (вес их до 6,5 кг), зимой у них слегка белеют бока и огузок. В Крыму, на Кавказе, в степях Нижнего Поволжья русаки мелкие: вес до 4-4,5 кг, на зиму окраску не меняют. Самый мелкий русак обитает в Закавказье: вес до 3,5 кг. На зиму не белеет.

Русаки, акклиматизировавшиеся в Сибири, белеют особенно сильно. Русачий мех в этих условиях стал гуще почти на 40%, нежнее и пышнее.

Русак обитает преимущественно на открытых пространствах: в целинных степях, на хлебных полях, в луговых частях пойм, в зарослях кустарников. В северных частях ареала он держится по полям, опушкам лесов, по гарям. Местами обычен в дубняках и осинниках, придерживается окраин леса. Русак несколько тяготеет к человеческому жилью (зимой), посещает огороды, гумна и фруктовые сады. Часто кормится на озимях. Сельскохозяйственная деятельность человека способствует не только расселению русака, но и его благополучию в отношении кормов. Благоприятны для русака и искусственные лесонасаждения в степях, например полезащитные полосы.

В зимы, когда образуется плотный наст и русаки не могут через него добраться до кормовой растительности, они концентрируются вокруг селений, а в наиболее трудных случаях предпринимают массовые кочёвки, при которых многие погибают.

Летом русак питается разнообразными травами, зимой — сухими травянистыми растениями, их семенами, озимями злаков, а также корой и побегами лиственных деревьев (клёна, вяза, яблони, груши, боярышника, ивы). Местами русаки приносят вред лесным посадкам лиственных пород и садам.

Характер размножения русака неоднороден. В центральных и восточных областях европейской части СССР русак даёт два, реже три помёта. Первый окот происходит в конце апреля — начале мая, второй в конце июня — начале июля. За год самка приносит в среднем семь-восемь зайчат. В Предкавказье у одной самки бывает три-четыре помёта, за год она приносит восемь-десять зайчат.

Беременность у самки русака короче, чем у белячихи, длится в среднем 45-48 дней (до 50). Окот происходит на поверхности земли. В двухнедельном возрасте зайчата принимаются есть траву. Размножаться русаки начинают со второго года жизни.

Численность русаков меняется по годам меньше, чем численность беляков. Русаки менее подвержены некоторым глистным заболеваниям, однако власоглавы и цистицерки собачьего цепня поражают их чаще, чем беляков. Установлены случаи заболевания туляремией, псевдотуберкулёзом, бруцеллёзом и некоторыми другими болезнями. Русаки чаще гибнут от неблагоприятных условий погоды; особенно губительны для них заморозки со снегопадами, которым предшествовали длительные оттепели.

При раннем потеплении размножение начинается раньше, а последующие заморозки губят ранние помёты. Особенно благоприятна дли размножения русаков ранняя и дружная весна.

В южных степях много зайцев гибнет от бескормицы в многоснежные, вьюжные зимы. Часто большой урон поголовью приносит и половодье. Засухи уменьшают плодовитость, что вызывается неполноценным питанием.

От хищников русак страдает больше, чем беляк, однако хищники не являются причиной колебаний численности русака. «Урожаи» и «неурожаи» русака никогда не охватывают сразу всего ареала. Наиболее правильные ритмы колебания численности свойственны северным и северо-восточным

частям ареала, но полной чёткости в этом нет. Линяет русак, как и беляк, дважды в году.

Русак может образовать с беляком помесь — «тумак».

Русак — житель степей и полей, но нередко он ложится и в лесу, а также ходит под гончими не только полями, но и по лесным угодьям. Если же русак и пойдёт лесом, то лазы у него резко отличаются от лазов беляка, да и лёжки его в лесу иные.

В отличие от беляка, русак кормится не древесной, а травянистой пищей. Наиболее обычное место вывода русачихой зайчат — хлеба, в связи с этим чаще всего русак и на днёвку залегает в полях; если уйдёт в лес, то ляжет либо на опушке, либо недалеко от неё.

В степных местностях, на целинах, на больших нераспаханных пространствах в зависимости от времени года русаки держатся в ковыльной и полынковой степи или собираются иногда довольно скученно на участках, поросших крупной сорняковой растительностью (бурьянами).

В распаханных степях русак держится около хлебов, которыми и питается.

В степных местах охота с гончей на русака почти не производится, здесь его добывают с борзыми или сслеживанием по пороше. В лесостепной полосе с гончей добывается наибольшее количество этого зайца, охота по малику также широко распространена, а ловля борзой отступает на задний план и совсем исключается вблизи северных границ обитания русака уже в чисто лесной полосе.

Ход русака под гончей отличается большей простотой и широтой, чем ход беляка. Западает он реже. Русак делает большие круги и никогда не петляет так, как это делает беляк, поэтому гон по русаку для гончей легче, он гораздо ровней до тех пор, пока заяц не станет на дорогу. Именно в этом частом использовании дорог русаком и состоит трудность работы гончей по этому зверю. В тех местах, где дорог много, русак часто переходит с дороги на дорогу и, если они торные, заставляет собаку терять след или, по крайней мере, создаёт ей большие затруднения. Едва разбирая русачий след, запах которого слабеет и теряется среди запахов большой дороги, гончая замедляет преследование зверя и, дав ему сильно удалеть, предоставляет зайцу тем самым возможность наделать скидок и двоек, перейти на другую дорогу и, сметнувшись с неё, залечь где-нибудь в укромном месте.

Вся обстановка и все условия работы гончей по русаку требуют от неё особенно сильного чутья, поэтому же очень часто большое значение приобретает помощь собаке со стороны охотника, который в открытой местности далеко видит, где и как идёт русак и имеет возможность поставить собаку на скидку зверя с дороги гораздо быстрее, чем разберётся сама гончая. Тут необходимо, чтобы гончая была особенно назывиста (абсолютно верила хозяину) и со всех ног подваливала на его наклик или назыв к свежему следу.

Это сотрудничество человека и собаки в некоторых местностях настолько необходимо и приобретает такое большое значение, что становятся совершенно неприменимыми требования к гончей, работающей в более северных лесных районах, и обычные нормы оценки работы на испытаниях. Наиболее характерным в работе степной гончей является то, что здесь вязкость подчинена назывистости.

Водя гончую полями, русак часто пробегает вдоль изгородей и межей; если на его пути попадается овраг, то он обычно пересекает его наискось, причём иногда предварительно долго идёт краем.

В лесной местности русаку приходится попадать под гоном и в лес, где характерные для него лазы противоположны лазам зайца-беляка. Если беляк проходит лесом по касательной к открытому месту (углу вырубки или луговины), то русак, наоборот, преследуемый гончей, проскачет полем по касательной к выступу леса. Уходя от гончей в лес, русак до последней возможности скачет полем и характерным лазом его в этом случае являются вклинивания открытых мест в лес. В лесу русак выбирает насаждения пореже, охотно проходит через поляны, пересекает в наиболее широких местах вырубки и другие прореженные участки и, конечно, не забывает пользоваться своими любимыми ходами по дорогам.

В некоторых случаях охота с гончей на русака становится почти невозможной. Во-первых, это бывает там, где много охотников-гончатников и русаки так часто подвергаются преследованию гончих, что стоит только собаке поднять такого русака, как он стремится уйти напрямик километров за десять и больше, причём идёт почти исключительно дорогами и добивается того, что гончая теряет его и возращается к далеко отставшему хозяину. Во-вторых, охота почти невозможна сильно снежной зимой с рыхлым глубоким снегом и плотно укатанными дорогами. В это время русаки тоже норовят ходить только дорогами и, скинувшись, залегают недалеко, чтобы, пропустив растерявшуюся собаку, выскочить сзади неё на эту же дорогу и вернуться к месту подъёма.

ОХОТА НА ЛИСИЦУ

Не каждая гончая гонит лисицу, да и не каждый охотник любит охоту на этого зверя, но уж если собака настоящий красногон и её хозяин пристрастен к лисице, то они предпочтут эту охоту всякой другой.

С лисицей приходится встречаться каждому гончатнику, если только его собака хотя бы немного гонит её, поскольку лисица распространена в нашей стране почти повсеместно.

Длина тела лисицы 60-90 см, хвоста 40-60 см. Вес самцов 5-10 кг, самок 4-8 кг. В основном окрас лисицы рыжий, но он далеко не одинаков у разных экземпляров. Даже самый обычный, рыжий окрас сильно варьирует от густо-рыжего до почти соломенно-жёлтого.

Кроме типично окрашенных зверей, называемых красными лисицами, встречаются особи с большим или меньшим потемнением меха — сиводушки, у которых мех на спине темнее, чем у красной, подпушь тёмно-серая, иногда почти чёрная. Крестообразный узор на спине выражен яснее. Грудь и брюхо не белые, как у красной формы, а тёмно-серые или чёрные. Сиводушку можно встретить в лесной полосе, в горах Кавказа и в Средней Азии, но чаще всего она попадается на северо-востоке Сибири.

Крестовка отличается ещё более тёмным мехом и резко выраженным чёрно-бурым крестообразным рисунком на спине. Низ тела чёрный. Встречаются там же, где и сиводушка. У чёрно-бурой лисицы общая окраска меха чёрная, иногда с буроватым оттенком, наиболее развитым на боках, бедрах, у лопаток. Крест выражен слабее, чем у крестовки и сиводушки. Есть совершенно чёрные лисицы. Встречаются чёрно-бурые экземпляры только в таёжной полосе, чаще в Восточной Сибири.

Для всех типов лисиц часто характерно «серебро», т. е. тёмные волосы с белыми поясками.

В СССР лисица живёт повсеместно, кроме большинства островов Северного Ледовитого океана и почти всей тундры. Северным её пределом можно считать северную границу древесной растительности.

В тундру лисица заходила прежде лишь в годы размножения там лемминга (грызуна из подсемейства полёвок), однако в последнее время местами стала там и селиться.

Особенно редка лисица в таёжных районах Восточной Сибири, где одна лисья нора приходится на 200-400 км^2.

В СССР имеется несколько подвидов лисицы: на европейском Севере обитает относительно крупный и яркоокрашенный подвид. Лисицы южнорусских степей мельче и бледнее окрашены. Самые мелкие и бледно-окрашенные лисицы с грубым мехом (караганки) живут в пустынях Средней Азии и Казахстана. В тайге Западной Сибири лисицы очень крупные и яркоокрашенные. Крупнее всех, лучше всех окрашены и имеют самый густой и длинный мех лисицы, населяющие Северо-Восточную Сибирь. В горах (например, на Кавказе, в Тянь-Шане, даже в Крыму) лисицы окрашены ярче и имеют мех лучше, чем равнинные звери.

Местообитания лисицы крайне разнообразны, но можно определённо сказать, что лисица избегает больших равнинных лесных массивов с их заболоченной почвой и предпочитает долины рек, районы с хорошо расчленённым рельефом и окрестности селений. В таких местах наиболее благоприятные кормовые условия и условия норения.

В зимнее время лисица избегает районов с глубоким и рыхлым снегом, где ей трудно охотиться и где она доступнее более крупным хищникам, как росомаха и рысь.

Поэтому на северном пределе своего распространения лисица редка.

Так же малочисленна она в заболоченных районах лесостепи и в равнинной глинистой полупустыне, где на 100 км^2 бывает лишь 7-8 лисьих нор. Наоборот, разнотравные степи с хорошо выраженным рельефом благоприятны. В Ставропольском крае, например, на 100 км^2 насчитывается 120-250 нор.

Питание лисицы разнообразно и очень изменчиво географически, по сезонам и по отдельным годам.

Самым обычным кормом лисицы, особенно летом, служат мышевидные грызуны, часто птицы. Нередко лисицы питаются насекомыми, а также растениями. Кроме этого, но значительно реже, в исследованных желудках попадались остатки зайцев (летом в двух желудках, зимой в восьми из ста). Иногда лисицы питаются падалью, насекомоядными и хищными животными (землеройками, ежами, ласками и др.), а также рыбой и пресмыкающимися (лягушками).

Состав пищи лисицы может очень сильно меняться в отдельные годы (например, в зависимости от «урожая» или «неурожая» мышевидных), в годы заячьих эпизоотии ослабевшие от болезни и мёртвые зайцы становятся особенно доступными.

Лисицы роют норы преимущественно в песчаных почвах и в местах с пересечённым рельефом (например, в оврагах), что отчасти определяет места, где многочисленны лисицы. Наблюдаются случаи устройства лисицами нор под стогами сена, в дуплах поваленных деревьев и в других неожиданных местах.

Лисицы живут оседло. Кочёвки их, связанные с количеством пищи, наблюдаются в лесотундре и иногда в южных полупустынных степях и пустынях с однообразной или бедной кормовой базой. В тайге Красноярского края летом лисицы чаще встречаются в верховьях рек, по склонам горных хребтов, где больше грызунов; к зиме большинство лисиц переселяется в кустарниковые заросли по долинам рек, где они ловят белых куропаток и зайцев.

Гон у лисиц происходит в разное время и в зависимости от географических условий: в тайге европейского Севера и в центральных областях — преимущественно в марте, в степях Казахстана — в феврале, в пустынях Южной Туркмении — в декабре-январе.

Во время гона за самкой ходят по нескольку самцов, между которыми нередко возникают драки. Самец вяжется, как правило, с одной самкой, с которой остаётся после спаривания и совместно воспитывает выводок. Встречаются самцы и с полигамными наклонностями.

Продолжительность беременности у лисицы 52-56 дней, в помёте в среднем четыре-пять щенков, но бывает и до десяти. Молодые рождаются слепыми и глухими; глаза и уши открываются на 13-15 день. Щенение происходит в норе.

Численность лисиц в данной местности по годам может резко меняться. Главные причины этого заключаются в колебаниях численности мелких грызунов — основной пищи лисиц, а также эпизоотии среди самих лисиц. Ухудшение условий питания снижает плодовитость лисиц и повышает смертность молодняка. В малокормные годы до 70% самок не дают приплода. Снижается величина выводка у рожающих самок. Так, в Тульской области в хороший по кормам год средняя величина выводка была 5,5 молодых, а в голодный только 2,0. На учётной площади в 4,5 тыс. га в Тульских засеках число выводков с 1936 по 1945 г. менялось от 0 до 9, что определённо было связано с численностью мелких грызунов.

Линяют лисицы один раз в год. Начало линьки приходится на февраль — март. По мере выпадения старой шерсти начинает появляться новый волос. Вначале он вырастает на морде и лапах, затем на загривке и лопатках. Зад и хвост вылинивают в последнюю очередь. На юге линька заканчивается в начале декабря, в центральных областях — во второй половине ноября, на севере — в середине ноября.

Среди болезней лисиц наибольший урон приносят туляремия (заражение через грызунов), сильное развитие чесотки и бешенство.

Колебания численности лисиц наименее заметны в центральных областях с разнообразной и достаточно богатой кормовой базой.

Продолжительность жизни лисицы в природных условиях достигает семи лет.

Охота с гончей — один из наиболее распространённых способов добычи этого зверя и по сравнению с обтягиванием флажками, подкарауливанием на приваде, скрадыванием мышкующего зверя и некоторыми другими является самой интересной, самой захватывающей.

Гон по лисе смычка, настоящих лисогонов гораздо верней, ровней и вместе с тем азартней, чем по зайцу, поэтому он необычайно увлекателен. Для охоты на лисицу лучшей рабочей единицей является именно смычок. С одной стороны, он придаёт охоте больше красоты, чем одиночка, а с другой, не наводит на зверя такого панического ужаса, как стая, от которой лисица слишком быстро норится. Добычливой может быть охота и с хорошей одиночкой, но, конечно, гон одной собаки, как бы ни был хорош её голос, никогда не будет таким горячим и красивым, как гон дружного смычка.

По чернотропу лисица почти никогда на день не ложится в норе и гончие находят и поднимают её в лесу. Бывает, что после неудачного ночного промысла лисица, недолго полежав утром, вновь принимается за добычу пищи днём, и гончим приходится разыскивать её и добираться к ней по свежему жировому следу.

Есть гончие настолько пристрастные к лисице, что напав на жировой след её, они добирают

жирующего зверя на любом расстоянии и начинают гнать его даже за 2-3 км от места, где первоначально натекли на жировку. Такие собаки часто имеют добор по красному (т. е. отдачу голоса на жировом следе) и это очень ценно, так как, привязываясь к следу и добывая зверя далеко от начала розыска, собаки без добора будут потеряны охотником. Изредка взбрехивая на лисьей жировке, гончие подаются вдаль, и охотник старается не отстать от них. Но вот собаки добрались к зверю вплотную, заставили его помчаться наутёк и, наконец, заварили по горячему. Гон идёт сначала удаляясь по прямой, но скоро переходит на большой круг. Гон ровен и очень азартен, голоса собак звучат во всю силу, со всеми фигурами, на которые они способны.

От паратых, вязких и чутьистых гончих лисица мчится во все ноги, но часто бывает, что всё-таки не может оторваться от них на такое расстояние, чтобы успеть мастерить и хоть как-нибудь путать след и затруднять собак. Гончие гонят иногда в какой-нибудь сотне шагов от зверя и если при этом гон идёт что называется «на штык» на охотника, то он в не слишком густом лесу одновременно видит и лисицу и гончих. Тут надо быть осторожным и лучше подождать момента, когда лисица, налетев на стрелка, бросится в сторону, и тогда стрелять её в бок. Так не будет опасности ранить или убить какую-нибудь из собак. В разных местностях ход лисицы под гончими очень разнообразен. Если местность овражистая, то гон вскоре после подъёма зверя начинает как бы проваливаться, так как лисица охотно ходит оврагами вполгоры, а то и по самому дну глубоких складок местности, откуда голоса собак не слышны.

В некоторых подмосковных районах многие лисицы кружат под гончими в пределах 1-2 км, иногда подолгу не уводя собак со слуха. Наоборот, есть немало мест, где лисица стремится прежде всего увести гончих за 5, а то и за 10 км и лишь там принимается задавать более или менее правильные круги.

Бывает, что несмотря на наличие лисьих нор и даже большое их количество, лисица водит гончих чуть не целый день, не раз пройдёт через самые норы, а всё не норится. Но есть леса, где лисица ведёт себя как раз наоборот, где только стоит гончей подать голос по лисьему следу, как зверь немедленно со всех ног катит в первую попавшуюся нору, не разбирая даже, лисья она или барсучья.

Иногда трудно понять, почему лисица норится или не норится. Но есть случаи, объясняющие её поведение. Однажды моя выжловка гоняла лисицу буквально целый день с утра дотемна, лисица несколько раз побывала на норах, но так и не понорилась, и кончилось тем, что я поймал выжловку на следу. В чём же дело? В начале гона лисица, по-видимому, считала излишним спасаться в норе, так как из-за корки на снегу, державшей зверя, и резавшей ноги собаке, гончая не могла «нажать». В дальнейшем я, стоя на норах, неудачно стрелял, лишь оцарапав лисицу, и она, должно быть, стала бояться этих нор. Когда уже стало смеркаться, зверь снова стал кружить вблизи от нор, очевидно, усталость брала своё и ему хотелось скрыться в убежище.

В таких местах, где лисицы быстро норятся от гончих, мне случалось по белой тропе с успехом применять, так сказать, комбинированный способ охоты. Я использовал обыкновенные окладные флажки на шнуре. Поступал я так. Как только лисица норилась, брал собак на смычок, нору затыкал лесным хламом настолько плотно, чтобы лисица не могла вылезти, пока я отведу гончих домой и принесу оттуда флажки. Вернувшись к норе с полным комплектом флажков, я обтягивал ими участок леса вокруг норы, затем освобождал нору от сучьев и пеньков и уходил до утра. При этом я делал оклад такой величины, чтобы лисице, выбравшейся ночью из своего заключения, хватало простора и чтобы по крайней мере до самого утра она могла заниматься поисками «выхода из положения» и не разочаровывалась в этом деле до моего возвращения к окладу.

Важным условием этого способа охоты является такое расположение оклада, при котором нора оказывалась бы с краю, вблизи линии флажков, хотя и не на виду у неё.

Пораньше утром мы с товарищем приходили на место, приближаясь к окладу с той стороны, где была нора. Близость её к линии флажков давала возможность заткнуть нору, прежде чем зверь, заслышавший приближение людей и вообще уже настроенный тревожно, успеет снова спрятаться в своём убежище.

После этого охота производилась, как и во всяком офлаженном окладе: один из охотников становился на предполагаемый ход зверя, а другой исполнял обязанности загонщика.

Некоторые охотники в помощь гончим держат фоксов, которых приучают замирать у ног стрелка на лазу во время гона и которые при необходимости берут зверя в норе или выставляют его оттуда под выстрел.

Лисьи лазы под гончими очень типичны и определённы. Прежде всего лисица под гончими обязательно побывает на норах, как будто проверит возможность в крайнем случае спастись в них. Затем, очень характерными ходами гонной лисицы являются лесные тропки и неторные дорожки; довольно верным лазом обычно оказываются перекрёстки и развилки таких дорожек. Нередко лазы лисицы под гончими совпадают с лазами зайца-беляка. Лисица, как и этот заяц, предпочитает закрытые места. Поэтому обычен её ход там, где лесные участки сходятся друг с другом углами. Здесь лисица до последней возможности бежит лесом, чтобы перескочить открытое пространство в самом узком месте и скорее очутиться снова в лесу. Если в лесу есть поляны, то лисица предпочитает огибать их чащей или пройти под сводом насаждения как бы по касательной к углу чистины. Бывает, что из-под паратых гончих она вынуждена пересечь поляну. Но и в этом случае лисица проявляет своё стремление к укрытиям: через поляну она мчится там, где окажется куртинка деревьев или кустов, хотя бы стоят единичные деревья, или, наконец, в крайнем случае, где лежит крупная валежина.

Однако большинство лисьих лазов, несмотря на их приметность, не поддаются точному определению, не укладываются в стандартные рамки. Иногда по опыту прежних охот в данной местности охотник инстинктивно и верно определяет, где пройдёт гонная лисица. Постоянно охотясь с гончими в одних местах, нетрудно изучить ходы местного зверя и научиться «понимать» их. Опытный и наблюдательный человек способен угадать лаз и там, где охотится впервые: он как бы обладает «чувством лаза».

Следует отметить, что после неудачного выстрела гонная лисица чаще всего торопится в нору, а также то, что при глубоком рыхлом снеге она частенько пользуется для своего спасения проезжей дорогой, как русак. Лисица не может так двоить и троить след, так его путать и делать такие скидки, на какие способны зайцы.

Однако она умеет ловко использовать различные условия, затрудняющие работу гончей. Так, она не прочь пробежать по льду, с которого снег сметён ветрами и на котором след совершенно теряет свою пахучесть; нередко она использует песчанистые обрывы, пробежав по которым, тоже сбивает собак. Хорошо известен охотникам приём лисицы, очень опасный для собак — использование зверем железнодорожных путей. Разбирая на этих путях гонный след, забитый посторонними железнодорожными запахами, гончие нередко попадают под поезд. Вот почему охота с гончими вблизи полотна железной дороги очень опасна для собак там, где много лисиц.

Немалую опасность для гончей представляет и склонность лисицы бегать по льду только что замёрзших в конце осени озёр и рек: лёд, выдержавший лёгкого зверя, проламывается под собакой. Стараясь выбраться из полыньи, гончая карабкается на тонкий лёд, который снова и снова обламывается. Если охотник и заметит беду, он всё равно иногда не может спасти гонца от гибели.

ОХОТА НА ВОЛКОВ

В настоящее время с гончими на волков охотятся мало, так как для этого нужна хорошо сработавшаяся стая и, кроме того, во многих случаях другие способы оказываются эффективнее, но в некоторых местах и гончая может принести большую пользу в борьбе с этим хищником.

Размеры волков сильно варьируют в разных частях их ареала. Длина тела 105-160 см, хвоста 35-52 см. Вес колеблется от 30 до 50 кг, но встречаются и очень крупные особи, до 80 кг. Географическая изменчивость волков довольно значительная. В тундрах они не крупные (до 50 кг), светло окрашены, иногда почти белые. В лесной полосе крупнее и темнее. Самые мелкие волки живут в пустынях Средней Азии.

В пределах СССР волки распространены почти повсеместно (точнее, могут обитать повсеместно). Нет их на некоторых островах Северного Ледовитого океана, почти на всех островах Курильской гряды и некоторых других. Нет волков в горной части Крыма.

В некоторых областях страны волки истреблены, но возможно появление их здесь из соседних районов.

Широкое распространение волков не следует понимать как сплошное. Наоборот, они всюду поселяются спорадически, т. е. местами. Особенно много волков в Казахстане и Средней Азии, а в лесной полосе европейской части СССР они менее обычны; здесь они придерживаются районов, обжитых человеком. В сплошных лесах, а также в степях Украины волки редки. Ещё нагляднее прерывистое расселение волков в таёжной полосе Сибири и европейского Севера; здесь они живут исключительно

Рисунок 25. Тульская общественная стая. Взят выводок волков — пара матёрых и четыре прибылых (октябрь 1964 г.)

в долинах рек, где сосредоточены поселения человека. На громадных водораздельных пространствах тайги волков нет. Очень многочисленны волки в тундре.

Таким образом, волка нельзя назвать лесным зверем. Таёжные глубокоснежные области для него малокормны, что в значительной мере определяется малой опорной поверхностью его лап. Весовая нагрузка на 1 $см^2$ равна 89-103 г, тогда как у рыси она составляет в среднем 37, а у росомахи 30 г.

Волк сравнительно оседлый зверь, хотя в зависимости от количества корма он вынужден зимой бродяжничать довольно широко. Только в тундре наблюдаются сезонные кочёвки, связанные с перемещениями стад домашних животных, а местами и диких (оленей). Осенью происходит передвижение к югу, а весной к северу. Всю зиму волки держатся вблизи оленьих стад. Аналогичные кочёвки бывают и в горных южных областях за стадами овец и других копытных животных.

Волки успешно охотятся на самых разнообразных животных, от мышевидных грызунов до лося. В среднерусских областях волки питаются местами преимущественно домашними животными. Состав пищи волка сильно изменчив и географически и по отдельным годам. В тундре волки истребляют летом много линяющих гусей, а в южных областях ареала едят немало растительной пищи, — падаль груш, яблок, на бахчах арбузы и дыни. Волкам необходим водопой, поэтому и выводки их располагаются обязательно невдалеке от водоёмов или источников воды.

Гон у волков в средней полосе наступает в начале февраля, на Кавказе и в Средней Азии — в конце декабря — начале января, а в тундре — в марте — начале апреля. У старых волчиц течка начинается несколько раньше, чем у молодых. Моногамия хорошо выражена: самец держится с выводком до начала следующего года, и по многим наблюдениям нередко супруги остаются верны друг другу всю жизнь. Отец активно участвует в выкармливании молодых, очень возможно, что в период щенности и щенения кормит и самку.

Беременность продолжается, как у собаки, 62-65 дней. Волчица щенится обычно на поверхности земли, но не на гладком месте, а в логове — углублении в почве, защищённом кустами, корнями и травой. В тундре и в степях волчица выводит молодых преимущественно в норах, вырытых волками или брошенных другими животными. Число щенков в помёте от двух до тринадцати, чаще пять-семь.

Волчья семья держится вместе до начала следующего гона, нередко к ней присоединяются переярки (молодые прошлогоднего выводка) и тогда образуется стая до десяти и даже до пятнадцати особей.

Ущерб, причиняемый волками скотоводству и охотничьему хозяйству, очень велик и общеизвестен.

Наиболее страдают от волков овцы, составляющие 55% всех уничтоженных волками домашних животных. Если общие потери оленеводства принять за 100%, то на долю гибели от волков приходится 54-57%.

Волки представляют особую опасность при эпизоотии бешенства, однако известно немало случаев нападения на людей и здоровых волков, хотя, как правило, волк даже в стае опасается человека и избегает встречи с ним.

Работа гончих по волку допустима только в стае. Есть немало собак настолько злобных к зверю,

что гонят его в одиночку, но это крайне нежелательно, так как такой собаке рано или поздно не сносить головы. Известны случаи, когда охотники-гончатники с небольшой группой гончих в три-четыре собаки и даже с одним хорошим смычком брали волков, но такие случаи — дело редкой удачи и, конечно, далеко не характерны.

Правильная, систематическая охота по волкам возможна только со стаей гончих, причём гончие должны быть не только специально притравлены и приезжены для данной охоты, но, кроме того, при стае должны быть люди, постоянно работающие с ней и умеющие хорошо организовать всю охоту (доезжачие и выжлятники).

Стая, которая предназначена для охоты по волкам, должна быть особенно хорошо приезжена, т. е. быть безукоризненно послушной, и, кроме того, по возможности её не следует применять для охоты по другому зверю. Стая должна состоять не менее чем из пяти-шести смычков (десяти-двенадцати собак), причём, лучше, если в стае преобладают выжлецы, которые вообще отличаются большей силой и злобой по сравнению с выжловками.

В СССР известны сейчас две стаи, работающие по волку, обе русской пегой породы: стая Тульского областного общества охотников и стая Госохотинспекции при Калининском облисполкоме. Малое количество стай доказывает сложность и трудность этого дела, несмотря на его несомненную эффективность.

Для охоты с гончими по волчьим выводкам необходима предварительная тщательная разведка. После того как выводки разведаны путём опроса местного населения, пастухов и проверены подвывкой, после того как приездка (послушание) стаи закреплена частыми уроками и проводками, стая натренирована и втянута в работу теми же проводками и гоньбой по лисе — в августе начинается охота по волчьим выводкам.

Истребление волков при этом построено на комбинировании стрельбы волков, производимой охотниками-ружейниками, расставленными на номерах, с ловлей и уничтожением зверей самими гончими. Секрет успеха заключается в том, чтобы доезжачий навёл и набросил стаю прямо на волчьи логова; и гончие, разбившись на несколько групп, погнали нескольких волчат сразу. Таким образом, несколько зверей будут стреляны и заловлены собаками одновременно. После окончания первого гона послушные и позывистые гонцы быстро собираются выжлятниками и доезжачим и вновь набрасываются на логова, где, вероятно, затаилась часть молодняка. Опасность срыва охоты состоит в том, что отец выводка («материк») стремится принять на себя стаю и увести её напрямик как можно дальше. Пока доезжачий скачет за стаей, сбивает её со следа и, стараясь вернуть к логовам, тратит много часов, а то и весь день, мать уводит волчат в новое место и все работы по разведке и организации охоты нужно начинать заново. Поэтому важно, чтобы стрелки были расставлены на верных лазах и не дали бы уйти старым волкам. В удачном случае выводок, состоящий из пяти-восьми молодых, пары матёрых и нескольких переярков, может быть взят с гончими почти целиком.

Охота продолжается весь август, сентябрь и октябрь и, конечно, чем позднее осенью она происходит, тем меньше волков берётся самими гончими и тем большая роль достаётся охотникам-ружейникам.

Сложность охоты состоит не только в содержании большого числа гончих, но ещё и в большей разведочной работе, а также в необходимом участии в самой охоте значительного коллектива очень дисциплинированных стрелков. По пороше выводки волков не держатся на месте, разбредаются, волки становятся для собак всё опаснее и поэтому охота с гончими по волку зимой не практикуется.

Следует сказать о предложении организовывать волкогонные стаи из гончих, принадлежащих отдельным охотникам. В журнале «Охота и охотничье хозяйство», № 7 за 1960 г. была опубликована статья Воронежского охотника Г. Кольцова по этому вопросу. Автор, ссылаясь на свой опыт, пишет о возможности и сравнительной несложности создания для охоты на волков стаи из собак разных владельцев.

Производство охоты при этом очевидно будет таким же, как и со стаей одного владельца (общества охотников), включая разведку волчьих логовов и исполнение обязанностей доезжачего и выжлятника кем-то из участников охоты со сборной стаей.

Отличие от обычной работы с волкогонной стаей здесь будет заключаться в особой приездке, вообще в обучении собак и их притравке. В частности, особое внимание придётся уделить тому, чтобы частновладельческие гончие привыкли к человеку, избранному на роль доезжачего и как бы признали в нём своего второго хозяина. Затем необходим особый подбор собак, которые при злобе к

зверю не должны быть между собой драчливыми, кроме того, должны быть умеренно вязкими, очень позывистыми и, наконец, податливыми к приездке и ни в коем случае не отдирчивыми.

Далее, для сборной стаи требуются специфические приёмы притравки. Приучение к работе по волку здесь будет намного сложнее и труднее, чем в обычной волкогонной стае, где гончий молодняк, поступающий на её пополнение, оказывается среди большого числа опытных собак и как бы механически по примеру старших втягивается в гоньбу по опасному зверю, не боясь его.

Г. Кольцов признаёт, что в результате нескольких проб возможен отсев части включённых в сборную стаю гончих после обнаружения у них недостаточной злобы и смелости.

Допуская возможность создания сборной стаи при условии очень большого стремления договорившихся охотников и их исключительной дисциплинированности, нельзя всё-таки не учитывать, что дело это сопряжено с преодолением очень многих серьёзных затруднений и препятствий (взять хотя бы только подчинение гончих «вторичному хозяину» — доезжачему), что трудно ожидать широкого распространения данного вида использования гончих.

ОХОТА НА РЫСЬ

На охоте с гончей рысь — нечастая добыча. Гончатники мало охотятся на неё, пожалуй, потому, что редко кто знает, насколько интересна и верна эта охота с надёжным, злобным к зверю и паратым гонцом. Я отношу рысь к основным объектам охоты с гончей.

Рысь — зверь средних размеров. Длина тела взрослых рысей 85-105 см. Длина хвоста 19-31 см (он как бы обрублен). Длина уха 7-9 см. Высота в плечах 55-64 см (т. е. с хорошую гончую). Вес 10-23 кг, а старые звери весят даже до 32 кг.

Окраска меха подвержена большой географической и индивидуальной изменчивости и варьирует от палево-дымчато-белёсой до ржаво-красноватой. Непостоянен и рисунок в виде тёмных пятен на спине, боках и ногах. Отдельные пятна иногда сливаются, образуя короткие полосы. Летом рисунок ярче. Зимой шерсть значительно выше, мягче и гуще. На брюхе (обычно белом) мех гуще и длиннее, чем на спине. Особенно красивы рыси розовой окраски с голубоватым отливом.

Рысь заселяет почти всю лесную зону европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока, включая Сахалин. Изредка встречается в горных районах Камчатки. Изолированно от основного ареала отмечается в горных лесах Западной Украины, Кавказа, Казахстана и Средней Азии;

Широкое распространение рыси связано с её приспособленностью к различным географическим условиям. Она хорошо уживается в районах с глубокими и рыхлыми снегами, так как опорная поверхность лап относительно велика. Нагрузка на 1 $см^2$ поверхности равна в среднем 37 г, т. е. значительно меньше, чем у волка и лисицы. Кроме того, особенно густая и длинная шерсть на брюхе хорошо предохраняет от холода в районах с самыми сильными морозами.

Рысь — типично лесной зверь, но местами обычна и в безлесных горах. Живёт она преимущественно в густых высокоствольных лесах. Во время кочёвок (из-за недостатка кормов) заходит даже в степи, отмечены забеги и в населённые пункты. Местами поднимается выше 2500 м над уровнем моря.

Охотится в сумерки и ранним утром, но голодная и непуганая деятельна и днём. Добывает пищу главным образом в лесу, изредка на охоте выходит и в моховые болота. Охотится в одиночку (взрослые коты) или семьями (кошка с молодыми).

Есть сведения, что рысь не только скрадывает добычу, но и подкарауливает, сидя за прикрытием, на толстом суку или на корнях поваленного дерева. В случае неудачного нападения рысь не прекращает преследования жертвы, а ходит за ней иногда даже несколько дней, пока не добудет её.

Рысь хорошо лазает и плавает. Может бежать сравнительно долго и быстро, но значительно медленнее, чем хорошая гончая собака (если только снег ещё не глубок). Способна делать большие прыжки. При обилии корма живёт оседло.

Площадь индивидуального участка её охоты 10-25 $км^2$, а суточный ход обычно колеблется от 5 до 15, но бывает и до 20-25 км.

Для рыси характерны определённые излюбленные маршруты, что очень помогает охотнику найти этого довольно редкого зверя. Особенно большие переходы делает по насту. Выводок ходит, ступая след в след, так что неопытный человек может подумать, что шёл один зверь. Глубокий рыхлый снег и тонкий наст всё же затрудняют ход рыси и сокращают её переходы.

Пища рыси почти исключительно животная. Основным кормом служат зайцы и в некоторых районах мелкие копытные, существенное значение в пище рыси имеют мышевидные грызуны и птицы. Падаль ест в исключительных случаях. На домашний скот (только мелкий) нападает редко. На Алтае отмечено особенно частое поедание рысью косуль, маралов, кабарги.

Самым обычным у рыси является такой «рацион»: самка с двумя котятами каждую ночь ловит зайца и они втроём съедают его. Но часто бывает, что рысь, поймав большую добычу (или одинокий кот, поймав беляка), съедает немного, а большую часть бросает, зарыв в снег, и уже не возвращается к ней.

Гнездо рысь устраивает в буреломе в чаще леса, в низко расположенном дупле, под корневым выворотом, в расщелинах скал.

Течка бывает с конца января по апрель в зависимости от географического района (чем южнее, тем раньше), а также от кормовых условий и индивидуальных особенностей данной самки. Беременность длится около 70 дней. Котят чаще всего бывает два-три, иногда один-пять. Прозревают они на десятый-двенадцатый день. Мать кормит детей молоком два-три месяца, а остаются они при ней около года. Самец, по-видимому, не принимает участия в воспитании потомства. Во всяком случае осенью, по первым порошам (по моим многократным наблюдениям) отца при семье нет, и это очень важно для охоты с гончей, так как самка почти никогда не переходит в активную оборону, а будь при выводке оба родителя, они легко бы справились с одной гончей.

Половозрелость у молодняка рыси наступает в конце второго года. Продолжительность жизни около 20 лет. Враги рыси: волк и росомаха, где волки обычны — рыси нет.

Численность поголовья подвержена изменениям обычно в связи с количеством и доступностью кормов (особенно зайца-беляка).

Рысь приносит вред, истребляя полезных зверей и птиц, но в связи с её малочисленностью этот вред мало ощутим.

Удобнее всего охотиться на рысь с одной гончей. Нужно только, чтобы это была паратая, злобная, вязкая и голосистая собака. От стаи рысь будет уходить высоко на дерево и прятаться в его кроне, где разглядеть и убить её (например, в еловых лапах) не всегда удобно.

Рысь более или менее обычна только в лесной полосе, поэтому охота на неё с гончей относится к северным районам нашей страны. Зверь этот вообще немногочислен и, кроме того, во время своих ночных охот делает очень большие переходы (до 10-20 км). Поэтому доверить розыск и подъём рыси гончей невозможно. Организация охоты строится на том, что зверя должен найти сам охотник, что, конечно, возможно только по снегу. Следовательно, наиболее удобное время для планомерной охоты на рысь с гончей — начало зимы, ограничивается оно периодом мелких снегов.

Охота производится так. Охотник или охотники (не более двух-трёх) ведут собаку на сворке, причём стараются пересечь известные им на местности рысьи переходы, которые у этого зверя отличаются большим постоянством. Найдя по пороше свежий рысий след, охотники стараются обложить зверя (обойти его кругом, взять в круг). Обычно это удаётся не сразу, иногда приходится сделать несколько десятков километров, прежде чем из очередного оклада не будет выходного следа. Тогда в круг ведут собаку по следу до тех пор, пока она не станет сильно тянуть и тем самым показывать, что зверь близок. Гончую спускают со сворки и начинается гон. Сделав небольшой кружок около места лёжки, рысь бросается вдаль, не делая замкнутых кругов, как лисица или заяц, а лишь зигзаги.

Если найдена семья (кошка с молодыми), то, как только собака погонит, звери бегут врассыпную и гон идёт лишь по одному из них. Ориентируясь по звучному голосу собаки, охотники бегут, срезая углы, стараясь быть как можно ближе к гону. Если лай не слышен, то охотники спешат по гонному следу. Молодая рысь выдерживает преследование паратой гончей не более 1-2 км, а матёрая — до 4-6 км. Затем силы зверя иссякают, гончая догоняет его и он останавливается, садясь в оборону на земле, если собака одна, или взбираясь на дерево, если гончих несколько. Впрочем, иногда рысь спасается на дереве и от одной напористой собаки. Гончая, вплотную нагнав рысь, меняет голос, а охотники, слыша это, начинают более осторожный подход и бьют зверя так, чтобы выстрел был не опасен для собаки. Необходима очень большая осторожность, чтобы не убить или не ранить товарища, оказавшегося при подходе с другой стороны от зверя. В случае, если взята рысь из семьи, охотники возвращаются к следам остальных зверей, которые обычно задерживаются невдалеке. Часто удаётся взять всю рысью семью.

На этой охоте наиболее важна вязкость гончей, которая должна держать и облаивать рысь на месте до прихода охотников.

Я не знаю случаев нападения рыси на охотника, но собаке иногда приходится сражаться со зверем и она вовсе не застрахована от серьёзных и даже тяжёлых ранений.

Это бывает со смелыми, напористыми гончими, когда охотники не могут быстро подоспеть к месту, где рысь остановлена гончей.

Мне памятен один из таких случаев. В марте установился наст, который морозным утром хорошо держал человека на лыжах. Как-то с вечера выпала небольшая порошка, и поутру след стал «печатным». Взяв на сворку нашего опытного по рысям выжлеца, мы вдвоём с товарищем отправились на поиски. Идти по морозцу было легко, лыжи, казалось, сами так и несли нас. Пороша сделала ходьбу ещё удобней, теперь лыжи не разъезжались в стороны, как по голому насту. Однако к полудню, когда нам удалось перехватить одиночный след рыси, очевидно старого кота, мороз сдал и к лыжам стало немного подлипать. Первый оклад сделали сравнительно легко. Зверя в нём не оказалось. Второй круг был заметно тяжелей, подлипало уже сильнее, но рысь оказалась в кругу. Нельзя же бросить такого зверя, когда он, можно сказать в руках! Пустили выжлеца по следу, он ринулся в оклад и вскоре погнал. И его, и рысь наст держал крепко.

Мы побежали за гоном... Но хорошо сказать «побежали»! Теперь уже через несколько шагов лыжи превращались в снеговые бревна, и мы то едва тащили их ногами, то ежеминутно счищали налипавший снег, то с отчаяния пытались идти пешком. Но наст не выдерживал нас, и мы проваливались и бились, вынужденные буквально проламывать дорогу... Наш гонец необычно быстро остановил зверя и принялся обрехивать его на месте.

До него было каких-нибудь полкилометра, но как нам преодолеть это расстояние! Мы рвались вперёд, падали, вскакивали, ухались в глубину проклятого плотного снега и еле-еле подвигались...

Когда мы метров на сто не доползли до ельника, где гремел выжлец, в чаще послышалась грызня. Вероятно, гончий решил, что подмога близка и стал наседать на неприятеля так, что тот был вынужден вступить в драку. Мы устремились на выручку к гонцу ещё горячей, старались изо всех сил, казалось, сердце вот-вот разорвётся от напряжения... Мы были уже в полусотне шагов... Но шум боя смолк, и из ельника навстречу нам выбрел выжлец, едва передвигаясь и ковыляя на правой передней и левой задней ногах, лишь чуть опираясь на две другие окровавленные. На месте сражения мы нашли клочья его чёрной шерсти и розового рысьего пуха... На следующую осень выжлец снова работал по рысям.

ВТОРОСТЕПЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОНЧЕЙ

ОХОТА НА БАРСУКА

Барсук попадается гончим очень редко, так как, во-первых, это ночной зверь, во-вторых, обычно уже вскоре после открытия охоты с гончей он залегает на зимнюю спячку в нору; кроме того, барсук у нас вообще немногочислен. Таким образом, охота на барсука с гончей случайна. В некоторых областях в связи с малочисленностью зверя добыча его полностью запрещена.

Если барсук почему-либо не успел убраться в нору на днёвку, когда гончие пущены в лес, они легко могут на него натечь и погнать. Большинство гончих охотно гонит этого зверя, и гон по нему, начинаясь с добора, пока собаки ещё не насели на него вплотную, быстро становится горячим, ровным и азартным. Барсук не может быстро бегать, поэтому гончие вскоре догоняют его. Настигнутый собаками зверь «садится в оборону», стараясь обеспечить себе тыл толстым деревом или густым кустом. Облаивание барсука на месте совершенно отлично от гона; голоса гончих звучат, как лай на чужого человека, и так же, как это бывает при остановке рыси.

Случается, что злобные гончие сами берут барсука и душат его, но на это способны далеко не все собаки, даже хорошо берущие лисиц и подростков волков. Если гончие сами не справились с барсуком, то его стреляют из ружья или просто бьют палкой по носу, разумеется, рассчитывая удар так, чтобы не задеть собаку.

С барсуком нужно быть очень осторожным и не трогать, пока он подаёт признаки жизни, так как хватки (укусы) этого зверя очень болезненны и долго не заживают.

ОХОТА НА КАБАНА

Гончие охотно гонят кабана и местами (например, на Кавказе, в Средней Азии) используются для добычи этого зверя.

Для такой охоты годны не только настоящие гончие, но и беспородные собаки, так как многие из них способны злобно и напористо преследовать кабана, поднимая при этом достаточно лая. Вообще гон по кабану не требует ни тонкого чутья, ни мастерства, нужно лишь, чтобы собаки были достаточно смелые и дружные, да чтобы их было много (пятнадцать-двадцать собак).

В связи с этим нет особого смысла пускать по кабану породных гончих, тем более, что работа по этому зверю небезопасна для собак.

Охота по кабану — одна из неподвижных охот. Распорядитель охоты расставляет охотников (десять-двенадцать человек и более) на стрелковой линии, как это делается на обычной облаве, назначает каждому сектор обстрела и даёт сигнал о начале гона. По этой команде доезжачий со своими помощниками снимает с гончих смычки и набрасывает собак в лес или массив камыша и затем двигается лесом, усиленно порская, с целью поскорее стронуть зверей и дать им направление к стрелковой линии.

Обнаружив кабанов, гончие принимаются гнать их, разбившись на несколько стаек по три-четыре собаки, если кабанов много. Кабаны бегут быстро, иногда поодиночке, иногда небольшими группами, по двое-трое. Прорвавшись через стрелковую линию, нераненые и раненые кабаны увлекают за собой собак. Если только местность допускает движение верхом на лошади, то очень важно, чтобы доезжачий и его помощники были на лошадях и могли пристреливать зверей, задержанных собаками.

Раненый кабан, особенно старик-секач, очень опасен, и вообще редкая охота обходится без более или менее серьёзного ранения и даже гибели слишком азартных и настойчивых собак.

После окончания одного загона собирают гончих и начинают следующий загон. Иногда, кроме гончих, в затоне участвуют и загонщики, которые, двигаясь с криком и шумом за гончими, не дают кабанам уйти назад или в стороны.

ОХОТА НА КОСУЛЮ И ЛОСЯ

Охота на косулю и лося у нас ограничена: она допускается лишь в течение очень непродолжительного периода в году и, кроме того, только по специальным разрешениям в пределах норм отстрела, устанавливаемых охотничьей инспекцией. В связи с этим гончая мало используется для этой охоты. Следует ещё добавить, что работа гончей по этим животным крайне нежелательна. Дело в том, что раз-другой познакомившись с убитыми козлами или лосями, гончая слишком привязывается к гону по копытным зверям и всё меньше и меньше интересуется обычными объектами — зайцем и лисицей.

Нередки случаи, когда гончая до такой степени становится жадной к копытному зверю, что из охоты с ней по зайцу или лисице ничего не выходит. Такая собака ищет прежде всего лося или косулю, а подняв зайца, легко бросает его, если ей попадётся свежий след копытного.

Косуля под гончей ходит в некоторых местах на правильных кругах, но есть местности (например, Новгородская область), где козёл под гончей уходил напрямик на 10-15 км. Там, где косуля ходит под гоном на кругах, охота может быть успешной. Гон идёт ровно, сколов почти нет, а если и случится, то лишь самый непродолжительный. Стрельба по козлу на его очень быстрой скачке нелегка.

Охота с гончей на лося основана на том, что проведя за собой собаку (или собак) некоторое расстояние (иногда даже 5-7 км), лось останавливается. Тут отважная и упорная гончая может, непрестанно облаивая зверя, держать его на месте настолько долго, что охотники успеют подойти и убить быка на стойке.

Как и в других охотах подобного рода, нужна исключительная осторожность, чтобы в лесной чаще не выстрелить в товарища.

Собака должна быть также осторожна, так как слишком напористую лось одним ударом ноги легко может убить или искалечить.

Большинство охотников-гончатников отучают своих собак от гоньбы лосей. Правильный приём при этом — никогда не приближаться к остановленному гончими лосю и отзывать их издали. Убеждаясь в том, что этот зверь хозяина не интересует, гончие всё меньше и меньше задерживаются около лося и наконец перестают обращать на него внимание.

ОХОТА НА БЕЛКУ И ПТИЦУ

Гончая довольно легко приучается преследовать по существу не типичных для охоты с ней животных.

Помню случай, когда начинающий охотник совсем испортил свою молодую гончую, начав её обучение с охоты на белку. Белки в тот год в этой местности было много, причём держалась она повсеместно, даже в мелколесье с некрупными, но уже плодоносящими соснами. Ходил парень со своей собакой исключительно по обширным в тех местах площадям молодых насаждений, и гончая очень быстро «освоила» то, что от неё требовалось: шаря по лесу, она находила белок, которые, спасаясь на невысоких деревцах, оставались на виду.

Молодой охотник, жадный к лёгкой добыче, научил свою выжловку даже облаивать белку «на глазок» и добыл таким способом больше полусотни белок, систематически скармливая гончей ободранные тушки.

Пристрастие к белке выработалось такое, что позже эта гончая, кое-как начав гонять зайца, сразу бросала его, лишь попадала на беличью жировку.

Недопустимо стрелять белок во время нагонки молодой гончей даже случайно, так как это может возбудить ненужный, вернее, вредный интерес гончей к зверьку.

Встречаются охотники, использующие своих гончих для охоты на уток, в частности, для подачи с воды убитой птицы. Так как эта охота производится не в тот сезон, когда гончая должна гонять зверя, то, пожалуй, такое применение собаки может и не повредить ей, особенно, если её позднеосенняя работа в лесу будет проходить вдали от утиных угодий. Однако подлинные любители охоты с гончей не станут стремиться к подобной утилизации собаки, тем более, что когда-нибудь это может плохо сказаться на её работе. Например, гончая-утятница, попав в лес, по которому протекает камышистая речка и вспомнив свои августовские успехи, привяжется к заливам и коленам речки и трудно будет заставить её заняться своим прямым делом — розыском зайца или лисицы.

Охота с гончей по тетереву тем более недопустима, так как собака, привыкшая к этой дичи, ещё легче может отвлекаться от зверя.

ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Необходимость проверки рабочих качеств гончих на испытаниях для выявления лучших полевых производителей признана охотниками-гончатниками уже давно. Первая полевая проба гончих в нашей стране состоялась в 1900 г. В дореволюционной России полевым пробам не придавалось необходимого значения, поэтому до 1917 г. их было проведено только семь, испытано на них всего двадцать единиц.

В советское время полевые испытания гончих уже вскоре после 1-го Всесоюзного кинологического съезда 1925 г. получили должное развитие. В настоящее время в СССР полевые испытания проводятся ежегодно во многих областях РСФСР, в УССР, БССР и других республиках. За годы советской власти общее число полевых испытаний в сотни раз больше числа испытаний, проведённых в дореволюционное время. Кроме того, в Московской, Ленинградской, Тульской и некоторых других областях организуются испытательные станции. Популярность испытательного дела среди гончатников достигла такой степени, что в некоторых наиболее богатых гончими областях осенний период работы испытательных станций оказывается недостаточным и в дополнение к осенним создаются ещё и весенние испытательные станции.

За свою более чем шестидесятилетнюю историю наши полевые испытания претерпели немало и притом очень существенных изменений.

Первые правила полевых проб гончих, разработанные бывш. Московским обществом охоты в 1900 г., предусматривали испытание только смычков. Расценка их работы производилась по стобалльной таблице.

На полевых пробах судила коллегия из трёх судей. Испытания проводились по зайцу-беляку, являющемуся по распространённому мнению «пробным камнем» для гончей, и только по чернотропу. По русаку и лисице гончие не расценивались, хотя эта работа при окончательных выводах могла учитываться.

Полаз	Мастерство на сколах и исправление следа	Вязкость	Голос		Свальчивость и ровность ног	Паратость	Позывистость	Общий балл
			Сила	Фигурность				
20	20	20	10	5	10	10	5	100

В 1901 г. на полевые пробы стали допускаться стаи и стайки, и с этого времени до 1913 г. (последняя дореволюционная проба) на пробах испытывались преимущественно стаи. В 1911 г. расценочные таблицы выглядели так:

Полаз	Мастерство	Вязкость	Голос		Свальчивость	Ровность ног	Паратость	Позывистость	Общий балл
			Сила	Фигурность					
Для смычков									
12	25	20	10	5	5	10	10	3	100
Для стай									
10	25	20	10	5	7	10	10	3	100

Для получения дипломов испытываемые собаки должны были набрать минимум общего балла: для диплома I степени 80, для диплома II степени 70 и для диплома III степени 60, т. е. те же общие минимумы, которые приняты и в настоящее время.

Несовершенство прежних таблиц и их приуроченность к испытанию только групповых единиц не

удовлетворяли советских охотников, и поэтому 1-м Всесоюзным кинологическим съездом в 1925 г. были выработаны новые правила полевых проб и новые расценочные таблицы отдельно для одиночек, приобретавших всё большее значение, и для групп:

Полаз	Добычливость	Мастерство	Чутьё	Вязкость	Голос		Свальчивость	Ровность ног	Паратость	Позывистость	Приездка	Общий балл
					Сила	Фигурность						
Для одиночек												
15	5	20	10	15	10	5	—	—	10	5	5	100
Для смычков, стаек и стай												
10	5	15	10	10	10	5	5	10	10	5	5	100

С введением этих таблиц были признаны, наконец, важнейшим делом проверка и расценка именно одиночек, сделан ещё большой и разумный шаг к уточнению значения отдельных элементов работы гончей и выделены, как особые элементы, добычливость, чутьё и приездка.

Впоследствии на Всесоюзных кинологических совещаниях в 1939, 1947 и 1954 гг. правила испытаний гончих, а вместе с тем и расценочные таблицы неоднократно пересматривались и корректировались. Ныне действующие расценочные таблицы имеют следующий вид:

Полаз	Добычливость	Мастерство	Чутьё	Вязкость	Голос		Верность отдачи голоса	Паратость	Свальчивость	Ровность ног	Приездка	Общий балл
					Сила	Фигурность						
Для одиночек												
10	5	25	10	15	10	5	5	10	—	—	5	100
Для смычков и стай												
5	5	25	—	15	10	5	5	10	5	5	10	100

Как видно из этих цифр, в современных таблицах введена ещё одна новая графа «Верность отдачи голоса». Резко отличаются существующие таблицы от первоначальных и повышенным удельным весом «мастерства», а также установлением по нескольким графам минимумов, необходимых для получения дипломов.

Такие минимумы установлены по графам (элементам):

Элементы работы	Минимумы для получения диплома		
	I степени	II степени	III степени
Мастерство	20	18	16
Голос (сила)	7	6	5
Верность отдачи голоса	4	4	3
Свальчивость	4	4	3
Ровность ног	4	4	3
Приездка (для смычков и стай)	6	6	6
Общий балл	80	70	60

Рисунок 26. На состязаниях. Жеребьёвка

Указанные минимумы, несомненно, очень правильны и обоснованны. Действительно, не следует награждать гончую дипломом полевого победителя, какой бы общий балл она ни набрала, если у неё неудовлетворительное мастерство или плохой голос, или она слишком много врёт в его отдаче. Также недопустимо одобрять работу стаи, как бы вязка она ни была, какие бы ни были в ней великолепные голоса, если у неё неудовлетворительные свальчивость и ровность ног, и гонят стайные собаки, как говорится, «кто в лес, кто по дрова».

В дело испытаний радикальные изменения внесла также большое расширение условий испытаний: во-первых, в настоящее время правила предусматривают проведение испытаний не только по чёрной тропе, но и по белой (при глубине снега до 20 см); во-вторых, расценка и присуждение дипломов допускаются не только по беляку, но и по русаку и даже по лисице с ограничением, правда, в последнем случае дипломом не выше III степени.

При всех изменениях правил испытаний оставалось незыблемым требование судейства коллегией из трёх судей.

Новейшие правила испытаний гончих отличаются прилагаемой к расценочной таблице «Ориентировочной шкалой примерных скидок». Стремясь, с одной стороны к возможной стандартизации судейства, к выработке единой методики его, а с другой, — желая облегчить судьям подход к оценкам отдельных элементов работы гончей, составители новых правил разработали шкалу снижения балла в зависимости от тех или иных недостатков, проявленных гончей на работе. Например, в зависимости от числа и продолжительности сколов и перемолчек оценка за мастерство может быть снижена на три, пять, семь и более баллов.

В зависимости от аллюра, на котором ищет собака, а также дальности и характера её полаза может быть поставлен по этому элементу полный балл или снижен на некоторое число балловых единиц.

Так как работа гончей протекает в бесконечно разнообразных условиях, поведение зверя под гоном весьма разнохарактерно и, кроме того, даже судейские наблюдения крайне неоднородны, то «шкала скидок» не может быть законом, а играет лишь роль указателя примерных придержек. Поэтому она и названа «ориентировочной», чем подчеркивается необязательность её указаний.

По мере популяризации испытаний гончих и приобретения ими всё более и более важного значения в племенном деле, к методике испытаний стали предъявляться всё более серьёзные требования. Система бывших «полевых проб» и сменивших «пробы» таких же краткосрочных «полевых испытаний», которые давали лишь беглое знакомство с рабочими качествами гончей и зачастую не могли обеспечить получение данных, необходимых для всесторонней и вполне обоснованной оценки собаки, эта система подвергалась справедливой критике и была признана недостаточной для современного состояния собаководства.

Была выдвинута мысль об организации «испытательных станций» гончих. В противоположность «испытаниям», рассчитанным на проведение в каких-нибудь два-четыре дня, где каждой собаке разрешалось работать лишь по одному зверю, испытательная станция является своего рода стационаром со сроком полтора-два месяца и с предоставлением каждой испытываемой собаке гораздо больших

возможностей проявить себя, вплоть до повторения испытаний в течение того же осеннего или весеннего сезона.

Основными на испытательной станции стали следующие принципы.

Во-первых, каждой испытываемой собаке предоставляется четыре-пять, а иногда и более часов, в течение которых она может показать себя с гораздо большей полнотой, чем за час-полтора работы на обычных испытаниях.

Во-вторых, обязательно предоставляется работа по двум зверям, что в значительной мере предохраняет от случайностей в оценке.

В-третьих, так как местность и ход зверя на испытательной станции за длительный срок её действия отлично изучены судьями, почти исключены случаи, когда зверь из-под гончей не будет перевиден, если, конечно, она не бросит его на первых же минутах.

В-четвертых, длительность срока деятельности станции позволяет избегать испытаний в особенно неблагоприятную погоду.

В СССР первая испытательная станция гончих была организована 16 октября 1930 г. товариществом «Московский охотник» в заказнике при ст. Кубинка Наро-Фоминского района Московской области. За первые тридцать три дня на первой испытательной станции были проверены пятнадцать гончих. Шесть из них получили дипломы III степени, пять не набрали дипломных баллов и четыре остались неоцененными, так как за два напуска по два часа каждый они не сумели поднять зайца. Мерилом для оценки была принята работа гончей только по зайцу-беляку.

В настоящее время Московская испытательная станция и её филиалы пропускают ежегодно за осенний и весенний испытательные периоды не менее 150-200 гончих, в 10 раз больше, чем в 1930 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПЫТАНИЙ ГОНЧИХ

От правильной, умелой и своевременной организации зависит успех испытаний. Испытания гончих производятся в основном по зайцу-беляку, а там, где его нет, — по зайцу-русаку. Отсюда следует, что первый и главный организационный момент — подыскание для испытаний местности, в которой этот зверь имелся бы в достаточном (не чрезмерном) количестве.

Место испытаний, предварительно намеченное по сообщениям охотников и других лиц, знакомых с данным районом, должно быть серьёзно обследовано. Организационный комитет, назначенный Обществом охотников или местной охотинспекцией, проводящими испытания, командирует на место опытных охотников с надёжными гончими, которые и выявляют наличие зверя, его численность и размещение по территории. Одновременно изучаются особенности избранного места, выясняются его положительные и отрицательные стороны и устанавливается степень его пригодности для проведения испытательной работы.

Наиболее желательным для испытаний гончих следует считать такое количество зайца-беляка, когда плотность заселения им угодий составляет двадцать — тридцать особей на 1000 га территории.

Наилучшие угодья для проведения испытаний или устройства испытательной станции гончих — это значительный разновозрастный лесной массив с ровной поверхностью, перерезанный полосами вырубок, сенокосными полянками, прогалинами и другими открытыми участками и, кроме того, имеющий достаточное количество просек, дорог и троп, удобных для перехватывания гонного зверя и наблюдения за его поведением и работой гончих. Очень важно, чтобы избранное место было вблизи от станции железной дороги или удобно для подъезда на автомашинах.

Второе условие для успешности испытаний — выбор удачного срока их проведения. Этот срок для северных областей может быть более ранним, а для южных более поздним.

Так, в Вологодской области испытания гончих успешно проводились уже во второй половине сентября. Для Саратовской области этот срок непригоден, там сентябрь ещё слишком тёплый месяц, и гончим в это время работать трудно.

В зависимости от погоды сроки испытаний могут передвигаться, но следует считать, что для большинства областей наилучшим временем испытаний гончих является октябрь и особенно его вторая половина. Ноябрь менее удобен, так как в это время легко может образоваться белая тропа, по которой испытания, хотя и возможны, но менее желательны, чем по чернотропу.

Третий организационный момент — это заблаговременное оповещение охотников о предстоящих

испытаниях и привлечение как можно большего числа участников. Запись на испытания проводится планомерно и заранее.

Организационному комитету необходимо также заранее подобрать судей и договориться с ними, подготовить в районе предстоящих испытаний помещения для участников испытаний, для собак и обязательно изолированную судейскую, чтобы судьи могли обсуждать расценки собак и другие вопросы, связанные с судейской работой, не стесняясь присутствием лично заинтересованных охотников-гончатников. Особенно важна возможность полного отделения судей от участников на состязаниях, где оценка работы собак связана с соревнованием владельцев и такими материальными вопросами, как присуждение призов.

Если местность изобилует дорогами и открытыми полянами и, особенно, если по местным условиям испытания проводятся по русаку, очень желательно предоставить в распоряжение судей верховую лошадь.

Транспортирование судей, охотников и гончих к месту испытаний также является организационной функцией оргкомитета, который обязан оповестить о расписании поездов, сборных пунктах и других обстоятельствах, связанных с переездом по железной дороге, или, если приезд на испытания будет осуществляться по шоссейным или грунтовым дорогам, своевременно подготовить необходимое количество автомашин грузового или полугрузового типа и обеспечить регулярные рейсы между отправным пунктом и районом испытаний.

СУДЕЙСТВО НА ПОЛЕВЫХ ИСПЫТАНИЯХ ГОНЧИХ

Судейство на испытаниях гончих следует признать одним из самых трудных среди испытаний охотничьих собак. Если на испытаниях легавых или лаек вся работа собаки протекает на глазах судей, причём они имеют обычно совершенно наглядные и даже удобные для измерения показатели качества работы (например, дальность чутья легавой может быть измерена шагами), то о работе гончей приходится судить главным образом по звукам гона, по голосу собаки, который к тому же временами сходит со слуха из-за дальности хода зверя, овражистости и т. п. Только огромный опыт, которым должен обладать судья-гончатник, позволяет ему разобраться в работе собаки на слух и по небольшим отрезкам гона, которые ему удаётся видеть.

Для судейства на испытаниях назначается коллегия из трёх лиц, к коллегии прикрепляются один-два стажёра.

В качестве судей на испытаниях подбираются преимущественно лица, имеющие судейское звание. Если по каким-либо причинам судейская коллегия не может быть создана полностью из квалифицированных судей, то, по крайней мере, главный судья испытаний обязательно должен иметь звание судьи не ниже первой категории, а второй и третий судьи, если и не имеют судейского звания, то обязательно должны быть очень опытными охотниками с гончей и притом уже всесторонне знакомыми с делом испытаний и оценкой гончих на них. Установленная правилами судейская коллегия из трёх человек в практике нередко подменяется всего двумя судьями. Это очень нежелательно, ибо иногда обстоятельства работы гончей складываются так, что зверя перевидеть трудно и лишний человек может оказать очень существенную помощь. Организаторам испытаний необходимо также с большим вниманием относиться к подбору и привлечению стажёров, так как нехватка судейских кадров — явление обычное везде, а во многих областях этот вопрос стоит очень остро. В стажёры должны избираться люди не только опытные в охоте с гончей и отлично понимающие работу собаки, но и горячо интересующиеся делом испытаний гончих, желающие приобрести судейское звание и способные к этой работе.

На испытаниях все судьи (а также и стажёры) должны вести точные и тщательные записи всего, что относится к работе каждой собаки. Прежде всего в судейской книжке в начале каждого дня испытаний отмечается погода (температура воздуха, ветер, осадки и пр.), состояние тропы, а также кратко описывается местность, если в разные дни используются различные участки территории. Перед испытанием каждого номера (собаки, смычка, стаи) записываются следующие основные сведения: клички собак, порода и пол; возраст; происхождение; фамилия, имя, отчество, владельцев, их адреса; фамилии ведущих, если ведут не владельцы.

После окончания предварительных записей ведущему предлагается продемонстрировать приездку

собак. Затем отмечается время напуска с точностью до минуты и ведутся записи, характеризующие манеру работы данной гончей и все её особенности, а также отмечаются по часам моменты подъёма зверя, начала и конца перемолчек и сколов[1] и, конечно, время прекращения испытаний и особо время принятия ведущим гончей на сворку.

Для отметки всех существенных моментов удобно применять таблицу, аналогичную предложенной Н.П. Пахомовым.

Время напуска и взятия на сворку	**Время подъёма зверя и прекращения испытания**	**Продолжительность гона**	**Перемолчки и сколы**
9 ч 12 мин 11 ч 31 мин	10 ч 09 мин 11 ч 15 мин	10 ч 09 мин (3 мин) 10 ч 14 мин (6 мин) 10 ч 21 мин (5 мин) 10 ч 31 мин (7 мин) 10 ч 39 мин (11 мин) 11 ч 07 мин (8 мин) Итого 40 мин	10 ч 12 мин (2 мин) 10 ч 20 мин (1 мин) 10 ч 26 мин (5 мин) 10 ч 38 мин (1 мин) 10 ч 50 мин (17 мин) Итого 26 мин

Подобная система суммарных выводов общей длительности собственно гона и перерывов в нём даёт сразу же довольно правильное общее впечатление. Даже если общая продолжительность гона велика — 1 ч., а то и несколько часов, подробная запись множества сколов и перемолчек, сумма которых намного превышает итог отрезков собственно гона, с очевидностью указывает на неудовлетворительность гончей.

Точные отметки всех моментов гона должны делать все судьи, так как, находясь в разных точках местности, каждый из них может наблюдать то, что ускользает от других из-за дальности, ветра, оврага или иных обстоятельств. По окончании испытаний судьи сравнивают записи.

После напуска гончей один из судей должен идти вместе с ведущим, чтобы лучше изучить полаз испытывающейся собаки. Для правильной оценки полаза нужно наблюдать его не столько в первые минуты после напуска, когда собака может проявить несвойственную ей энергию, а позже, когда она «обойдется». Встречаются гончие, у которых усердия в полазе хватает лишь на 15-20 мин, а потом они стараются держаться всё ближе к хозяину и ход их становится безнадёжно вялым. Подобный полаз не заслуживает хорошего балла, даже если на первых порах гончая искала быстро и глубоко. Точно так же судьи не поставят полный балл за самый блестящий полаз, если собака не сумела самостоятельно добыть зверя.

Добычливость на испытаниях определяется очень неточно, и её оценку надо считать условной, так как всё зависит от случайности. Нередко на испытаниях и даже на испытательных станциях ради выигрыша времени судьи разрешают насаживать гончую на след зайца, поднятого самими судьями или участниками испытаний. В подобном случае нельзя дать гончей за добычливость высокий балл, но нельзя поставить и самый низкий — единицу. Наиболее правильный выход из положения такой: если гончую поставили на шумового зайца в первой половине часа, положенного на подъём, то за добычливость ей ставят три; если же это произошло уже во второй половине законного часа, то приходится ставить два. Показателями мастерства должны служить ровность и продолжительность гона, количество и длительность сколов и перемолчек, сноровка в их выправлении. В таблице балловых скидок, приложенной к действующим правилам испытаний, даётся подробная шкала для оценки мастерства в зависимости от длительности работы на гону и соотношения между временем собственно гона и суммой периода молчания гончей в связи с потерей следа. Такой подсчёт может дать важный материал, но это ещё не всё. Если бы судьи основывались лишь на нём, то делали бы много ошибок и попадали в тупик.

[1] Перемолчка — кратковременное прекращение отдачи голоса собакой, когда она пронеслась на крутом повороте зверя или на скидке, но справляется не более чем через 2 мин. Скол — длительное молчание гончей, когда заяц успевает залечь или удалиться и собака должна работать на кругах, чтобы перехватить след зверя там, где запах его лучше сохранился, или отыскать запавшего зверя.

Ведь то, что при одной погоде и тропе не удовлетворительно, при других обстоятельствах может заслужить поощрение. Например, мароватый гон при хороших условиях заставляет браковать работу гончей, а по пёстрой тропе позволяет иногда присудить диплом. Редко бывает, что каждый момент работы гончей ясен и зарегистрирован: то зверь уводит собаку со слуха, то гон проваливается в оврагах, то заглушается трактором, то судьи не успевают записывать бесчисленные перемолчки, так как бегут за гоном. А как обивает отдача голоса на сколе, неотличимая у иных гончих от гона! Сколько таких «доборов» попадает в зачёт гона!

Примеры из практики испытаний наглядно показывают, какую гибкость приходится проявлять судьям. Пример первый. На костромских испытаниях в 1949 г. русская выжловка Сильва гнала беляка более часа. Гон шёл на слуху у судей, перемолчки и сколы не превышали 40% общего времени работы на гону, а дать диплом было невозможно. Почему? Много раз судьи, подставляясь под гон, видели выжловку, а зайца не было. Казалось, что Сильва чуть ли не пустобрех. Позже, изменив тактику, удалось не раз перевидеть зайца и собаку и убедиться, что она всегда идёт с отставанием на 10-12 мин и больше, так как даже на слабых поворотах сбивается и весь её гон — сплошное выправление скола. Нельзя было признать такое мастерство удовлетворительным. Пример второй. На тульских испытаниях в 1957 г. русский выжлец Будило работал при сильном ветре в лесу с неопавшей листвой. На верховой лошади удавалось следить за гоном, но он всё же не раз терялся за ветром и в оврагах. Точной отметки всех сколов и перемолчек не могло быть, но и по отрывкам гона стали ясны выдающиеся качества Будила, ему был дан диплом II степени.

Для правильной оценки нужно как можно больше видеть гончую на гону, не ограничиваясь слушанием и тем, что заяц перевиден в начале тона. Нужно вдумчиво, не шаблонно оценивать мастерство, помня, что тут что ни собака, что ни работа — всё идёт по-своему, всё не так, как у предыдущего испытуемого номера. Никакие вспомогательные «шкалы скидок баллов» не помогут, если судья не умеет как следует анализировать работу гончей в её сложных связях с конкретными условиями данного места, данного дня.

Оценка чутья гончей часто оказывается условной в связи с тем, что в большинстве случаев никакими конкретными цифровыми мерками здесь пользоваться не удаётся в противоположность испытаниям легавых, где зачастую силу чутья можно определить в зависимости от числа шагов, расстояния, на котором собака причуяла птицу. Обычно чутьё гончей оценивается по совокупности всей её работы и во многих случаях качество чутья как бы сливается с качеством мастерства. Однако судьи должны искать и улавливать все моменты, которые прямо или косвенно характеризуют именно чутьё.

Так, о силе чутья много говорит быстрота, с которой гончая принимает след, налетев на него на кругах во время скола, хороший гон во время дождя. Показателем выдающегося чутья может послужить хотя бы непродолжительный гон по торной дороге (особенно по шоссе), наоборот, на порочное чутьё указывает «гон в пяту» — неоднократное пересекание гончей следа зверя без прихватывания его и т. д.

Балл за чутьё на испытаниях ставится лишь одиночкам, а в таблице для смычков и стай нет этой графы, в связи с тем соображением, что балл за чутьё, поставленный стае, балл, так сказать, за «коллективное» чутьё ничего не говорит, а поэтому и не нужен. Против этой точки зрения есть много возражений и вообще вокруг этого вопроса неоднократно поднимались большие споры, однако в утверждённых «Правилах испытаний» графа «Чутьё» для стай и смычков исключена.

К оценке голоса надо подходить, помня, что он может звучать очень изменчиво в зависимости от различных обстоятельств. Так, в сухую, тёплую погоду голоса гончих звучат беднее, чем в сырую и особенно туманную пору. В сильно пересечённой местности иногда создаются особенно благоприятные акустические условия, и, эхо, сливаясь со звуками гона, очень усиливает их. В лиственном лесу до листопада голоса звучат глухо, тускло, тогда как в том же лесу, но оголённом осенней стужей, голоса тех же собак заиграют и сильнее, и фигурнее. Только очень опытный гончатник может более или менее правильно учесть влияние многих различных факторов, усиливающих или ослабляющих гонные голоса собак, но и он часто не способен быть совершенно точным в своей оценке. Вот почему так обычны довольно значительные расхождения судей в оценке голоса одной и той же собаки в разное время.

Оценка музыкальности и фигурности голоса гончей ещё сильнее зависит от субъективного взгляда судьи. В настоящее время, однако, стало общим правилом ставить хотя бы самый низший балл в графе «Музыкальность и фигурность», если голос гончей только породен. Голос с небольшим заливом может

быть оценен двумя баллами, сдваивание голоса заслуживает тройки и даже больше, а если голос гончей определённо троится и притом мелодичен и звучен, то не следует скупиться и на высший балл — 5.

Для оценки «верности отдачи голоса» обычно у судей бывает достаточно данных. Чаще всего встречается излишняя отдача голоса: добор; голос на «проносах»; когда гончая, проносясь по инерции вперёд на крутых поворотах или смётке зверя, продолжает голосить; работа с отдачей голоса на сколах; отдача голоса по тетеревам, рябчикам и т. п.; голос по следу других собак, хозяина или иных людей и даже лай без всякого повода, что уже является признаком настоящего пустобреха.

Значительно реже встречается недостаточная отдача голоса — «редкоскалость», но и она также должна отражаться в оценке работы гончей путём снижения балла в графе «Верность». Ещё реже — отдача голоса (или просто гон) «в пяту», которая должна считаться крупнейшим пороком. Если гончая прогнала «в пяту» хотя бы несколько десятков метров, в графе «Верность» ей можно поставить не более 1 или 2, резко снизив также и балл за чутьё.

Вязкость на испытаниях определяется и оценивается в большинстве случаев лишь весьма условно. Для подтверждения этого достаточно привести хотя бы такой пример. Гончая, подняв на испытаниях зайца, продержала его на гону 10 мин, скололась, не выправила скол в течение положенных 20 мин и согласно правилам была снята. Признав работу этой собаки неудовлетворительной, судьи поставили ей невысокий балл и за вязкость. А между тем, если бы владелец не оторвал её от работы по приказу судей, она продолжала бы вязкий и упорный розыск зверя, вновь добралась бы до него и ещё долго гоняла бы, хотя и не мастеровато, но очень вязко. Вязкость этой гончей, быть может, соответствует 12-15 баллам, а судьи поставили ей лишь 7-8. На испытаниях гончая не имеет возможности проявить полностью отличную вязкость, так как если ей даже будет дано погонять зайца час-полтора, то этим сроком вовсе ещё не исчерпываются возможности подлинно большой вязкости, ведь на охоте могут встретиться случаи, когда от гончей потребуется гон по одному зверю в течение не одного, а нескольких часов.

Лишь явно невысокая вязкость, когда собаку не приходится ловить, а она сама бросает гон, может быть оценена достаточно верно.

При оценке паратости учитываются: быстрота скачки гончей за зверем, определяемая на глаз, и то, насколько близко или далеко от зверя держится гончая на гону. Быстроту скачки, собственно паратость, нельзя смешивать с тем, насколько гончая «наседает» на зверя, так как последнее часто зависит не от резвости собаки, а от её мастерства. Судьи стремятся расшифровать взаимосвязь между быстротой и мастерством, и нередко им приходится ставить высокий балл за паратость гончей, далеко отстающей от зверя потому, что она часто проносится и много времени тратит на выправление сколов. Наоборот, гончей, «висящей на хвосте» зверя, сплошь да рядом судьи должны ставить меньший балл за паратость, так как зверь не может оторваться от собаки вследствие её отличной мастероватости.

Неправильное определение и неточная оценка паратости на испытаниях объясняется отсутствием представления, что же считать верхом совершенства паратости? Судя по тому что полный балл никогда не ставится, можно подумать, что требуется бешеная резвость. Если же вдуматься в этот вопрос, то следует прийти к выводу, что гончая достойна балла 10 за паратость, если она на гону держится преимущественно в 1 мин от зайца.

Приездка проверяется частично до напуска наблюдением, насколько гончая послушна, как идёт на сворке, приучена ли идти за хозяином без сворки и ошейника. На балл по приездке влияет отчасти и то, как гончая ведёт себя в полазе, насколько она при этом считается с ведущим. Необходимыми данными для оценки приездки гончей служат её назывистость (если происходит наманивание на шумового зверя) и позывистость — быстрота явки на рог по окончании испытания (если, конечно, гончая к этому моменту не гонит и не выправляет скол).

К одиночной гончей в отношении приездки (и, в особенности, движения без сворки при охотнике) предъявляются требования, пониженные по сравнению с требованиями к смычку, а тем более к стае, так как с плохо приезженной стаей охота не только затруднительна, но даже невозможна.

Свальчивость оценивается по быстроте, с которой гончие подваливают к собаке, поднявшей зверя и погнавшей его, а также по общей дружности гона, которую не должны нарушать ни сколы, ни неудобства местности (овраги, болота и пр.).

Растягивание стаи на гону не порочит её свальчивости, если оно зависит от неоднородной паратости гончих (от недостаточной ровности ног). Судьям во избежание ошибки в оценке приходится обращать

очень большое внимание на причину недостаточной кучности собак на гону и снижать стае балл по графе «Свальчивость» или по графе «Ровность ног».

В понятие свальчивости входит не только кучность собак на гону, но и дружность самого гона, дружность отдачи голосов и, если это условие не соблюдается (например, часть стаи или смычка гонит молча, хотя держится всё время в куче с ведущими собаками), то судьям приходится признать такую свальчивость неудовлетворительной и оценить её низким баллом. Ровность ног следует считать удовлетворительной, если гончие, хотя и растягиваются, но не теряют друг друга из вида на гону (а в лесу это не более 15-20 м). После испытания очередной гончей судьи немедленно проставляют в своих судейских книжках (или на соответствующих бланках) баллы по всем графам, выводят общий балл и делают заключения о присуждении диплома.

После того, как каждый из судей в отдельности сделает это, все члены коллегии тут же на месте устраивают краткое совещание, согласовывают окончательные средние оценочные баллы по всем графам таблицы и выносят решение о присуждении диплома.

К разряду испытательных мероприятий относятся также состязания гончих. На состязания допускаются только гончие, уже получившие дипломы на испытаниях. Состязания не имеют большого значения для племенной работы и являются чисто спортивным делом.

Называя состязания спортивным мероприятием, я должен оговориться.

Это определение относится к рядовым, сравнительно узким, областным состязаниям. Охотники-собаководы и без состязаний обычно знают основной, наиболее интересный, племенной материал своей области.

Заметно другой характер приобретают мероприятия необычного, более широкого, масштаба, как например, межобластные, республиканские и межреспубликанские состязания гончих.

Как правило, на таких «крупномасштабных» состязаниях выступают «лучшие из лучших» гончие целого ряда областей и даже целых республик.

Большей частью эти собаки по своему происхождению являются представителями наиболее интересных ветвей породы из имеющихся в той или другой области.

Межобластные и другие крупные состязания дают возможность охотникам встретиться, основательно обменяться опытом и мнениями и ознакомиться на конкретном материале с новыми для них группами той или иной породы гончих. Здесь у собаководов создаются предположения и определённые планы межобластного обмена «кровями», в форме уступки взрослых производителей или путём обмена щенками из особо интересных помётов.

Такие «большие» состязания могут играть серьёзную роль в племенной работе собаководов.

Отмечу и другую, оборотную сторону дела, заставляющую критически относиться к самому существу наших современных состязаний гончих. На вопрос, действительно ли они являются спортивными, приходится ответить отрицательно.

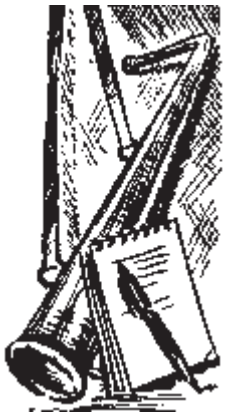
Ведь в настоящем спорте происходит соревнование наиболее подготовленных спортсменов, причём все они имеют полную возможность проявить себя. Выигрывают наиболее способные и натренированные.

Вовсе не то встречаем на состязаниях гончих.

Стало вполне обычным и никого не удивляет, когда на состязаниях лишь небольшой процент гончих (иногда всего 10-15%) получает дипломы, и вдобавок эти дипломы оказываются ниже добытых на испытаниях. Часто выходит так, что «лучшая из лучших» гончая привезена на состязания за тридевять земель только за тем, чтобы побегать в лесу час и, не подняв зайца, остаться «без расценки» в результате пустой случайности. А то — заяц, поднятый такой собакой, станет водить её болотом, которое налилось водой в результате затяжных дождей; гнать здесь невозможно, и отличная гончая «проваливается» на состязаниях независимо ни от своей первоклассной подготовки, ни от выдающихся природных данных. Если бы по жеребьёвке собаке достался следующий номер, ей пришлось бы работать в суходольном редколесье, где и гнать легче, и судьям перевидеть гон удобнее, а значит и больше оснований для постановки высоких баллов.

Хотя в последнее время в правила состязаний вносятся некоторые коррективы (допускается, например, «переэкзаменовка» для гончей не побудившей зверя на состязаниях), но они слишком недостаточны и состязаниям гончих ещё далеко до подлинной спортивности. В них всё ещё нередко лотерейная удача даёт успех.

На состязаниях в связи с ограниченным временем их проведения и значительным числом участников сроки на подъём зверя и выправление сколов могут сокращаться. Особенности судейства на состязаниях заключаются в более строгом и формальном выполнении всех пунктов соответствующих правил; это связано с тем, что на состязаниях допускается работа каждой единицы только по одному зверю, поэтому случай и удача играют большую роль. На состязаниях, кроме обычных дипломов, лучшим собакам выдаются также и ценные призы.



ВЫВОДКИ И ВЫСТАВКИ

В СССР ежегодно проводится много районных, межрайонных, областных и краевых выводок и выставок. Периодически организуются также республиканские и всесоюзные выставки.

Правила проведения выставок охотничьих собак определяют цели этих мероприятий следующим образом: «Выставки охотничьих собак проводятся с целью обмена передовым опытом работы и широкого показа достижений в охотничьем собаководстве. На выставках производится показ охотничьих собак, принадлежащих питомникам, обществам охотников, пушнозаготовительным организациям и охотникам-собаководам. На выставке также демонстрируются методы работы егерей и охотников-собаководов в области охотничьего собаководства».

Основная разница между выставкой и выводкой состоит в том, что на первой производится всесторонняя, так называемая комплексная оценка собак по их экстерьеру, рабочим данным, происхождению и племенной деятельности, а выводка является лишь экстерьерным смотром.

До 1951 г. комплексной оценки собак на выставках не было. Награды — золотые, серебряные и бронзовые медали, а также ценные призы присуждались собакам только за их внешний вид — породность и телосложение. Однако советские собаководы пришли к мысли, что такой порядок неудовлетворителен. Как бы хороша ни была собака по экстерьеру, это ещё далеко не всё.

Гораздо важнее красоты и внешней эффектности работа собаки на охоте. Охотнику дороже нерабочего красавца дельная в поле, хотя и не такая уж отличная по экстерьеру, собака. Кроме того, важна и родословная охотничьей собаки, гарантирующая потомственное закрепление охотничьих качеств. Полную цену породному животному придаёт хорошее потомство, т. е. проверка племенных качеств (в разделе о «Ведении породы» отмечена слабость этого пункта комплексной оценки).

Рисунок 27. Ринг русских гончих на выставке. Выжловки группы "отлично"

Учитывая сказанное, в современные правила выставок введена система комплексной оценки. Только собаки, удовлетворяющие определённым условиям, относятся к классам (элита, первый, второй и третий).

В крупных кинологических центрах (Москва, Ленинград, Киев и многие областные города) неклассные собаки не допускаются в производители, в племенных целях используются собаки преимущественно классов элита и первого. Перед выставками производится бонитировка собак — кандидатов в классные. В бонитировочной ведомости ставятся баллы за рабочие качества, происхождение (родословную) и потомство.

При оценке по потомству учитываются только классные дети, которые и дают в зависимости от своих качеств 2-6 баллов каждый. Балл за экстерьер ставится экспертом на выставке соответственно данной им оценке (отлично — 30, очень хорошо — 25, хорошо — 20, удовлетворительно — 15). Затем баллы по всем разделам бонитировочной ведомости суммируются, и в зависимости от общего, суммарного балла каждая собака относится к тому или другому классу.

В соответствии с принадлежностью собак к классу экспертная комиссия присуждает им медали: в классе элита — большие золотые, в первом — малые золотые, во втором — большие серебряные и

Рисунок 28. Смычок русских пегих гончих на выставке (оценка “отлично“)

в третьем — малые серебряные. Классные собаки выводятся на ринг выставочного показа, где они занимают места не по экстерьеру только, а по сумме бонитировочных баллов.

Таким образом на первых местах могут оказаться собаки, шедшие на экстерьерном ринге в задних рядах, а бывшие на нём первыми могут занять положение последних.

Гончие на выставках и выводках выставляются в одиночку, в смычках (парных группах) и в стаях (более многочисленных группах). На рингах групповой оценки экстерьерные достоинства отдельных собак отступают на задний план и большее значение имеют требования «подбора».

Смычок гончих на выставке должен принадлежать одному владельцу (или коллективу) и состоять из выжлеца и выжловки. Обе собаки должны быть однотипны по возможности тождественного окраса и подобраны по росту.

Под однотипностью понимается прежде всего одинаковый характер голов (например, очень сухие или сыроватые, рисунок их профиля, цвет глаз, размеры и форма ушей и т. д.), а также сходное телосложение (объёмистость груди, большая или меньшая длина туловища, развитие костяка, манера нести гон и т. п.).

Для идеальной однотипности вовсе не нужно полное тождество формы голов и телосложения, так как для смычка необходим и чётко выраженный половой диморфизм. Требование однотипности не должно мешать его проявлению.

Тождественность окраса для русской гончей — это одинаковые размеры и густота цвета чепрака, одинаковый тон подпалин или тон багряности. Для пегих пород под тождественностью окраса понимается также аналогичность цветов (тонов): чёрных пятен и румян (подпалин). Конечно, от пегого окраса нельзя требовать полного совпадения у выжлеца и выжловки размеров, формы и расположения всех пятен, но «тип» пегости должен совпадать, т. е. если у выжлеца на спине чепрак, то и выжловка должна иметь примерно тот же вид.

Смычок пегих гончих, где одна из собак в чепраке, а другая в мелких пятнах, конечно, несколько проиграет паре, окрашенной более однородно.

Точным подбором смычка по росту принято считать такую комбинацию, когда выжловка на 3 см ниже выжлеца. Из тех смычков, где это соотношение точно не соблюдено, следует отдавать предпочтение смычкам, в которых разница несколько больше нормы. Смычки, в которых обе собаки совершенно одинакового роста или разница в пользу выжлеца едва заметна, отодвигаются на задние места. Если же в смычке выжловка крупнее выжлеца, то такие пары на выставках оцениваются низко и даже могут получить «неудовлетворительно».

Стайки до пяти собак и более многочисленные стаи на выставке должны быть однотипные и одноцветные. Чем многочисленнее стая, тем снисходительнее приходится быть экспертам в отношении тождества этих признаков. Однако здесь по сравнению со смычками существует ещё одно дополнительное требование: послушание (приездка). Стая на выставке должна идти без смычков или в крайнем случае сомкнутая попарно, но уж во всяком случае без сворок или цепей.

Вопрос послушания на выставках очень важен и не только для стай. Хотя он не является решающим для рингов смычков и одиночек, но дисциплинированность собак и здесь дорога. Непослушные, распущенные, не в меру злобные, а иногда даже совсем незнакомые со своркой гончие на ринге рвутся,

ложатся, тянут, припадая к земле, бросаются на соседей по рингу или на грудь к хозяину и так плохо показываются эксперту, что он легко может дать такой собаке оценку ниже её качества.

Поэтому при подготовке гончих к выставке или выводке необходимо приучать их к спокойному хождению на сворке, побывать с ними в обществе чужих собак и добиться возможно ровного и, выдержанного поведения.

Очень существенный элемент оценки экстерьера собаки на выставке — осмотр её зубов, так как современные правила экспертизы придают серьёзное значение качеству прикуса (прикусом называется встреча друг с другом верхних и нижних резцов собаки). Нормально — у нестарой собаки выступы верхних резцов немного перекрывают нижние резцы. Владелец гончей, собираясь показать свою собаку на выставке или выводке, обязан добиться того, чтобы она спокойно позволяла ему развернуть губы для осмотра прикуса при сжатых челюстях.

Среди гончих нередки экземпляры (особенно выжлецы) настолько злобные, что при попытке владельца, а тем более кого-либо постороннего, трогать их зубы или губы, приходят в ярость и могут травмировать людей. Между тем, если эксперт не уверен в хорошем прикусе, он не имеет права дать высокую оценку даже собаке, отличной во всех остальных отношениях.

Чтобы гончая на ринге получила оценку по достоинству, необходимо прежде всего придать ей «выставочное тело», если она исхудала от работы, следует её усиленно подкормить, а если, наоборот, собака «залежалась» и зажирела, то уменьшенной дачей корма и сильным моционом сбить с неё жир. Это имеет существенное значение. Исхудалая, истощённая гончая кажется слабой, жидкой, даже беднокостной, грудная клетка её представляется недоразвитой, чего вовсе нет на самом деле. Ни один объективный эксперт не может сказать, какой прекрасный экстерьер был бы у данного выжлеца, если бы он был представлен в норме.

Точно так же и сильно зажиревшая гончая теряет на ринге. Она выглядит как бы сырой, тяжёлой, непропорциональной; бывает, что у перекормленной собаки спина начинает провисать. Такая собака теряет упругость и энергию движений, характерные для гончей. Контуры её тела становятся расплывчатыми, пропадают, как говорится, формы.

Самым лучшим «выставочным телом» считается такое, если корпус гончей покрыт небольшим слоем жира и зад настолько округлится, что мослаки нисколько не выпирают.

Гончие, особенно содержащиеся на псарне, часто бывают грязными, отчего они сильно проигрывают на выставке. Поэтому, готовя гончих к общественному показу, их следует вымыть с мылом. Мыть собаку нужно не в день самой выставки, а накануне, чтобы псовина успела просохнуть, хорошо улечься и слегка засалиться, приобрести блеск; только, что вымытая собака обычно выглядит какой-то пушистой, чуть ли не лохматой.

Часто приходится выставлять гончих в состоянии разлиньки; при этом старая тусклая грязная псовина, да ещё висящая клочьями, очень портит вид собаки. В этом случае всё-таки нужно привести гончую в возможный порядок, осторожно, чтобы не обесшерстить, вычесав старую шерсть после мытья.

Не рекомендуется ставить на выставку выжловок в последнем периоде щенности или в разгар кормления щенков, когда грядки отвисают чуть не до земли, а также собак, ослабленных только что перенесёнными болезнями или травмами.

Что касается классных гончих со старыми, уже залеченными травмами (например, со сломанной или отрезанной ногой), то таких гончих, если они ещё способны служить производителями, имеет смысл выставлять, особенно там, где мало хорошего племенного материала. Они могут пройти на высокие оценки.

Экспертиза на экстерьерных рингах выставок и выводок — дело нелёгкое и ответственное.

Эксперт-кинолог не только должен уметь определить правильность телосложения собаки и соответствие стандарту всех её форм и характерных породных признаков. Нужно ещё уметь расставить собак на ринге в порядке их экстерьерного качества и в описании обосновать место каждой собаки.

Важно также, чтобы эксперт обладал способностью видеть у собаки ту не определимую никакими точными формулировками породность, которая свидетельствует о «кровности» животного и служит залогом высокой породности его потомства.

Для такого умения «видеть» собаку недостаточно знания стандарта. Только очень большой интерес к породе и большой опыт могут научить человека подмечать те, как бы незначительные детали, которые придают породному животному особенно благородную внешность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Численность гончих в нашей стране растёт, повышается их породность. В важнейших кинологических центрах, как Москва, Ленинград, Горький, Киев, Харьков и другие, секции кровного собаководства в местных обществах охотников составляют продуманные и обоснованные планы вязок, построенные не только на выставочных и полевых достижениях и успехах производителей, но и на глубоком изучении происхождения собак, а также на сборе сведений о результатах их племенной деятельности. На выставках из года в год появляется всё больше и больше полевых победителей, которые по введённой в последние годы комплексной оценке включаются в высшие выставочные классы (элита и первый).

Словом, казалось бы, всё хорошо и гончие «идут в гору». Однако это, к сожалению, не совсем так. При всех отличных внешних качествах гончих у нас не так уж много собак, с которыми можно хорошо и приятно охотиться. Бывает, что полевой диплом на испытаниях вовсе не гарантирует подлинно хорошие охотничьи качества. Ведь нередко на испытаниях достаточно гончей продержать зайца на гону около получаса, включая и время небольших сколов, как судьи уже спешат присудить ей диплом, боясь, что дальше будет хуже и, если начнется мароватый гон с частыми и затяжными сколами, из-под которого будет чем дальше, тем труднее перевидеть зайца, то присудить диплом, чего доброго, не придётся.

В недавнее время появился даже новый термин «спортивная» гончая, очевидно в противовес гончей просто охотничьей. Термину «спортивная» придается такое значение: гончая должна работать быстро, энергично, красиво, хотя бы несколько минут, должна при этом блеснуть звучным и интересным голосом и не важно, если у неё нет вязкости и подлинного мастерства, лишь бы она была эффектна.

Таким образом, намечается линия на создание гончих, подобных английским фильдтрайльсовым легавым, которые блистали на испытаниях и состязаниях, но были негодны для охоты.

Подобные тенденции следует признать крайне вредными. Если спортивная фильдтрайльсовая собака ещё имеет какой-то смысл в Англии, где количество охотничьих угодий ограничено и охота практически возможна далеко не для всех, то нам с нашими бескрайними охотничьими просторами и возможностями нужна не «спортивная» гончая, а подлинно охотничья, такая, которая радовала бы не только блёсткими вспышками своего темперамента, а верной и вместе с тем красивой работой помогала бы охотнику достигнуть полного успеха в завершении охоты — добычи желанного зверя.

Добившись высокой породности собак, советские охотники должны с той же настойчивостью и уверенностью в успехе заниматься повышением рабочих качеств гончих. Если требования к экстерьеру гончей за последние 20-30 лет намного возросли, то совершенно недопустимо, чтобы параллельно с этим снижались запросы к работе собаки.

Известно, что сделать из гончей хорошую рабочую собаку — задача неизмеримо более трудная, чем им лучить полевую легавую или лайку, что городскому охотнику особенно сложно работать по нагонке своей гончей. Но как бы трудно это ни было, гончатник по-настоящему любящий охоту и дорожащий своей собакой, должен хотя бы на один-два сезона, когда возможна нагонка, всё свободное время отдать молодой гончей, чтобы тем самым обеспечить себе радость хорошей охоты на многие годы.

Нельзя вместе с тем не пожелать, чтобы общества охотников создали, наконец, штаты егерей-нагонщиков, которым охотники, слишком поглощённые своей основной работой, могли бы отдавать гончих в нагонку.

Советские охотники могут и добьются ещё большего улучшения полевых качеств гончих, как они добились их прекрасного экстерьера.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЗАНСКИЙ

ГОНЧАЯ И ОХОТА С НЕЙ

Редактор издательства **З.С. Чугунова.**
Технический редактор **Г.Л. Карлова.**
Корректор **Е.Н. Соколова.**
Обложка художника **В.Д. Петухова.**

Тематический план 1966 г. № 148. Москва, издательство
«Лесная промышленность»

Т-12300. Сдано в производство 24/III 1966 г.
Подписано к печати 21/X 1966 г. Бумага 70x108 $^{1}/_{32}$ типогр. № 1.
Физ. печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 12,16. Тираж 30000 экз.
Изд. № 225/65. Цена 46 коп. Зак. 1176.

Ленинградская типография № 12 им. М.И. Лоханкова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров
СССР. Ленинград, ул. Правды, 15.